

А. С. Гацискій.

ЛЮДИ

НИЖЕГОРОДСКАГО ПОВОЛЖЬЯ.

Біографическіе очерки.

Книжка I.

Содержаніе: Предисловіе. А. Д. Улыбышевъ.
—Ф. П. Переплетчиковъ. —Л. П. Косицкая. —А.
В. Ступинъ. —Е. К. Огородниковъ. Приложенія:
Къ біографіи Ф. П. Переплетчикова. —Нижегород-
скій синодикъ за 1886 годъ (М. Б. Прутченко,
А. А. Одинцовъ и Н. И. Русиновъ). —Объявленія.

Нижній Новгородъ.

Типографія ниж. губ. правленія.

1887.

025655

I.

Александръ Дмитріевичъ Улыбышевъ.

(1794 — 1858).

Лѣтомъ 1860 года остановился я у витринъ какого-то книжнаго магазина на Friedrichsstrasse въ Берлинѣ и между другими книгами, увидалъ, какъ теперь помню, въ зеленой обложкѣ, сочиненіе А. Д. Улыбышева о Моцартѣ, на нѣмецкомъ языкѣ... Книга эта напомнила мнѣ многое изъ моего дѣтства, какъ, бывало, я, ребенкомъ, первою трясся отъ наплыва впечатлѣній въ нижегородскомъ театрѣ; тамъ между прочимъ обращалъ на себя мое вниманіе пожилой, румяный толстякъ, съ сѣдыми рѣдкими баками и клочкомъ такихъ-же волосъ подъ подбородкомъ, въ золотыхъ очкахъ, большею частью въ лѣтнихъ свѣтлыхъ панталонахъ и въ сѣрой на ватѣ, съ бобровымъ воротникомъ, шинели. Толстякъ этотъ — Александръ Дмитріевичъ Улыбышевъ — всегда сидѣлъ въ первомъ ряду кресель, на первомъ съ правой стороны отъ входа, и ужас-

но кишятился, какъ при поднятѣ, такъ и при опущенномъ занавѣсѣ. Свои сужденія о пьесахъ, объ игрѣ актеровъ онъ произносилъ нестѣсняясь, громко, на весь театръ, нетолько въ антрактахъ, но и во время хода пьесы, покрикивая: „браво, отлично, молодецъ!“ или: „скверно,“ а иногда даже просто: „экой бол-вванъ!“.... Театральная публика, какъ и всякая масса, всегда обзаводящаяся своими богами и божками, ее направляющими и внушающими, посматривала только на Александра Дмитриевича: молчалъ онъ, и она молчала, одобрялъ онъ—и она отбивала изъ всѣхъ силъ свои ладони; вертѣлся онъ отъ досады, и она осмѣливалась иногда изъ подъ тишка шикнуть (тогда шикать было опасно: съ начальствомъ неразберешся).... Вообще А. Д. въ старомъ нижегородскомъ театрѣ (на углу Большой и Малой Печерокъ) былъ тѣмъ, какъ я уже однажды замѣтилъ *), чѣмъ былъ для актеровъ и публики московскаго театра К. Ю., который, по словамъ А. Е. Шушерина, записаннымъ С. Т. Аксаковымъ, сидя также всегда въ первомъ ряду кресель,

*) «Нижегородскій театр (1798—1867)». Нижний Новгородъ, 1867, стр. 51.

магически дѣйствовали на слѣдившихъ за нимъ со сцены актеровъ.

Не стѣснялся Александръ Дмитриевичъ и въ столичныхъ театрахъ, публика которыхъ не разъ подхватывала театральныя сужденія А. Д., клавшаго свои опредѣляющія рѣшенія на таланты. Такъ, рассказываютъ, что одна, считавшаяся чуть не совершенствомъ, пѣвица большого театра въ Петербургѣ, обладавшая прекраснымъ развитіемъ нижнихъ и верхнихъ нотъ, нѣсколько упала въ мнѣніи петербургской публики, когда А. Д. нашель, что въ виду несовершенствъ ея среднихъ нотъ, она „имѣетъ слишкомъ много, для того, чтобы имѣть достаточно“ *). Этотъ афоризмъ А. Д. по отношенію къ пѣвицѣ (мнѣ не мо-

*) А. Д. извѣстенъ былъ не только за умнаго, но и за очень остроумнаго человѣка. Остроты его безпрестанно ходили по Нижнему, и какъ всегда бываетъ — безъ разбору. Самыя незначительныя замѣчанія его пересказывались на всѣ лады, и хотя-бы въ нихъ даже ничего не было замѣчательнаго, разказчики и слушатели считали своей непремѣнной обязанностью изумляться ихъ остроумію. Такъ, помню, между прочимъ передавалось изъ усть въ уста, что увидавъ меня въ первый разъ въ студенческомъ мундирѣ, А. Д. замѣтилъ: «Изъ эдакой маленькой флейты (лѣтъ 13-ти я игралъ на флейтѣ) и вдругъ сдѣлался такой большой фаготъ».

гли передать ея фамиліи) съ тѣхъ поръ вошолъ въ общее употребленіе въ средѣ публики большого театра.... Рассказываютъ также, что встрѣтившись въ фойе большого театра съ какой-то дамой, А. Д. заговорилъ съ ней о театрѣ, и по своему обыкновенію, безъ всякихъ церемоній, и только потомъ узналъ, что говорилъ съ лицомъ, очень высоко поставленнымъ.... Передаютъ, что во время представленія въ Петербургѣ оперы „Сѣверная Звѣзда“, которую А. Д. видѣлъ въ первый разъ и въ которой подъ однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ разумѣлся Петръ Великій, въ самомъ каррикатурномъ видѣ, А. Д. до того громко и рѣзко порицалъ такое циническое неуваженіе къ памяти великаго генія страны, что съ тѣхъ поръ „Сѣверная Звѣзда“ стала даваться все рѣже и рѣже, и затѣмъ вовсе снята была съ петербургской оперной сцены.

Открытая барская жизнь А. Д. въ Нижнемъ осмысливалась его музыкальными вечерами; вообще важнѣйшее значеніе всей дѣятельности А. Д. заключалось въ его музыкальности, которою онъ сдѣлался извѣстнымъ не только, или вѣрнѣе: не столько въ Россіи, какъ за-границей.

Официально записанная жизнь А. Д. говорит о немъ, по обыкновенію, самымъ лаконическимъ тономъ. Изъ аттестата, выданнаго „дѣйствительному статскому совѣтнику Александру Дмитриеву сыну Улыбышеву, по опредѣленію государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ, въ С.-Петербургѣ, декабря 17 дня 1830 года“, обязательно суженнаго мнѣ зятемъ А. Д. уважаемымъ К. И. Садоковымъ, которому я крайне обязанъ за сообщеніе цѣнныхъ свѣдѣній для настоящаго біографическаго очерка, видно слѣдующее: А. Д. поступилъ на службу въ канцелярію министра финансовъ 20 августа 1812 года; по увольненіи оттуда опредѣленъ въ канцелярію горныхъ и соляныхъ дѣлъ 31 августа 1813 года, пожалованъ въ коллежскіе регистраторы 20 декабря того-же 1813 года; по прошенію уволенъ изъ канцеляріи департамента горныхъ и соляныхъ дѣлъ 29 февраля 1816 года и опредѣленъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ 29 апрѣля того-же 1816 года; 1 января 1817 г. произведенъ въ переводчики; 1 іюля того-же года пожалованъ въ титулярные совѣтники; 20 октября того-же года отправленъ въ Москву для нахождения при канцеляріи

управляющаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ; 1 января 1820 года пожалованъ въ коллежскіе ассесоры; 27 августа 1821 года — кавалеромъ ордена св. Владиміра 4 степени; 21 апрѣля 1823 года — ордена св. Анны 2 степени; 1 января 1824 г. произведенъ въ чинъ надворнаго совѣтника; 28 марта 1825 года — въ чинъ коллежскаго совѣтника; 22 августа 1826 года пожалованы ему алмазные знаки св. Анны 2 степени; 5 декабря 1827 года ему пожаловано одновременно въ награжденіе 3000 рублей; 25 марта 1828 года произведенъ въ статскіе совѣтники; 9 октября 1829 года пожалованъ ему годовой окладъ жалованья, состоящій изъ 3000 рублей; 5 апрѣля 1830 Всемилоствѣйше пожалованъ ему перстень съ вензелевымъ Высочайшимъ именемъ. Находясь въ отпуску, прислалъ въ сентябрѣ 1830 года прошеніе объ увольненіи его въ отставку, уволенъ 22 ноября отъ службы, при чемъ, за оказанное имъ, въ продолженіе ея, отличное усердіе, пожалованъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники... Вотъ и все. Но большаго конечно отъ официальной біографической записи и требовать нельзя. Съ 1830 года А. Д. болѣе не служилъ, такъ что послѣднія почти 30 лѣтъ своей

жизни не принималъ активнаго участія въ служебно-общественной дѣятельности, если не считать участія его въ собраніяхъ нижегородскаго дворянства и въ совѣщаніяхъ дворянъ по крестьянскому преобразованію. Нужно однако при этомъ прибавить, что вслѣдъ за трагической кончиной А. С. Грибоѣдова, А. Д. предлагали занять его постъ въ Персіи, но онъ отъ этаго уклонился.

А. Д. родился, какъ это видно изъ надписи на его надгробномъ памятникѣ въ с. Лукинѣ, 2 апрѣля 1794 года, отъ Дмитрія Васильевича и Юліи Васильевны Улыбышевыхъ *). О мѣстѣ рожденія его я не могъ собрать свѣдѣній.

До 16 лѣтъ А. Д. воспитывался за-границей, а именно въ Германіи, что, по всей вѣроятности, и имѣло вліяніе на философскій образъ его мышленія, на любовь къ музыкѣ, и притомъ такъ-называемой серьезной, класси-

*) Отъ священника с. Лукина И. Зефирова слышалъ я слѣдующее преданіе, сообщенное ему сестрой А. Д. Екатериной Дмитріевной Пановой, о происхожденіи фамиліи Улыбышевыхъ: во времена Дмитрія Донскаго, великій князь былъ въ большой опасности во время какого-то сраженія; отъ этой опасности онъ былъ спасенъ однимъ изъ своихъ воиновъ; за это великій князь выдалъ за него замужъ свою единственную дочь *Улыбу*.

ческой, и вообще на то, что А. Д. смотрѣлъ всегда „европейцемъ,“ конечно съ нѣкоторой примѣсью родного отечественнаго барства.

По возвращеніи изъ за-границы А. Д. выдержалъ экзаменъ для полученія права на первый чинъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Владиміромъ Дмитриевичемъ, который былъ въ послѣдствіе профессоромъ въ корпусѣ путей сообщенія и членомъ комитета по устройству Исаакіевскаго собора. По поводу этаго экзамена А. Д. рассказывалъ слѣдующій анекдотъ: въ числѣ экзаменаторовъ былъ извѣстный Зябловскій, который до того „пробиралъ“ юнцовъ, что большая часть ихъ совсемъ раскисла. А. Д., на-оборотъ, сталъ злиться, и на вопросъ Зябловскаго: „скажите, какія животныя водятся въ Россіи,“ съ азартомъ ствѣчалъ: „лошади, коровы, бараны, козы, ослы, профессор.... ахъ, извините, г. профессоръ!“....

Въ періодъ своей служебной дѣятельности съ 1812 по 1830 годъ А. Д. завѣдывалъ редакціей „Journal de St.-Petersbourg,“ былъ вообще редакторомъ при коллегіи иностранныхъ дѣлъ, занимался переводами съ французскаго языка на русскій и съ русскаго на французскій (на послѣдній онъ перевелъ одно сочи-

неніе по интересовавшему тогда правитель-
ство вопросу о военныхъ поселеніяхъ), на-
писаль, по порученію правительства, описаніе
коронаціи Императора Николая Павловича
(за что именно и получилъ алмазные знаки
ордена св. Анны 2 степени), но главнымъ
образомъ, какъ и въ теченіе всей своей жиз-
ни, посвящаль свои досуги занятіямъ по
музыкѣ и частью по литературѣ *).

На службѣ А. Д. приобрѣль знакомство съ
графами Канкринымъ, Сперанскимъ, Блудо-
вымъ, о которыхъ всегда отзывался съ боль-
шимъ уваженіемъ, также какъ и о графѣ
Нессельроде, своемъ прямомъ начальникѣ,
расположеніемъ котораго всегда пользовался.

Въ отставку вышелъ А. Д. въ слѣдствіе
смерти своего отца и поселился въ родовомъ
своемъ нижегородскомъ имѣніи Лукинѣ (ему
достались нижегородскія имѣнія его отца,
брату его—саратовскія), занялся устрой-
ствомъ своихъ дѣлъ, которыя были порядоч-

*) Изъ двухъ сестеръ А. Д. одна, Елизавета Дмитріе-
вна, умершая не замужней, писала стихи, неоднократно раз-
биравшіеся извѣстнымъ барономъ Брамбеусомъ; другая—
Екатерина Дмитріевна, по мужѣ Панова, была очень об-
разована и начитана и находилась одно время въ дѣя-
тельной перепискѣ съ извѣстнымъ Чаадаевымъ.

но разстроены, и довели ихъ до того, что къ концу своей жизни, когда перешло къ нему, по смерти его брата, и саратовское имѣніе, получалъ до 50,000 рублей ежегоднаго дохода.

Въ Лукинѣ-же А. Д. женился на Варварѣ Александровнѣ Олсуфьевой.

Здѣсь прожилъ онъ почти безвыѣздно около 10 лѣтъ, отлучаясь лишь иногда въ городъ, на ярмарку, на дворянскіе выборы въ Нижній, и для своихъ музыкальныхъ работъ, о чемъ сказано будетъ ниже.

Энергически занимаясь въ Лукинѣ хозяйствомъ, постройками, А. Д. не отставалъ отъ главной „злобы“ своей жизни: задумалъ и написалъ здѣсь свое сочиненіе о Моцартѣ, которое вышло изъ печати у Брокгауза въ Лейпцигѣ, на французскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: „Nouvelle biographie de Mozart suivie d'un aperçu sur l'histoire de la musique et de l'analyse des principales œuvres de Mozart“.

Для лучшей обработки своихъ взглядовъ на музыку Моцарта, А. Д. пріѣзжалъ въ городъ, устраивалъ здѣсь оркестровое исполненіе моцартовскихъ пьесъ и часто видался съ покойнымъ Шереметевымъ, также большимъ любителемъ музыки и тонкимъ знатокомъ и цѣнителемъ ея, несмотря на то, что

онъ не игралъ ни на какомъ инструментѣ *). Тамъ, гдѣ А. Д. не находилъ отвѣта о музыкѣ Моцарта у извѣстныхъ авторовъ о ней, онъ разрѣшалъ задачу самъ, логичностью своего мышленія, и по отзыву музыкальнаго критика г. Фетиса, разрѣшалъ блестящимъ образомъ. Трудъ А. Д. пользуется и до сихъ поръ большимъ почетомъ въ музыкальной литературѣ **); написанный на французскомъ

*) Разсказываютъ, что однажды А. Д. съ Н. В. Шереметевымъ былъ въ нижегородскомъ спасо-преображенскомъ соборѣ и слушалъ исполненіе архіерейскими пѣвчими (при епископѣ Іоаннѣ, въ тридцатыхъ годахъ) херувимской, подъ управленіемъ регента, большого мастера примѣнять извѣстные уже мотивы къ духовному пѣнію. Шереметевъ прямо назвалъ пьесу Моцарта, положенную регентомъ въ основаніе текста херувимской... Такимъ образомъ А. Д. не былъ одинокимъ въ своихъ музыкальныхъ стремленіяхъ и составлялъ лишь центръ тогдашняго музыкальнаго кружка въ Нижнемъ.

***) Не лишне здѣсь привести выдержку изъ одной нѣмецкой музыкальной газеты пятидесятыхъ годовъ (*Neue Berliner Musik-Zeitung herausgegeben von Gustaw Bock, 1850*), уже приведенную мной въ брошюрѣ моей «Нижегородскій театръ (1798—1867)». Вотъ, что въ ней говорится: «Въ серединѣ великаго пространства русскаго царства, почти въ равномъ разстояніи отъ г. С.-Петербурга и Уральского хребта, отдѣляющаго Европу отъ Сибири, лежитъ Нижній Новгородъ. Уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и между жителями этаго города,

языкъ, онъ былъ вскорѣ переведенъ почти на всѣ европейскіе языки: нѣмецкій, шведскій и другіе... кромѣ русскаго, на который началъ-было его переводить Сеньковский, но почему-то остановился. Мотивомъ выбо-

которыхъ число превышаетъ 30,000, постепенно расширяющаяся въ образованномъ классѣ склонность къ музыкальнымъ наслажденіямъ, нашла сочувствіе, и музыка насчитываетъ теперь уже значительное число образованныхъ почитателей, которые съ ревностію и любовью слѣдуютъ своему музыкальному призванію. Во многихъ домашнихъ кругахъ города, какъ благодѣтельными послѣдствіями этого направленія, образовались маленькія музыкальныя собранія, въ которыхъ нашли-бы наслажденіе и радость истинные друзья музыки. Сочиненія знаменитѣйшихъ творцовъ, незабвенныхъ въ области музыки, каковы Гайднъ, Бетховенъ и Моцартъ, также какъ и новѣйшихъ, каковы Мендельсонъ-Бартольди, Шпоръ, Феска, Рейсигеръ, исполняются въ квартетахъ и тріо, на фортепиано, съ аккомпанементомъ струнныхъ инструментовъ, и на одномъ фортепиано, съ возможною отчетливостію, вкусомъ и чувствомъ. Между здѣшними дилетантами, принимающими самое живое участіе въ этихъ музыкальныхъ собраніяхъ, должны быть поименованы: г. Улыбышевъ, который обыкновенно играетъ первую скрипку и, при совершенно удивлительной способности въ области такъ-называемой камерной музыки, какъ и при исполненіи классическихъ сочиненій, заставляетъ себя слушать съ удовольствіемъ. Онъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ, съ величайшею ревностію, предавался теоретическому и практическому изученію музыки, старался, сколько позволяли силы, познако-

ра А. Д-чемъ французскаго языка для своего труда, было, съ одной стороны, то, что французскій языкъ онъ зналъ въ совершенствѣ, и въ ту эпоху своей жизни даже лучше русскаго, который онъ отлично

миться съ важными произведеніями прошедшаго столѣтія и даже со славою попытался распространить приобретенныя имъ познанія, издавъ, для теоріи музыки, сочиненіе подъ заглавіемъ: *Nouvelle Biographie de Mozart, suivie d'un aperçu sur l'histoire de la musique et de l'analyse des principales œuvres de Mozart.* Но по недостатку механической отдѣлки, требуемой силы и ближайшаго знакомства со всѣми трудными формами (*Modifications*), которымъ подверглась игра на скринкѣ въ послѣднее десятилѣтіе и которыя необходимо требуютъ болѣе новой методы, онъ уже не въ состояніи, при исполненіи нынѣшнихъ сочиненій, каковы Вьетана, Эрнста, Прюма, Аляра и др. соперничать съ другими изъ новѣйшихъ скрипачей. Партію альты, съ счастливымъ успѣхомъ и совершенно удовлетворительною отчетливостію, исполняетъ г. Аверкиевъ, страстный почитатель важной музыки, и его живое участіе въ исполненіи квартетовъ Моцарта и Бетховена, не позволяетъ желать ничего болѣе. Кромѣ того не самыя трудныя вещи онъ очень удовлетворительно разыгрываетъ на скринкѣ и віолончели. Не менѣе достойно упоминанія участіе г. Каменскаго въ здѣшнихъ музыкальныхъ частныхъ вечерахъ. Его постоянное, неутомимое усердіе, съ которымъ онъ посвящаетъ себя музыкѣ, ободряетъ другихъ и одушевляетъ его сотрудниковъ. Г. Эйзерихъ, который является въ этихъ собраніяхъ превосходнымъ пианистомъ и который музыкантъ *ex professo*, давая, въ большей

изучилъ лишь въ послѣдствіе, а съ другой то, что такая книга, написанная на французскомъ языкѣ и изданная за-границей, ближе достигала своей цѣли, при слабомъ развитіи у насъ музыкальной литературы не только въ 30-тыхъ годахъ, но и теперь *).

части домовъ города, уроки на фортепіано, отличается своею легкою, бѣглою игрою, вѣдко переступающею границы предписаннаго темпа: но при этомъ онъ очень твердъ въ тактѣ и обладаетъ рѣдкою способностію совершенно ему неизвѣстныхъ пьесъ, даже когда они трудны, разыграть *prima vista*, смѣло, безъ размысленія. Замѣчательнымъ талантомъ природа наградила еще очень молодого человѣка, г. Гебеля, который, какъ виолончелистъ, для здѣшнихъ собраній дилетантовъ неоспоримо полезенъ. Его тонъ чистъ и его исполненіе (*Vortrag*) обѣщаетъ въ будущемъ полное чувства выраженіе (*Ausdruck*). Но, къ несчастію, молодой человѣкъ не умѣетъ достаточно пользоваться дарованіями, которыми надѣлила его природа, пренебрегаетъ своимъ прекраснымъ талантомъ и приноситъ его въ жертву свѣтскимъ удовольствіямъ. Кромѣ того и дамы здѣшнія—страстные любительницы музыки. Въ городѣ найдется рѣдкій домъ, въ которомъ-бы не было хорошаго инструмента, на которомъ онъ очень бѣгло и удовлетворительно исполняютъ труднѣйшія вещи Листа, Тальберга, Шопена и др. Между ними съ полнымъ правомъ первое мѣсто занимаетъ отличная піанистка графиня Толстая. Какъ развивающійся талантъ и прекрасная надежда для будущаго, является пріятный контръ-альто г-жи Стремоуховой».

*) Для переписки своей рукописи А. Д. восполь-

По условію съ фирмой Брокгауза А. Д. долженъ былъ получать извѣстный процентъ отъ распродажи своей книги; но за этой стороны своего труда онъ никогда не слѣдилъ и не безъ нѣкотораго барскаго гонора говорилъ объ этомъ. Главнымъ личнымъ значеніемъ своего труда А. Д. считалъ собственное нравственное удовлетвореніе; онъ утверждалъ, что окончивъ его „исполнилъ свой святой долгъ.“ А. Д. рассказывалъ, что отецъ его всегда ему говаривалъ: „что ты никогда ничего не напишешь? Слѣдуетъ тебѣ написать какуюнибудь книгу.“ Впечатлительность натуры А. Д-ча развивала этотъ завѣтъ до того, что ему по ночамъ грезился отецъ его съ напоминаніемъ: „исполни, Александръ, завѣтъ мой!“ Написавъ своего „Моцарта“, А. Д. считалъ такимъ образомъ свой „священный долгъ“ исполненнымъ. Въ этомъ-то, въ нравственномъ удовлетвореніи, какое даетъ всякая, сознательно и добросовѣстно выполненная работа, и полагалъ А. Д. всѣ выгоды отъ своего сочиненія, о судьбѣ ко-

зовался (за 500 рублей ассигнаціями) услугами нѣкоего г. Фавро, домашняго учителя-француза его дѣтей; подлинная рукопись А. Д. пошла потомъ на оклейку стѣвъ подъ обои лукинскаго дома.

тораго онъ самъ впервые узналъ только лѣтъ пять спустя, по выходѣ книги, когда она сдѣлала свое дѣло въ средѣ компетентной публики и когда онъ сталъ получать со всѣхъ сторонъ, отъ лично ему вовсе незнакомыхъ композиторовъ, самыя сочувственныя письма, поздравлявшія его съ успѣхомъ.... Въ Россіи „Моцартъ“ А. Д-ча продавался и продается у Бернара *).

Другимъ крупнымъ сочиненіемъ А. Д. по музыкѣ было сочиненіе его о Бетговенѣ, написанное имъ спустя лѣтъ десять послѣ перваго, также на французскомъ языкѣ и также изданное за-границей. Это сочиненіе, на-оборотъ, не имѣло успѣха, или, вѣрнѣе, имѣло успѣхъ совершенно отрицательный. Въ немъ А. Д. пошолъ въ разрѣзъ съ зарождавшимися взглядами на бетговенскую музыку. А. Д. доказывалъ, что у Бетговена есть мѣста, противныя всякимъ понятіямъ о музыкальной гармоніи, и вооружался противъ тѣхъ музыкальныхъ критиковъ, которые утвержда-

*) Денежная выгода отъ музыкальныхъ сочиненій завѣщана А. Д. дочери своей Натальѣ Александровнѣ Садовой. которою она, въ свою очередь, пожертвована маріинской женской гимназій въ Нижнемъ, получающей деньги непосредственно отъ фирмы Брокгауза.

025655

ли, что если мы теперь не понимаемъ многихъ бетговенскихъ диссонансовъ, то только потому, что наше ухо еще не доросло, еще недоразвилось до ихъ пониманія, что бетговенская музыка „музыка будущаго“, какъ говорятъ теперь о вагнеровской музыкѣ. А. Д. настаивалъ на томъ, что многія сочиненія Бетговена писаны были имъ въ тотъ періодъ его жизни, когда онъ уже плохо слышалъ или даже совсѣмъ оглохъ, а какъ для того, чтобы судить о плавности и звучности устной рѣчи мало видѣть буквы и слова, нужно прочесть ихъ вслухъ, такъ мало видѣть изображенія нотъ на линейкахъ, нужно ихъ услышать воспроизведенными не однимъ умомъ, но и ухомъ, еще настоятельнѣе, чѣмъ относительно голосового воспроизведенія буквъ. А. Д. увлекался даже до того, что называлъ Бетговена, за нѣкоторыя мѣста его произведеній, просто сумасшедшимъ (конечно въ музыкальномъ отношеніи).

Сочиненіе свое о Бетговенѣ А. Д. писалъ недолго, и вообще не такъ любовно къ нему относился, какъ къ сочиненію о Моцартѣ.

Кромѣ названныхъ крупныхъ сочиненій А. Д. оставилъ множество мелкихъ музыкальных замѣтокъ, печатавшихся большею

стію въ „Journal de St.-Petersbourg“ въ петербургскій періодъ его жизни, и въ „Сѣверной Пчелѣ“—въ нижегородскій. Темой для первыхъ были концерты и оперная музыка въ Петербургѣ, для вторыхъ—концерты въ Нижнемѣ.

Если на долю музыкальныхъ сочиненій А. Д. выпала обширная извѣстность, то не такъ счастливы были его чисто-литературныя произведенія, конечно потому, что они не дошли, а частью и не могли дойти до типографскаго станка.

Литературныя сочиненія А. Д. дѣлятся на двѣ категоріи: драматическія (драмы, комедіи, сатиры и шутки въ драматической формѣ) и дневникъ, утрата котораго особенно прискорбна. На первые свои опыты въ драматической формѣ А. Д. смотрѣлъ очень легко и серьезно занимался ими только со стороны практики въ русскомъ языкѣ. Драматическія произведенія А. Д. всегда имѣли жизненно-обличительно-бытовую подкладку, казня глупость, взяточничество и другія дурныя стороны современнаго А. Д.-чу общества; дѣйствующими лицами у него являлись болѣе или менѣе сильныя міра нижегородскаго со-роковыхъ и пятидесятихъ годовъ. Привыкши

съ дѣтства къ европейскимъ порядкамъ, проведя много лѣтъ своей жизни въ избраннѣйшемъ свѣтскомъ обществѣ Петербурга, которое конечно стояло въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ несравненно выше тогдашняго провинціального общества, А. Д. никогда не могъ помириться съ окружавшей его въ Нижнемъ средой, которую и „пробиралъ“ въ своихъ драматическихъ произведеніяхъ.

Не печаталъ А. Д. своихъ драматическихъ сочиненій частью потому, что не придавалъ имъ серьезнаго значенія, а нѣкоторыя частью потому, что это было невозможно по тогдашнимъ цензурнымъ условіямъ. Исключеніе въ первомъ отношеніи составляла послѣдняя драма, которую онъ писалъ съ большою любовью и въ которой выводилъ на сцену старообрядчество. Съ старообрядчествомъ А. Д. впервые внимательно познакомился по сочиненію покойнаго Надеждина, которое ему далъ прочесть покойный В. И. Даль. Цѣлью своей драмы А. Д. ставилъ распространеніе въ публикѣ свѣдѣній о старообрядствѣ и очень желалъ видѣть ее въ печати, но это было невозможно, какъ сказано, при тогдашнихъ цензурныхъ порядкахъ, тѣмъ болѣе, что рядомъ съ старообрядчествомъ въ драмѣ вы-

ходилъ во всей своей неприглядности тогдашній помѣщичій бытъ и мѣръ духовенства въ столкновеніяхъ священника съ крестьяниномъ-старообрядцемъ... Кстати здѣсь прибавить, что А. Д. всегда жестоко возставалъ противъ цензуры... Большинство его драматическихъ пьесъ и сценъ, подходившихъ, какъ тогда выражались, къ „натуральной школѣ“ (въ нѣкоторыхъ изъ нихъ женскія лица выражались безъ особой церемоніи; иногда бывало въ нихъ не мало того, что называется „клубничкой“), выходило однако за предѣлы его кабинета, такъ какъ нѣкоторые (комедіи) игрались на его домашнихъ спектакляхъ, собиравшихъ къ себѣ чуть не весь городъ, разумѣя конечно подъ „городомъ“ такъ-называемый „бо-мондъ“ — кромѣ высшаго представителя его, тогдашняго нижегородскаго военнаго губернатора князя М. А. Урусова, къ которому А. Д. былъ въ открытой оппозиціи, въ товариществѣ съ другимъ нижегородскимъ магнатомъ С. В. Шереметевымъ (братомъ меломана), и съ которымъ онъ примирился только при отъѣздѣ его на постъ витебскаго генералъ-губернатора.

Особенно цѣненъ для насъ былъ-бы конечно дневникъ А. Д., тѣмъ болѣе, что А. Д.

самъ говариваль, что дневникъ его—самая искренняя исповѣдь его о всемъ видѣнномъ имъ въ жизни, а видѣлъ онъ много. Охотно читавши всѣ свои литературныя сочиненія знакомымъ, А. Д. однако никогда ни кому не читаль даже выдержекъ изъ своего дневника....

Всѣ рукописи А. Д., бібліотека его (кромя нотной, поступившей къ М. А. Балакиреву, вмѣстѣ съ двумя скрипками), по завѣщанію его, поступили къ сестрѣ его Екатеринѣ Дмитриевнѣ Пановой и по разнымъ обстоятельствамъ утратились. Держится темный слухъ, что дневникъ и теперь цѣлъ; мнѣ по крайней мѣрѣ указывали даже на лицо, черезъ руки котораго могъ выдти дневникъ А. Д. изъ его кабинета, по смерти его, но лицо это въ настоящее время померло.... Отыщется-ли когда нибудь это послѣднее и любимѣйшее произведеніе А. Д., надъ которымъ онъ работаль до самыхъ послѣднихъ минутъ своей жизни, мудрено рѣшить.

Важнымъ біографическимъ матеріаломъ всегда является описаніе обычнаго средняго дня человѣка. Каковъ же былъ день А. Д.-ча? День этотъ, въ нижегородскій періодъ его жизни, былъ двухъ родовъ: деревенскій и городской.

Въ деревнѣ, въ Лукинѣ, въ своемъ деревянномъ домѣ *), гдѣ А. Д. прожилъ, какъ сказано, почти безвыѣдно десять лѣтъ, съ 1831 по 1841 годъ, и гдѣ затѣмъ проводилъ онъ аккуратно каждое лѣто до конца своей жизни **), средній день А. Д. проходилъ слѣдующимъ образомъ.

Вставалъ А. Д. въ 7 часовъ утра и выходилъ пить чай (иногда кофе или шоколадъ) въ залъ, гдѣ наполняла чашки жившая въ домѣ экономка и первая учительница его дочерей „барская барыня“ Анна Ивановна. Являлся бурмистръ или староста, а иногда и оба вмѣстѣ, для докладовъ и выслушанія приказаній и распоряженій.

Въ девятомъ часу А. Д. уходилъ въ свой кабинетъ и садился за письменный столъ,

*) Домъ этотъ съ выходящей прямо противъ длинной аллеи прелестнаго сада, террасой, съ которой открывался очаровательный видъ на живописныя окрестности по сторонамъ рѣки Кудьмы, сгорѣлъ въ 1876 году. Многіе виды кудемскихъ окрестностей подъ Лукинскимъ срисованы были, по желанію А. Д., покойнымъ учителемъ рисованія нижегородской гимназій Н. Т. Дмитриевымъ и до сихъ поръ сохраняются въ семействѣ А. Д.

**) Въ столицы А. Д. ѣзжалъ неохотно и только въ случаѣ какой нибудь крайней надобности; за-границей кажется не былъ ни разу со времени возвращенія своего оттуда, еще юношей.

часовъ до 12-ти. Въ полдень онъ выходилъ къ семейству, которое чрезвычайно любилъ и говорилъ преимущественно одинъ, владѣя прекраснымъ даромъ слова и способностью рассказчика. Послѣ того удалялся онъ снова въ кабинетъ, гдѣ игралъ сольфеджию или пьесы любимѣйшихъ своихъ композиторовъ на скрипкѣ (онъ былъ и прекрасный исполнитель).

Передъ обѣдомъ А. Д. выходилъ на прогулку, не смотря ни на какую погоду, „ни сверху, ни снизу“, какъ въ деревнѣ, такъ и въ городѣ, съ тою только разницею, что въ деревнѣ съ прогулкой соединялось и хозяйственное обозрѣніе; ходилъ онъ такъ скоро, что спутники его, если бывали, возвращались домой еле-еле таща ноги.

За деревенскимъ обѣдомъ, часу въ 4-мъ, раздавался также главнымъ образомъ голосъ одного А. Д., который оживлялся еще болѣе при наѣздѣ какихъ нибудь знакомыхъ, при чемъ домашніе еще небрежнѣе слушали рассказы А. Д., имъ уже извѣстные и переизвѣстные.

Послѣ обѣда А. Д. удалялся въ другой, маленький кабинетикъ, подлѣ зала, полежать

и покурить „Жукова“ изъ трубки; къ нему въ это время аккуратно каждый день должна была являться старушка-нянька, большая мастерица рассказывать сказки. Она знала одну нескончаемую сказку, представляя собою такимъ образомъ въ нѣкоторомъ родѣ вторую Шехеразаду.

— Ну-ка, на-чемъ-бишь, Николавна, мы вчера остановились? спросить, бывало, А. Д.

И Николавна продолжала прерванный накануне рассказъ, подъ который А. Д. начиналъ дремать, но минутъ черезъ пять просыпался, говорилъ каждый разъ одну и ту же фразу: „Ну, Николавна, теперь прощай, до завтра“ и уходилъ въ кабинетъ, гдѣ уже спалъ положительно — съ часъ или съ полтора. Послѣ сна онъ выходилъ не на долго въ садъ, пока закладывали лошадей въ деревенскія дроги, для вторичнаго хозяйственнаго обзрѣнія и прогулки. При любви А. Д. къ обществу для семейныхъ его было почти обязательно сопровождать его въ этой послѣобѣденной прогулкѣ, при чемъ все семейство играло также роль балласта, такъ какъ дроги отчаянно трясли, а нагруженные какъ слѣдуетъ, были ноокойнѣе. Иногда на этой прогулкѣ А. Д. пѣлъ, обладая очень симпа-

тичнымъ голосомъ, и всю домашнюю публику заставлялъ подтягивать себѣ хоромъ.

Послѣ этой поѣздки А. Д. снова гулялъ въ саду (вечеромъ онъ чаю никогда не пилъ), возвратившись читалъ часовъ до 12-ти; ужиналъ, всегда одинъ, отдѣльно отъ семейства, и ложился спать.

Въ городѣ день А. Д. конечно нѣсколько видоизмѣнялся. За утреннимъ чаемъ мѣсто бурмистра или старосты занимала уже всегда Анна Ивановна, большая начетчица, какъ въ духовной, такъ и въ свѣтской литературѣ, съ которой А. Д. любилъ поговорить, поспорить; особенно любилъ онъ съ ней вступать въ состязаніе по религіознымъ вопросамъ, имѣя въ ней конечно представительницу самыхъ консервативныхъ началъ. Въ разговорахъ съ Анной Ивановной, которую въ послѣдствіе замѣнила одна горничная—Наташа—А. Д. любилъ также перебирать весь прошедшій день, анализируя такъ-сказать мелочи его до мелочей. Власть наговорившись за утреннимъ чаемъ, А. Д., также какъ въ деревнѣ, часу въ 9-омъ отправлялся въ свой рабочій кабинетъ.

Въ пріемѣ утреннихъ визитовъ своего барскаго дома, А. Д. вообще не участвовалъ,

предоставляя это своему семейству, но къ особенно уважаемымъ имъ гостямъ мужского пола онъ иногда выходилъ во всемъ своемъ „парадѣ“, въ который онъ „нарочно“ облакался: въ синемъ халатѣ, или въ еще болѣе торжественныхъ случаяхъ—въ халатѣ изъ дорогой турецкой матеріи.

Передъ обѣдомъ А. Д. также аккуратно каждый день, также не смотря ни на какую погоду, шолъ гулять. Любя вилѣть за столомъ гостей, А. Д. тащилъ къ себѣ обѣдать встрѣчавшихся ему на прогулкѣ знакомыхъ, если не имѣлъ уже кого нибудь въ виду къ обѣду. Прогулки А. Д. были такъ аккуратно, что въ городѣ замѣняли многимъ часы: А. Д. вышелъ на Покровку—значить второй часъ*). Обѣдъ (въ городѣ въ 4 часа) проходилъ шумно и весело: обставившись бутылками

*) А. Д. жилъ въ собственномъ большомъ каменномъ домѣ, въ нижнемъ его этажѣ. Въ верхнемъ помѣщалось его семейство; «парадная» комнаты шли амфиладой, примыкая къ залу, окнами на улицу. Домъ этотъ, въ началѣ Малой Покровки, цѣлъ и по настоящее время; принадлежитъ г. Губину и значительно передѣланъ имъ подъ помѣщеніе для реального училища. Къ концу жизни А. Д. долженъ былъ переѣхать изъ этого любимого имъ дома, по нѣкоторымъ семейнымъ причинамъ, о которыхъ здѣсь не мѣсто распространяться.

такъ, что иногда его изъ-за нихъ почти невидно было, А. Д. былъ, какъ говорится „душою общества“ и усердно поилъ своихъ гостей*).

По вечерамъ, въ театральные дни (по воскресеньямъ, вторникамъ, средамъ и пятницамъ), А. Д. всегда бывалъ въ театрѣ. По вторникамъ — не абонентный, бенефисный день того времени — А. Д. всегда платилъ двойную, тройную плату за свое кресло и литерную ложу семейства. Для особенно любимыхъ имъ актеровъ плата эта увеличивалась иногда и въ десятеро. Въ нетеатральные дни происходили у А. Д. обыкновенныя квартетныя собранія (по четвергамъ и субботамъ), или большіе музыкальные вечера, на которыхъ принимали всегда участіе, кромѣ самого А. Д. (первая скрипка), покойные М. М. Аверкіевъ или С. П. Званцовъ (альтъ), М. П. Званцовъ, Гёбель или Вилковъ (віолончель), К. К. Эйзерихъ (фортепіано) или особливо выписывавшіеся А. Д.-чемъ, на свой зимній сезонъ, артисты изъ Москвы. К. К. Эйзе-

*) Какъ гастрономъ, А. Д. говаривалъ, что есть «память языка»: умъ можетъ забыть извѣстное кушанье, но стоитъ его попробовать и языкъ его сейчасъ припоминитъ. Бстати замѣтить, что обладая громадною памятью А. Д., въ противоположность своему брату, математику, имѣлъ весьма плохую память на числа.

риха часто замѣнялъ тогда уже развертывавшей свой талантъ воспитанникъ нижегородскаго александровскаго дворянскаго института М. А. Балакиревъ; иногда фортепьянную партію исполняла Е. М. Панова, дочь тогдашняго нижегородскаго вице-губернатора, также хорошая піанистка. На чрезвычайныхъ музыкальныхъ собраніяхъ исполнялись большія партіи въ родѣ *Stabat Mater*, *Requiem* (русскій текстъ для *Requiem*'а сдѣланъ былъ К. И. Садоковымъ).

Домъ А. Д. былъ открытъ не только для всѣхъ музыкальныхъ знаменитостей, которыя попадали въ Нижній, но вообще для артистовъ, художниковъ, писателей. Такъ неминовали этого дома покойные Щепкинъ, Мартыновъ и друг. Долго жилъ у А. Д. и получившій въ послѣдствіе извѣстность композиторъ и музыкальный критикъ А. Н. Сѣровъ, когда онъ только что окончилъ курсъ въ училищѣ правовѣдѣнія. Музыкальная дѣятельность Сѣрова вѣроятно осталась не безъ вліянія на нее А. Д., хотя въ послѣдствіе Сѣровъ разошелся съ музыкальными воззрѣніями А. Д. *).

*) Въ 1858 году А. Н. Сѣровымъ помѣщена была въ лейпцигской «*Neue Zeitung für Musik*», въ трехъ номе-

Сѣрову было однако вовсе не музыкальнаго свойства, а относилось къ нижегородской дѣятельности Сѣрова, какъ чиновника. Сѣровъ недурно рисоваль, и до сихъ поръ сохранился въ семействѣ А. Д. нарисованный имъ видъ зеленскаго сѣзда со стороны нижегородскаго кремля.

Иногда чрезвычайныя музыкальныя собранія въ домѣ А. Д. замѣнялись домашними спектаклями. И тѣ и другіе привлекали къ себѣ „весь городъ“. Понятно, что многихъ и многихъ сгоняло къ А. Д. не одно художественное влеченіе, но болѣе практическое желаніе хорошенько вкусить отъ завершавшихъ каждое собраніе обильныхъ яствъ.

Въ клубѣ (тогда былъ въ Нижнемъ всего одинъ клубъ—дворянскій, или, какъ онъ тогда назывался—благородное дворянское со-

раха ея, статья о взглядахъ А. Д. на Бетговена, въ которой авторъ, рядомъ примѣровъ изъ самаго Моцарта, доказалъ, что и у послѣдняго не мало такихъ музыкальных оборотовъ, какъ у Бетговена, а Моцарта и А. Д. конечно не могъ заподозрѣть въ музыкальномъ «нигилизмѣ».... К. Н. Званцовъ мнѣ рассказывалъ, что когда статья Сѣрова была напечатана, онъ узналъ, что А. Д., противъ котораго она была направлена, скончался въ Нижнемъ, и воскликнулъ: «отвертѣлся-таки!... При жизни былъ дипломатомъ и умеръ дипломатомъ!»...

браніе) А. Д. никогда не бывалъ. Въ карты даже вовсе неумѣлъ играть и садился за карточный столъ только изрѣдка, въ деревнѣ, въ глубокіе ненастные осенніе вечера, при чемъ случалось нерѣдко, что съ одной дамой червей объявлялъ 8 въ червахъ. На балахъ въ дворянскомъ собраніи (6 декабря или во время дворянскихъ выборовъ) А. Д. иногда появлялся, но допускалъ въ своей бальной одеждѣ нѣкоторый компромиссъ: облакаясь во фракъ, онъ сопровождалъ его какими нибудь сѣренькими клѣтчатыми панталонами изъ легкой лѣтней матеріи.

Но какъ-бы правильно, аккуратно и осмысленно жизнь ни текла, настаетъ время, когда гармонія въ ней нарушается. Разнообразныя работы А. Д. за письменнымъ столомъ замѣнились однимъ дневникомъ его, въ которомъ, какъ онъ говорилъ, онъ находилъ все свое облегченіе. Затѣмъ подоспѣли невзгоды по каменному дому на Малой Покровкѣ: рассчитывая умереть въ немъ, А. Д. долженъ былъ перейти въ наемную квартиру (г. Чиркова, на Ошарской улицѣ). Едва онъ привыкъ къ своему новому помѣщенію, стали одолѣвать тѣлесные недуги. Вернувшись изъ одного бурнаго засѣданія нижегородскаго дво-

ряства передъ эпохой образованія губернскихъ комитетовъ по улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ *), А. Д. окончательно слегъ въ постель, и послѣ мучительныхъ страданій скончался 29 января 1858 года.

Похороненъ А. Д. въ своемъ любимомъ Лукинѣ. Года два спустя прекратился родъ его въ мужской линіи, въ лицѣ единственнаго его сына Николая, который, одно время, по волѣ отца, былъ отданъ изъ студентовъ казанскаго университета въ военную службу на Кавказъ, гдѣ и дослужился до перваго офицерскаго чина. Этотъ случай былъ однимъ изъ тяжелыхъ въ жизни А. Д., горячо любившаго своего сына и вообще крайне мягкаго и добросердечнаго.

Нѣтъ совершенства въ мірѣ; не было его и въ А. Д.; но несовершенства его вытекали

*) А. Д., какъ уже сказано, былъ горячимъ противникомъ крѣпостного права, а нижегородское дворянство, не смотря на то, что одно изъ первыхъ откликнулось на призывъ къ новымъ задачамъ своимъ, сильно держалось за старыя порядки вещей, что доказывается простымъ счетомъ такъ-называемаго большинства. Изъ 24 членовъ нижегородскаго губернскаго комитета по улучшенію быта крестьянъ, меньшинство состояло только изъ 9-ти лицъ: Болтина, Лагоды, Русинова, Суцова, Демидова, Карамзина, Эшмана, Анненкова и Нестерова.

главнымъ образомъ изъ того круга явленій, которыя для краткости можно назвать „барствомъ“. И эти однако недостатки сглаживались въ А. Д. его европеизмомъ, такъ что можно утвердительно сказать, что онъ съ честью носилъ имя своей страны, а тѣмъ болѣе долженъ чтить его память Нижній Новгородъ, такъ долго видѣвшій его въ своей средѣ....

Подробная музыкальная біографія А. Д., также какъ и изданіе его музыкальныхъ сочиненій, остается на совѣсти нашихъ музыкальныхъ критиковъ и издателей.

Нижегородское отдѣленіе музыкальнаго общества (московской консерваторіи) имѣетъ въ залахъ своихъ портретъ Н. Г. Рубинштейна.... Не странно-ли, что оно не имѣетъ портретовъ А. Д. Улыбышева и М. А. Балакирева?...

II.

Федоръ Петровичъ Переплетчиковъ.

(1779 — 1845).

Зимой 1845 скончался въ Нижнемъ, въ своемъ домѣ, на благовѣщенской площади, принадлежащемъ теперь г-жѣ Матвѣевской, нижегородскій купецъ Федоръ Петровичъ Переплетчиковъ. На обычныхъ панихидахъ по покойномъ стекалась масса народу. На отпѣваніи и похоронахъ былъ весь городъ. Съ тѣхъ поръ прошло почти полвѣка, а имя Переплетчикова до сихъ поръ постоянно произносится въ Нижнемъ, и преимущественно тѣми, которые знакомы съ одной горькой долей. Чѣмъ же объясняется такая живучесть имени покойнаго?—Исключительно тою доброю силою, которую носилъ онъ въ себѣ при жизни.

Федоръ Петровичъ Переплетчиковъ родился въ Нижнемъ Новгородѣ 17 февраля 1779 года *). Отецъ его Петръ Тихоновичъ зани-

*) Важнѣйшими источниками при составленіи настоящаго біографическаго очерка служили мнѣ, кромѣ устныхъ

мался торговлею и отличался вѣдшею религіозностью (придѣлъ св. Петра и Павла въ нижегородской мирносицкой церкви устроенъ на его средства). Сынъ развилъ это отцовское наслѣдіе въ сознательную любовь къ труду и въ религіозность истинную, внутреннюю—горячую любовь къ ближнему. Изъ полученныхъ-же въ отцовскомъ домѣ немногихъ знаній, считавшихся тогда вполне достаточными—русской грамоты и счета—врожденныя умственные силы Федора Петровича сдѣлали то, что не всѣмъ дается при несравненно болѣе счастливой обстановкѣ.

До развитія на Волгѣ пароходства, Нижний славился канатнымъ производствомъ, питав-

разказовъ: во-1) статья П. И. Мельникова «Ф. П. Переплетчиковъ» въ «Прибавленіяхъ» къ «Ниж. Губ. Вѣдомостямъ» отъ 10 и 17 февраля 1845 года, №№ 6 и 7; во-2) «Краткій очеркъ исторіи и описаніе Нижняго Новгорода», Н. И. Храмовскаго. Нижний Новгородъ. 1857; въ-3) архивъ нижегородскаго городского общественаго управленія, и въ-4) «Протоколы нижегородской городской думы» за 1871, 1874, 1876 и 1879 годы.—Краткое извѣстіе о кончинѣ Ф. П. напечатано было только-что вступившимъ тогда на поприще редактора перваго нижегородскаго періодическаго органа печати П. И. Мельниковымъ въ «Прибавленіяхъ» къ «Ниж. Губ. Вѣдомостямъ» отъ 13 января 1845 года, № 2.

шимся потребностями паруснаго судоходства. Широкая, непосредственно прилегавшая къ тогдашнимъ границамъ городскихъ построекъ, полоса выгонной земли, начинавшейся почти отъ линіи звѣздина пруда, занята была канато-прядильнями. Тамъ, гдѣ теперь пролегаютъ улицы: новая, полевая, нѣмецкая, южное продолженіе, за звѣздинской дамбой, студеной улицы, и друг., еще въ концѣ сороковыхъ годовъ, стояли безчисленныя канатныя рогатки, отъ которыхъ единственнымъ слѣдомъ остается теперь одно названіе канатной улицы.

Федоръ Петровичъ, ведя канатное производство, выдвинулся прежде всего своими будничными занятіями и сталъ извѣстенъ за знатока канатнаго дѣла, которому отдавался съ любовью.

Общественная дѣятельность Федора Петровича началась въ 1810 году, когда онъ былъ избранъ гласнымъ отъ второй купеческой гильдіи. Должность эту онъ занималъ и во время такъ-называемой Отечественной войны. Имѣя уже достаточныя матеріальныя средства, онъ дѣлился ими на потребности военнаго времени. Домъ его былъ открытъ

для московскихъ бѣглецовъ, спасавшихся отъ врага и пожара *).

По окончаніи войны, когда къ Императору Александру Павловичу явились депутаты отъ всѣхъ сословій съ благодарностью за спасеніе страны отъ порабощенія, въ числѣ этихъ депутатовъ былъ и Переплетчиковъ, но избранію нижегородскаго городского общества, въ 1814 году (гласнымъ отъ купеческой гильдіи онъ въ то время уже не служилъ). Избраніе это много говоритъ въ пользу высокихъ качествъ избраннаго: если въ то время относительно легко было достигъ званія гласнаго, многими считавшагося тяжелой повинностью, то въ депутаты къ Царю, да еще въ такую торжественную эпоху, какъ окончаніе войны 1812 года, было попасть не легко: охотниковъ было не мало, и тѣмъ выше могъ держать свою голову избранникъ. И дѣйствительно, это избраніе поставило Федора Петровича въ городскомъ обществѣ на такую высоту, помимо его официальнаго по-

*) Въ числѣ временныхъ нижегородскихъ поселенцевъ были: Н. М. Карамзинъ, В. Л. Пушкинъ, Н. Н. Бантышъ-Каменскій, А. Ф. Малиновскій, Ю. А. Нелединскій-Мелецкій, К. Ф. Батюшковъ и С. Н. Глинка.

Доженія, какая не многимъ дается. Замѣчательно, что съ этой высоты не сошолъ онъ ни при жизни, ни послѣ смерти. Вскорѣ, а именно въ 1816 году, Переплетчиковъ былъ избранъ нижегородскимъ купечествомъ въ городскіе головы, или, какъ тогда выражались, на должность „градскаго главы“.

Съ годомъ избранія Переплетчикова въ городскіе головы совналъ пожаръ макарьевской ярмарки, который далъ ему случай завести личное знакомство съ канцлеромъ графомъ Н. П. Румянцевымъ, посѣтившимъ Нижній и Макарьевъ. Намѣтивъ мѣстомъ перевода макарьевской ярмарки Нижній, правительство однако не сразу рѣшилось на это. Оно признало нужнымъ собрать на мѣстѣ предварительныя соображенія объ удобствѣ и полезности своего предположенія. Понятно, что правительство за необходимыми ему свѣдѣніями обратилось къ непосредственному своему органу—губернаторской власти. Нижегородскимъ губернаторомъ былъ въ то время дѣйствительный статскій совѣтникъ Степанъ Антиповичъ Быховецъ (1813—1819). Правою его рукою былъ Переплетчиковъ. Понимая важность для города момента, онъ хорошо умѣлъ имъ воспользоваться, хотя не безъ

препятствій. За оставленіе ярмарки въ Макарьевѣ были не только сильныя лица, но и цѣлыя группы лицъ: противъ Нижняго стояли, кромѣ макарьевскихъ жителей, московское и ярославское купечество, а главное — властный лысковскій магнатъ князь Георгій Александровичъ Грузинскій. Составленъ былъ энергическій протестъ противъ перевода ярмарки въ Нижній и поданъ въ началѣ 1817 года въ министерство внутреннихъ дѣлъ; послѣднимъ препровожденъ, для заключенія, къ нижегородскому губернатору. Переплетчиковъ, въ опроверженіе протеста, представилъ С. А. Быховцу обширную записку; заключеніе губернатора составлено было въ духѣ этой записки, и съ того-же 1817 года макарьевская ярмарка стала нижегородскою. Въ этомъ году на ней торговали во временныхъ, на-скоро сколоченныхъ балаганахъ.

Въ 1819 году Федоръ Петровичъ оставилъ должность городского головы, а когда на ярмаркѣ, для оживленія торговыхъ оборотовъ, была учреждена, на ярмарочное время, контора коммерческаго банка, онъ занялъ въ ней мѣсто директора (на эту-же должность онъ былъ избранъ еще разъ—въ 1832 году). Въ 1825 году онъ былъ избранъ вторично

въ городскіе головы и былъ имъ до 1828 года *).

Въ 1826 году Федоръ Петровичъ, въ качествѣ нижегородскаго городского головы, присутствовалъ при торжествахъ священнаго коронованія Императора Николая Павловича. На высочайшемъ приемѣ 25 августа, Императоръ обратился къ Федору Петровичу и сказалъ: „Я буду у васъ въ Нижнемъ непремѣнно“. По возвращеніи домой, Федоръ Петровичъ конечно сообщилъ о царскомъ словѣ своимъ согражданамъ, которые стали съ нетерпѣніемъ ожидать высочайшаго посѣщенія, которое въ послѣдствіе дѣйствительно и состоялось, и имѣло, какъ увидимъ ниже, важные результаты для города.

Въ 1827 году Федоръ Петровичъ былъ назначенъ членомъ комиссіи по составленію ярмарочной инструкціи.

Въ 1834 году онъ избранъ былъ въ третій разъ въ городскіе головы и въ томъ-же

*) Замѣтимъ здѣсь кстати, что, оставляя въ 1828 году, временно, до избранія своего вновь, въ 1834 году, должность городского головы, Ф. П. приобрѣталъ себѣ, въ слѣдующемъ—1829 году—достойнаго преемника, въ лицѣ нынѣшняго городского головы В. А. Соболева, родившагося въ Сентилѣ, 19 апрѣля 1829 года.

году увидалъ завершеніе дѣла, которому не мало послужилъ: въ тридцатыхъ годахъ текущаго столѣтія одна изъ важнѣйшихъ церковныхъ древностей нижегородскихъ—спасо-преображенскій кафедральный соборъ—до того обветшала, что признано было необходимымъ вовсе разобрать ее *). Составлена была особая по этому предмету комиссія, въ которой дѣятельное участіе принималъ Федоръ Петровичъ. Въ 1834 году соборъ былъ освященъ, и въ томъ-же году 10 октября увидалъ въ стѣнахъ своихъ Императора Николая Павловича. Государь не забылъ ни обѣщанія своего, даннаго въ 1826 году, ни того нижегородца, которому оно было дано: когда Федоръ Петровичъ представлялся Его

*) Соборъ былъ построенъ основателемъ Нижняго Новгорода великимъ княземъ Юріемъ Всеволодовичемъ въ первой половинѣ XIII вѣка; возобновленъ великимъ княземъ Константиномъ Васильевичемъ въ 1352 году, и затѣмъ еще нѣсколько разъ перестраивался; послѣдняя перестройка его относится къ 1800 году. Нынѣшнее зданіе собора построено по прозекту архитектора И. Е. Ефимова и стоило болѣе 300.000 р. Освященіе собора совершено нижегородскимъ епископомъ Амвросіемъ (1832—1835), съ большою торжественностью, 17 сентября 1834 года. Въ соборѣ покоится прахъ многихъ великихъ князей и княгинь, Минина, Птирима и друг.

Величеству, Государь сказалъ ему: „Видишь, я исполнилъ свое обѣщаніе“.

Затѣмъ на долю Федора Петровича выпало принять живое участіе въ очень крупномъ фактѣ внѣшней жизни Нижняго текущаго столѣтія—въ полномъ переустройствѣ его по новому плану. Вскорѣ послѣ представленія Государю, Переpletчиковъ былъ призванъ въ кабинетъ Николая Павловича (въ домѣ военнаго губернатора, на большой покровкѣ—теперь домъ, занимаемый контрольной палатой). Передъ Николаемъ Павловичемъ лежалъ старый планъ города (1824 года), который по волѣ Императора, долженъ былъ кореннымъ образомъ измѣниться. Государь подробно посвятилъ Переpletчикова въ свои предположенія и изъявилъ желаніе, чтобы нѣкоторыя мѣста, прилегающія къ Волгѣ, были уступлены владѣльцами ихъ для устройства набережной. При содѣйствіи Переpletчикова желаніе Государя было исполнено въ тотъ-же день. Когда Государь высказалъ Переpletчикову свое намѣреніе построить казармы на берегу Волги, Федоръ Петровичъ нашолъ и источникъ къ тому—проценты съ оцѣночной суммы домовъ.

По отбытіи Государя изъ Нижняго здѣсь

немедленно былъ образованъ строительный комитетъ („комитетъ для устройства Нижняго Новгорода“) и Федоръ Петровичъ, назначенный членомъ его, и здѣсь проявилъ весь запасъ своей неутомимой дѣятельности.

Въ 1836 году Государь снова посѣтилъ Нижній во время ярмарки. Принимая 16 августа депутацію отъ купеческихъ обществъ важнѣйшихъ городовъ Имперіи, Государь прежде всего обратился къ Федору Петровичу, назвавъ его представителемъ *купцовъ мѣстныхъ, хозяевъ ярмарки**); затѣмъ уже Государь обратился къ московскому головѣ г. Колесову.

Въ 1837 году Федоръ Петровичъ оставилъ должность городского головы. Такимъ образомъ каждое изъ трехлѣтій его служенія въ этой должности ознаменовывалось крупными фактами въ исторической жизни Нижняго Новгорода: въ первое трехлѣтіе (1816 — 1819) онъ былъ однимъ изъ виновниковъ перевода ярмарки изъ г. Макарьева въ Нижній; во второе (1825—1828) былъ представителемъ нижегородскаго общества на священномъ коронованіи Государя Императора, и въ третье

*) Подлинныя слова Государя Императора (см. «Прибавленія» къ «Ниж. Губ. Вѣдомостямъ» за 1845 годъ, № 6).

(1834—1837) участвовали въ дѣлѣ постройки нынѣшняго зданія спасо-преображенскаго собора и въ общемъ переустройствѣ города.

Скажу здѣсь кстати нѣсколько словъ объ этомъ переустройствѣ, осуществленномъ по плану 1839 года, составленному на основаніи указаній Императора Николая Павловича 1834 года и работъ комитета по устройству города. Въ кремлѣ были уничтожены винныя подвалы (у западной стѣны кремля, между башнями часовой и тайницкой), давно уже, за ветхостью, стоявшіе пустыми; разобранъ старый архіерейскій домъ (на мѣстѣ нынѣшней гауптвахты), въ которомъ временно помѣщались городская и холерная больницы; сломаны всѣ обывательскіе дома; построено нынѣшнее зданіе дворца (заложено въ 1837, окончено постройкою въ 1841), гауптвахта и арсеналь, передѣлано зданіе, занимавшееся нижегородскими намѣстниками, построенное въ 1788 году (нынѣшнее зданіе присутственныхъ мѣстъ, въ которомъ между прочимъ помѣщаются губернское правленіе, съ типографіей), разведенъ садъ, окаймляемый сѣверной стѣной кремля, отъ георгиевской башни до ивановской, и т. д. Въ кремля уничтожены деревянныя лавки около дми-

тровскихъ воротъ; построено зданіе, занимаемое теперь городскимъ общественнымъ управленіемъ; остатки старинныхъ рововъ около кремля засыпаны и проведенъ по нимъ бульваръ, опоясывающій почти двѣ трети кремля; исчезли улицы, извѣстныя подъ названіемъ нанскихъ на берегу Волги, и домики, — „Зелени“ — лѣпившіеся по горѣ около западной части кремля (какъ теперь лѣнятся домики надъ такъ-называемымъ жандармскимъ оврагомъ); устроены нижняя и верхняя набережныя, сѣзды — похвалинскій, зеленскій, георгіевскій и казанскій; дамбы — лыковская, варварская, покровская, острожная; разведенъ садъ на Откосѣ; построены казармы на берегу Волги и т. д. Частная домостроительная предпріимчивость не отставала отъ общественной; возникали изъ новыхъ построекъ цѣлыя улицы. Для развитія строительной горячки установлены были различныя мѣры поощренія: купцы, строившіе дома и фабрики, освобождались отъ гильдейскихъ платежей на 10 лѣтъ, для нуждающихся учрежденъ былъ особый капиталъ, подъ наименованіемъ ссуднаго — на одно лицо выдавалось до 10.000 р. ассигнаціями; за мѣста, приобрѣтаемыя въ пользу города у част-

ныхъ лицъ, выдавалось денежное вознагражденіе по цѣнѣ, назначаемой самими владѣльцами. На устройство города было занято городскимъ обществомъ, въ 1835, 1837, 1838 и 1840 годахъ, въ нижегородскомъ и другихъ приказахъ общественнаго призрѣнія слишкомъ 3 милл. р. ассигнаціями. На уплату долга учрежденъ былъ особый съ судовъ пошлинный сборъ на нижегородской пристани по 1 р. съ 1000 р. цѣнности входящихъ и уходящихъ грузовъ.

Горячо отдаваясь общественной дѣятельности, Переплетчиковъ находилъ время и для заботъ о своемъ канатномъ производствѣ. Онъ постоянно улучшалъ это производство и довелъ его до того, что переплетчиковскіе канаты стали считаться лучшими изъ нижегородскихъ, а по всей Волгѣ славилась въ то время именно нижегородскіе. На московской выставкѣ мануфактурныхъ издѣлій 1843 года Переплетчиковъ получилъ, за искусство въ отдѣлкѣ канатовъ, серебрянную медаль. Кстати здѣсь сказать о полученныхъ Фелоромъ Петровичемъ наградахъ: въ 1824 году онъ получилъ, за усердіе, золотую медаль, для ношенія на шеѣ, на анвенской лентѣ; въ 1826 году—золотую медаль на андреевской

лентѣ, въ 1835 году (8 февраля),—орденъ св. Станислава третьей степени, а 26 августа—золотую медаль съ брилліантами на андреевской-же лентѣ; въ 1837 году—орденъ св. Анны третьей степени; въ 1843 году—звание коммерціи совѣтника; кромѣ того, за образцовое производство канатовъ, онъ избранъ былъ еще въ 1827 году членомъ мануфактурнаго комитета.

„Переплетчиковъ, подражая отцу своему, говорится въ названной выше статьѣ П. И. Мельникова, отличался усердіемъ къ благолѣпію храмовъ божіихъ. Соборъ благовѣщенскій—его приходскій храмъ—болѣе нежели другія церкви, вмѣщаетъ въ себѣ памятниковъ его усердія. Кромѣ различныхъ владовъ и приношеній, онъ устроилъ, на свой счетъ, новый церковный иконостасъ *). Любитель старины, съ тайнымъ укоромъ въ душѣ своей, смотреть на этотъ иконостасъ, замѣнившій собою иконостасъ прежній, бывшій любопытнымъ памятникомъ XVII столѣтія, но этотъ укоръ нельзя отнести къ Переплетчикову. Было время и оно было очень

*) Въ 1831 году.

недавно *), когда замѣнить старинныя величественныя вычурныя украшенія церкви цвѣтными колонками съ позолотою считалось дѣломъ достойнымъ образованнаго вкуса. Перестройка иконостаса въ благовѣщенскомъ соборѣ относится къ этому несчастному для стариннаго зодчества времени. Со стороны Переплетчикова мы видимъ усердіе — исполненіе-же зависѣло отъ духа времени «.....

„Покойный въ послѣднее время своей жизни, говорится тамъ-же, тщательно отыскивалъ потомковъ знаменитаго нижегородца Козьмы Минина. Какъ ревностный почитатель памяти избавителя отчины, онъ никогда не оставлялъ мысли отыскать прямыхъ его потомковъ. Надежда открыть въ нѣкоторыхъ членахъ нижегородскаго общества наслѣдниковъ славы выборнаго отъ всея Руси человѣка до самой смерти не покидала Переплетчикова. Глубоко проникнутый этой

*) Слово «недавно» произносилось П. И. Мельниковымъ въ 1845 году; оно можетъ быть еще болѣе распространено по отношенію къ тому-же благовѣщенскому собору: замѣчательная старинная черепичная крыша его главъ замѣнена была блестящею желѣзною въ 1866 году.

мыслью, доведившей его до пламеннаго энтузіазма, онъ съ чувствомъ негодованія встрѣтилъ холодные, безстрастные выводы археологій, которые доказывали неосновательность родословной, имъ составленной. И это чувство негодованія мы признаемъ за слѣдствіе живой любви къ славіи Нижняго и тому великому мужу, имя котораго составляетъ гордость всѣхъ нижегородцевъ. На трудъ, принятый для составленія родословной мнимыхъ потомковъ Минина, смотримъ мы съ чувствомъ высокаго уваженія, ибо побудительною причиною его былъ истинный патриотизмъ. Думаю, что такое признаніе съ моей стороны имѣетъ нѣкоторое значеніе, ибо покойный во мнѣ нашель противника, гласно объявившаго неосновательность его выводовъ“ *)

*) См. «Отечеств. Записки» 1842 года, № 8. Въ началѣ семидесятихъ годовъ у меня было въ рукахъ дѣло канцеляріи нижегородскаго военнаго губернатора (1841 года, по описи за № 627) «О родѣ Козьмы Минина». Дѣло это началось по письму графа Бенкендорфа на имя губернатора Бутурлина. Въ этомъ письмѣ говорилось, что Императоръ Николай Павловичъ пожелалъ имѣть свѣдѣніе, не осталось-ли въ Нижнемъ потомковъ Минина. Началось цѣлое слѣдствіе, въ которомъ дѣятельное участіе принималъ полицмейстеръ. Въ дѣлѣ, помнится, есть

Остается обратиться теперь къ дѣламъ благотворенія, запечатлѣвающимъ память Переплетчикова въ Нижнемъ. Приведу прежде всего одинъ подлинный документъ, нелишенный, не смотря на свою канцелярскую витіеватость, нѣкоторой трогательной простоты: „1832 года генваря 15 дня, пятокъ. Губернскаго города Нижняго въ градскую шестигласную думу прибыли въ засѣданіе, пополуночи въ 9 часу, градскій глава Косаревъ, гласные: Африкантъ Лошкаревъ, Дмитрій Вяловъ, Александръ Заплатинъ, Александръ Брылинъ, Василій Ерашевъ. *Слушали:* предложеніе господина градскаго главы Косарева, при коемъ препроводилъ письмо нижегородскаго 2-ой гильдіи купца Федора Переплетчикова, слѣдующаго содержанія, что всегдашнее желаніе его, Переплетчикова, было предоставить навсегда, для пособія бѣднымъ согражданамъ его, изъ купческаго и мѣщанскаго общества, построенный на пожертвованныхъ мѣстахъ, на собственной его капиталъ, никольской рынокъ, изъ шести корпусовъ состоящій, но по извѣстнымъ изъ

подробныя записки Переплетчикова и Мельникова. Рекомендую это дѣло вниманію будущей нижегородской архивной комиссіи.

производства по сему дѣлу въ сей думѣ обстоятельствамъ, онъ цѣли сей еще достигнуть не могъ и оный рынокъ состоитъ въ его управленіи по назначенію начальства до того времени, пока онъ возвратитъ изъ доходовъ онаго всю употребленную заимообразно изъ его капитала сумму. Нынѣ горестныя его семейственныя событія *) располагають его усугубить жертву въ пользу бѣдныхъ изъ помянутыхъ сословій приношеніемъ и того самаго капитала, который по наступающей 1832 годъ **) остается еще къ нему поступившимъ изъ доходовъ того рынка, а потому проситъ по носимому его званію градскаго главы оный рынокъ принять отъ него въ управленіе его или градской думы и остающийся по сіе время невыбраннымъ изъ доходовъ съ онаго собственный его капиталъ почитать уже принадлежащимъ бѣднымъ согражданамъ, обращая на пособіе изъ поименованныхъ сословій по его благоусмотрѣнію доходы, имѣющіе поступать: съ будущаго 1832 года содѣйствіе его въ упроченіи для

*) Вѣроятно намекъ на утрату Федоромъ Петровичемъ двухъ его дочерей.

**) Письмо писано Переплетчиковымъ 25 декабря 1831 года.

бѣдныхъ согражданъ сего его, Переплетчикова, приношенія оставленіемъ всѣхъ корпусовъ никольскаго рынка на тѣхъ-же мѣстахъ онъ приметъ особеннымъ знакомъ его въ нему благорасположенія; при семъ нужнымъ находить присовокупить, что два корпуса того рынка на каменныхъ этажахъ съ 1 генваря слѣдующаго *) года отданы имъ въ содержаніе, о чемъ по полученіи о его, градскаго главы, на сіе отзыва, онъ, Переплетчиковъ, доставить къ головѣ обстоятельное свѣдѣніе, вмѣстѣ съ полученными отъ содержателей въ задатокъ деньгами, прилагая въ оригиналѣ означенное письмо купца Переплетчикова на общее разсмотрѣніе присутствія думы и заключенія по оному. *Приказали:* въ описанныхъ купцомъ Переплетчиковымъ причинахъ градская дума не находя препятствія, предполагаетъ предоставленный имъ въ пособіе бѣдныхъ согражданъ никольской рынокъ, изъ шести корпусовъ состоящій, принять въ свое завѣдываніе, но не имѣя само собою на сіе смѣлости безъ дозволенія начальства, представить правящему должностъ гражданскаго губернатора господину вице-

*) Т. е. 1832.

губернатору и кавалеру, испросить его на сіе разрѣшенія“. Разрѣшеніе это, конечно, было получено.

Доходы съ пожертвованнаго Переплетчиковымъ никольскаго рынка такимъ образомъ стали поступать въ распоряженіе городского головы, на пособіе бѣднымъ кунеческаго и мѣщанскаго сословій. Но доходамъ этимъ нѣсколько разъ давалось до нѣкоторой степени иное назначеніе. Первоначальная мысль жертвователя возстановится лишь въ 1885 году.

Предоставленные Переплетчиковымъ въ 1832 году въ распоряженіе думы 6 корпусовъ лавокъ, извѣстныхъ подъ названіемъ никольскаго рынка, на нижнемъ базарѣ, противъ городского дома, въ концѣ пятидесятихъ годовъ пришли въ совершенно ветхое состояніе; далѣе поддерживать ихъ ремонтомъ было невозможно, и они проданы были на сломъ. Но такъ какъ съ уничтоженіемъ этихъ лавокъ изсякалъ источникъ для пособія бѣднымъ, то городское общество, приговоромъ 14 декабря 1861 года, рѣшило построить, вмѣсто сломанныхъ лавокъ, каменный корпусъ. Дѣло однако затянулось вплоть до 1874 года, когда городская управа, въ засѣданіи 15 ноября

этого года, доложила думѣ, что нижегородскіе купцы И. С. Кварталовъ, М. Я. Ремизовъ, Н. С. Чесноковъ, А. А. Смирновъ и Н. И. Лизякинъ предложили управѣ слѣдующую комбинацію: для возобновленія дохода съ переплетчиковскихъ лавокъ (до 400 р. въ годъ), они строятъ, на свой собственный счетъ, каменный корпусъ, и пользуются имъ въ теченіе 25 лѣтъ, уплачивая городу по 500 р. въ годъ, съ условіемъ, чтобы эта сумма была употребляема на бесплатный обѣдъ для бѣдныхъ при александровской богадельнѣ; по истеченіе-же 25 лѣтъ выстроенный ими корпусъ, стоимостью въ 25.000 р., переходитъ въ собственность того городского благотворительнаго учрежденія, на которое дума обратить свое вниманіе. Докладывая предложеніе названныхъ лицъ городской думѣ, городская управа высказала, что было-бы цѣлесообразнѣе произвести предполагаемую постройку каменнаго корпуса на городской счетъ, посредствомъ займа въ городскомъ Николаевскомъ банкѣ; дума, на первый разъ, рѣшила просить управу о представленіи болѣе подробныхъ соображеній относительно выгоды проектированнаго ею займа.

Въ засѣданіи своемъ 16 января 1876 года

дума узнала отъ городской управы, во-1) что по постройкѣ каменнаго корпуса поступило еще заявленіе отъ торговаго дома „Емельяна Башкирова съ сыновьями“ и того-же И. С. Кварталова, сходное съ заявленіемъ 1874 года, лишь съ тою разницею, что названныя лица предлагали въ ежегодный доходъ города уже не 500, а 1000 р.; во-2) что по составленной управою смѣтѣ постройка будетъ стоить до 34.000 р., и въ-3) что доходъ съ корпуса можетъ быть исчисленъ, за расходами по содержанію его, въ 2.900 р.; дума постановила строить корпусъ на городской счетъ, снова поручивъ управѣ изыскать источники для постройки; по окончаніи-же ея, доходы съ корпуса направить на дѣло призрѣнія и воспитанія дѣтей недостаточныхъ родителей, путемъ учрежденія особаго для этаго заведенія.

Въ засѣданіи 11 іюня того-же 1876 года дума утвердила слѣдующія предположенія управы объ источникахъ для постройки: необходимую для постройки сумму, не свыше 30.000 р., позаимствовать изъ городскихъ средствъ, а именно изъ запаснаго капитала, хранящагося въ городскомъ банкѣ на срочномъ вкладѣ, а чтобы не разрушать капиталъ,

Воспользоваться имъ на самый короткій срокъ; приблизительно до октября того-же 1876 года, т. е. до времени окончанія постройки; по окончаніи-же ея, заложить корпусъ въ городскомъ банкѣ, изъ 6⁰/₀, на 12 лѣтъ, съ уплатой всего займа изъ доходовъ съ корпуса; постройку произвести подъ наблюдениемъ гласныхъ И. А. Власова и Н. Е. Башкирова, какъ лицъ, заинтересованныхъ въ будущей арендѣ лавокъ въ корпусѣ. Затѣмъ, въ одномъ изъ слѣдующихъ своихъ засѣданій (28 іюня 1876 года) дума разрѣшила управѣ прикупить къ мѣсту торговаго корпуса смежный участокъ земли, принадлежавшій купцу Лизякину, за 4000 р., изъ которыхъ 2000 р. отнести на общія городскія средства, а 2000 р.—на капиталъ, затрачиваемый на самую постройку.

Изъ внесеннаго городской управой въ засѣданіе думы, 7 ноября 1879 года, доклада видно, что постройка каменнаго торговаго корпуса, на берегу Волги, противъ городского дома, произведена, подъ наблюдениемъ особаго комитета изъ гг. И. А. Власова, Н. Е. Башкирова и членовъ управы Н. А. Фрелиха и Н. Е. Магулы, подъ предѣтельствомъ городского головы А. М. Губина, за-

имообразно, на счетъ запаснаго капитала (50.000 р., полученныхъ городомъ за землю, отошедшую подъ желѣзно-дорожныя постройки); работы начаты были въ июнѣ 1876 и окончены къ зимѣ 1878 года; вся постройка обошлась съ небольшимъ въ 41.000 р., съ расходами по покупкѣ земли у купца Лизьякина.

Въ настоящее время долгъ по постройкѣ (на 1-е января 1884 года) остается въ размѣрѣ около 8000 р. (7673 р. 99 к.); ежегоднаго дохода съ корпуса, за аренду лавокъ въ немъ, получается 5958 р., такъ что весь долгъ покроется, какъ выше сказано, въ 1885 году, и тогда около 6000 р. дохода съ корпуса городская дума будетъ имѣть возможность направить на дѣло благотворенія, примѣняясь къ мысли покойнаго Ф. П. Переплетчикова.

Другая жертва Федора Петровича (такъ-называемый „Переплетчиковскій домъ“) до сихъ поръ находилась въ болѣе устойчивомъ положеніи. Во 2-мъ пунктѣ духовнаго завѣщанія Переплетчикова, составленнаго имъ 26 июня 1841 года, говорится: „Домъ каменный съ лавками и двумя флигелями и землею, благопріобрѣтенный, въ троицкомъ приходѣ, предоставляю со дня моей кончины, въ поль-

зу богоугодныхъ заведеній и неимущихъ Нижняго Новгорода жителей; изъ доходовъ онаго довольствоваться оставшею каждагодно, отъ ремонта и повинностей, онаго суммою, предоставляя распоряженіе онымъ имѣніемъ градскихъ головъ, настоящаго, тогда и послѣдующаго времени, прося ихъ убѣдительнѣйше оказать таковую мнѣ милость распоряженіемъ на добрыя дѣла, и не требуя отъ нихъ никакого никѣмъ отчета, зная, что на сію должность всегда избираются люди честные, благоразумные и благорасположенные къ собратіи, и не воспользуются предоставленнымъ мною съ упоминаемаго имѣнія доходомъ въ свою пользу, а употребятъ на вспомошествованіе бѣднымъ, да воздастъ имъ Господь Богъ за подъемлемые ими труды въ просимомъ мною дѣлѣ возданіе благое“.

Ежегоднаго дохода съ этаго дома поступаетъ въ настоящее время, въ безотчетное распоряженіе городского головы до 4000 р. (до 1883 года 4040 р., съ 1883—3890 р.), которые и расходуются на постоянныя и единовременныя пособія неимущимъ лицамъ. Одно время (съ 1866 по 1871 годъ) часть доходовъ съ переилетчиковскаго дома (1000 р.) выдавалась на содержаніе мининской бо-

гадельни, открытой 30 августа 1865 года, по мысли Переpletчикова-же, пожертвовавшего съ этою цѣлью 1000 р. и собравшаго отъ другихъ жертвователей слишкомъ 4500 р.; но съ тѣхъ поръ, какъ городская дума постановила (28 мая 1871 года) отчислять, въ замѣнъ этаго, на содержаніе богадельни, 2⁰/₁₀₀ изъ чистыхъ прибылей николаевскаго городского банка, весь доходъ съ переpletчиковскаго дома снова сталъ поступать въ распоряженіе городского головы, согласно волѣ завѣщателя.

Была въ нижегородской городской думѣ попытка о предоставленіи права расходованія суммами, поступающими съ переpletчиковскаго дома, особому комитету (заявленіе гласнаго А. А. Зарубина, въ засѣданіи думы 11 ноября 1883 года), но дума, руководствуясь категорически выраженной, въ завѣщаніи Федора Петровича волею его, признала вопросъ неподлежащимъ своему обсужденію.

Въ недалекомъ будущемъ переpletчиковскій домъ, съ каждымъ годомъ ветшающій, долженъ будетъ занять серьезное вниманіе городского общественнаго управленія.

Напряженная дѣятельность, въ особенности общественная, неизбѣжно связанная съ непо-

мѣрной тратой силъ, наконецъ подрываетъ ихъ. Отдавши львиную долю своей дѣятельности служенію обществу, Федоръ Петровичъ наконецъ изнемогъ въ жизненной борьбѣ: осенью 1844 года здоровье его разстроилось окончательно. Около четырехъ мѣсяцевъ постепенно таяла его жизнь. Не имѣя дѣтей*), онъ, по отзывамъ знавшихъ его, находилъ все свое утѣщеніе въ сознаніи хорошо исполненнаго долга. Около 7 часовъ вечера 10 января 1845 года, Федоръ Петровичъ тихо и безмятежно скончался на 66-мъ году своей полезной жизни.

„Января 13-го происходило, по словамъ П. И. Мельникова**), погребеніе его тѣла. Съ первымъ ударомъ колокола въ благовѣщенскомъ соборѣ, многочисленныя толпы народа начали стекаться на обширную площадь благовѣщенскую, на которой находится и соборъ, въ которомъ совершенно было отпѣваніе тѣла, и домъ покойнаго. Въ 10 часовъ пере-

*) Отъ перваго брака съ купеческой дочерью Кокоревой, Федоръ Петровичъ имѣлъ двухъ дочерей, которыя скончались почти одна въ слѣдъ за другой въ началѣ 30-хъ годовъ; вторымъ бракомъ овъ былъ женатъ на Прасковѣ Михайловнѣ Журавлевой, изъ рода ярославскихъ Журавлевыхъ, умершей въ Нижнемъ въ 1876 году.

**) «Прибавленія» 1845 года, № 7.

несли гробъ изъ дома въ соборъ. Преосвященный Иоаннъ, епископъ нижегородскій и арзамасскій, совершилъ литургію и потомъ отпѣваніе тѣла, причемъ протоіерей благовѣщенскаго собора Лебедевъ произнесъ приличное надгробное слово. Г. исправляющій должность нижегородскаго военнаго губернатора князь М. А. Урусовъ, чиновники, градское купеческое общество съ своимъ головою, присутвіемъ своимъ при печальномъ обрядѣ отпѣванія почтили память Переплетчикова. Почти всѣ обыватели Нижняго, особенно мѣщане, были въ соборѣ или на площади, которая во все время богослуженія кипѣла народомъ. Въ исходѣ перваго часа двинулось погребальное шествіе изъ благовѣщенскаго собора къ петропавловскому кладбищу *). Впереди гроба купцы нижегородскіе несли ордена и медали. По усиленной просьбѣ купцовъ гробъ былъ несенъ ими, а приготовленный катафалкъ везенъ былъ сзади. Во второмъ часу тѣло Переплетчикова опущено было въ землю при искреннихъ слезахъ людей,

*) Лѣтъ семь спустя прахъ Федора Петровича, по желанію вдовы его, былъ перенесенъ на кладбище крестовоздвиженскаго женскаго монастыря, гдѣ и поконятъ понынѣ.

его звавшихъ и имъ облагодѣтельствован-
ныхъ“.

При жизни Федоръ Петровичъ часто вно-
силъ, изъ собственныхъ средствъ, подати за
неимущихъ; при жизни онъ позаботился объ
учрежденіи, изъ своихъ-же средствъ, двухъ
фондовъ для благотворенія.... И послѣ кон-
чины Федора Петровича, каждый бѣднякъ,
получая изъ рукъ нижегородскаго городского
голова переплетчиковскій хлѣбъ, переноситъ
память о немъ изъ рода въ родъ; а такъ
какъ все преходяще на свѣтѣ, кромѣ бѣдно-
ты, то и имя Переплетчикова вѣчно.

III.

Любовь Павловна Косицкая.

(1829—1868).

Любовь Павловна Косицкая родилась въ 1829 году, въ крѣпостной семьѣ, въ деревнѣ Ждавовкѣ, нижегородскаго уѣзда. Не красна была вообще жизнь въ томъ быту, который давалъ однимъ—право, другихъ оставлялъ въ безправьи, которое и теперь нѣкоторыми зовется крѣпостнымъ *правомъ*, хотя въ официальныхъ актахъ рекомендуется для того болѣе подходящій терминъ крѣпостного *состоянія*. Но уже совсѣмъ невыносима была жизнь крѣпостная въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ, когда душевладѣлецъ принадлежалъ къ крайнимъ представителямъ своей среды. Къ числу послѣднихъ слѣдуетъ отнести бывшего помѣщика деревни Ждановки.

Строгая къ себѣ и снисходительная къ другимъ, Любовь Павловна, въ автобіографіи

своей, такъ вспоминаеть первые годы своего младенчества *):

„Мы были дворовые крѣпостные люди одного господина, котораго народъ звалъ собакою. Мы, бывши дѣтьми, боялись даже его имени, а онъ самъ былъ воплощенный страхъ. Я родилась въ домѣ этаго барина на землѣ, облитой кровью и слезами.... Когда онъ, бывало, выходилъ изъ дому гулять по имѣнію, дѣти прятались отъ страха подъ ворота, подъ лавки, а кто не успѣвалъ сдѣлать этаго, тотъ непременно бывалъ битъ.... Онъ говорилъ, что не сытъ, когда не измучить когонибудь, и ему обѣдъ не въ обѣдъ. Жена его и дѣти

*) Почти единственнымъ источникомъ для настоящаго очерка служила мнѣ автобіографія Л. П. Косицкой, напечатанная М. И. Семеvскимъ въ его «Русской Старинѣ», за 1878 годъ, подъ заглавіемъ «Записки Л. П. Никулиной-Косицкой» («Р. С.» 1878, кн. 1, 2 и 4, стр. 65—80, 281—304 и 609—624). Массу театральныхъ рецензій объ игрѣ Л. П. я оставилъ въ сторонѣ, по причинамъ, о которыхъ сказано будетъ нѣсколько словъ ниже: они удлинили-бы настоящій очеркъ, внесе весьма мало существеннаго въ него, потому что игру артиста нужно *видеть*, *читать* же о ней—по меньшей мѣрѣ скучно. Правда, и теперь читаются съ живѣйшимъ интересомъ горячія, полныя ума и вѣчно юныя статьи Бѣлинскаго объ игрѣ Мочалова; но Л. П. Косицкая, къ сожалѣнію, не имѣла, какъ Мочаловъ, своего Бѣлинскаго.

не смѣли быть добрыми, еслибъ и хотѣли. Они были изнурены муками другихъ“.

Нужно при этомъ замѣтить, что Любовь Павловна возмущалась не за себя: жизнь ея и ея семьи еще была сносна, потому что сама она была слишкомъ милымъ ребенкомъ, всѣмъ безъ исключенія нравившимся, а отецъ ея былъ самымъ приближеннымъ и довереннымъ лицомъ своего господина. Но и это не спасло: въ недобрый часъ онъ заподозрѣнъ былъ въ потворствѣ побѣгу нѣсколькихъ отборныхъ дворовыхъ, закованъ въ кандалы и отправленъ въ Нижній. Это было въ 1835 году, когда Любови Павловнѣ было всего 6 лѣтъ. Косицкій однако былъ оправданъ и вскорѣ, со всей семьей проданъ своимъ господиномъ другому, жившему въ Нижнемъ и занимавшему здѣсь довольно видный постъ. Новый владѣлецъ оказался получше стараго (тотъ вскорѣ померъ, семейство его кончилось плохо—въ крайней нуждѣ; братья его кончили раньше еще хуже: оба были крестьянами убиты). Въ Нижнемъ Косицкіе пробыли недолго: годъ спустя они были проданы въ Балахну, добрѣйшему человѣку, у котораго уже была на воспитаніи младшая сестра Любови Павловны.

„Мы приѣхали въ Балахну, говоритъ въ запискахъ своихъ, Любовь Павловна, на лодкѣ, по Волгѣ. Я спала всю ночь такъ крѣпко, что и не слыхала, какъ мы проѣхали весь путь. Высадились на берегу, покрытомъ кустарникомъ; онъ мнѣ очень понравился, мнѣ стало весело, и я запѣла „Что на свѣтѣ пружестоко“; эту пѣсню тогда всѣ пѣли“....

Въ Балахнѣ, въ домѣ новыхъ господъ, отца Любви Павловны сдѣлали дворецкимъ, мать—ключницей. „Кормили меня, продолжаетъ Л. П., съ барскаго стола, и я, въ короткое время, стала кругла, какъ шаръ; бывало, упаду и перевернусь раза три, и съ трудомъ встану. Мы были въ большомъ почетѣ и любви. Меня никто не бранилъ, кричу-ли я, смѣюсь-ли, пою-ли, мнѣ все съ рукъ сходило.... И правда, если Господь создастъ рай также прекраснымъ, какъ этотъ домъ, куда насъ бросила судьба, то ничего-бы и желать не надо; духъ ободрился, сердечныя раны зажили, намъ было тепло и хорошо!“

И крѣпостное *право* представляло такія картины, безъ которыхъ оно было-бы уже сверхъестественною жестокостью....

Поэтическая натура Любви Павловны сказалось рано: живая, веселая, шаловливая, хо-

хотуша, она однако уже въ Балахнѣ, 7—8-ми-лѣтней дѣвочкой засиживалась, смотря на Волгу, засыпала на окнѣ, любуясь природой. вмѣстѣ съ тѣмъ, она стала сознать и цѣну себѣ; въ обиду не давалась; страстность въ любви и нелюви сказывалась еще въ ребенкѣ.

Въ 1839 году отецъ Любви Павловны выкупился на волю со всей семьей и переѣхалъ на житье въ Нижній. Горька была однако эта воля послѣ хорошихъ балахнинскихъ господъ. Настала нужда и всѣ ея неизбѣжныя послѣдствія съ мелкими дразгами семейной жизни. Маленькой Косицкой пришлось своими дѣтскими рученками работать изъ-за хлѣба насущнаго—шить, стирать бѣлье. Хорошо еще, что рядомъ шло и ученье грамоты: читать Любовь Павловну выучила мать ея, а писать дѣвочка выучилась самоучкой. Рукодѣля дались Любви Павловнѣ; она стала настоящей работницей въ семьѣ и добывала денегъ, благодаря добрымъ людямъ, довольно.

При домѣ, въ которомъ жили Косицкіе въ Нижнемъ, былъ большой садъ съ видомъ на Оку и Волгу. „Встану ранешенько, говоритъ Л. П., и уйду въ садъ; возьму, разумѣется,

работу. У насъ садъ былъ русскій, въ родѣ лѣса: насажали всякой всячины, росло это какъ Богъ велѣлъ. Были яблони, малина разныхъ сортовъ, крыжовникъ, смородина тоже разная, тутъ и еще какія-то деревья, и дубъ въ этомъ числѣ подлѣ забора.... Работаютъ и пѣсенки поѣваю.... И пѣлось, и работалось въ одно и тоже время, а что я чувствовала въ то время—не помню; кажется ничего не чувствовала, а просто было мнѣ хорошо и привольно!... Мнѣ тогда думалось, что Волга съ Окою—сестры, бѣжали, бѣжали обѣ, да столкнулись въ Нижнемѣ, обнялись, да и пошли своимъ вѣчнымъ путемъ вмѣстѣ“....

Безъ тонко-развитого поэтического чувства такія строки не пишутся!...

На тринадцатомъ году Любовь Павловна нанялась въ горничныя къ одной купчихѣ, доброй прекрасной женщинѣ, да еще первой красавицѣ въ городѣ. То была Прасковья Аксеновна Долганова, жившая въ своемъ домѣ, въ мистровской улицѣ *); она имѣла гро-

*) Этотъ домъ, теперь принадлежащій г. Душину, еще не разъ будетъ упоминаться въ жизнеописаніяхъ другихъ людей Нижегородскаго Поволжья, напр. въ біографическомъ очеркѣ К. К. Эйзериха. Прасковья Аксеновна Долганова скончалась лѣтъ 10 тому назадъ.

мадное вліяніе, хотя до нѣкоторой степени совершенно случайное, на всю артистическую карьеру Любви Павловны.

„Она (П. А. Долганова), говорится въ запискахъ, взяла меня къ себѣ, и полюбила, и ласкала, какъ дитя свое; я хотѣла оправдать исполнѣ ея любовь ко мнѣ и дѣлала все, и въ силу, и не въ силу. Она понимала это, и привязалась ко мнѣ. Я не вынесла такихъ трудовъ, и захворала; захворала я крѣпко, и была взята въ отчій домъ. Хворала я недолго, но во время моей болѣзни, я вся обратилась къ Богу, и просила Его, чтобы Онъ возвратилъ мнѣ здоровье, и чтобы я увидѣла опять доброе личико Прасковьи Аксеновны. Я была очень религіозна, и все свободное время посвящала на чтеніе священныхъ книгъ. Выздоровѣла я, и, разумѣется, прежде всего пошла къ обѣднѣ, и потомъ опять отправилась къ моей дорогой Прасковѣ Аксеновнѣ. Она, увидавъ меня, обрадовалась, зацѣловала меня и потащила къ мужу, оставивъ у себя, но ужъ не для работъ, а для своей забавы. Хорошо мнѣ, думала я, но чего-же я хочу еще-то? И сколько разъ безотчетная тоска овладѣвала мною, сколько разъ я хотѣла бѣжать далеко, далеко — а ку-

да, сама не знаю. Грудь мнѣ сожметъ, слезы хлынуть, и я, изнеможенная, упаду на подушку и выплачу свое тайное горе. Иногда страшныя видѣнія тревожатъ меня, подъ ногами пропасть, а мнѣ идти надо, я кричу и просыпаюсь, и страхъ нападетъ на меня.... А иногда безъотчетная бѣшеная радость овладѣвала мною; я пѣла, прыгала, плясала, какъ будто горе никогда не касалось меня. Забывала все горести и до сей минуты цѣлую руку моей доброй Прасковьи Аксеновны: она оживила мою душу.... Пошелъ мнѣ уже четырнадцатый годъ, я не знала, какъ летѣло время. Была зима, и первая зима, въ которую я не работала. Прошли святки; мы много веселились, гадали, и въ одинъ прекрасный день мнѣ утромъ объявили, что вечеромъ мы ѣдемъ въ *театръ*. Не знаю почему, у меня сердце замерло, я поблѣднѣла; надо мною стали смѣяться, что я боюсь, и увѣряли меня, что тамъ нѣтъ чертей, и что меня не отдадутъ имъ, и чтобы я крестъ надѣла. Я сказала, что крестъ и образокъ на мнѣ, и прибавила потомъ, что я не боюсь, но что мнѣ давно уже хочется въ театръ, что я никогда не видала его. Было это 29 декабря 1843 года. Пришелъ вечеръ, я была уже

одѣта; подали лошадей; меня била лихорадка отъ ожиданія. Подѣхали къ театру, вошли въ ложу; народу такъ много, и свѣтло такъ; меня бросило въ жаръ. Успокоилась я немного, мы сѣли. Заигралъ оркестръ, я испугалась и ахнула. Оркестръ кончилъ, занавѣсъ взвился. Давали драму „Красное покрывало“, играли Вышеславцева, Трусовъ и многіе другіе. Тутъ я вся превратилась въ слухъ и зрѣніе, смѣялась и плакала, все и всѣхъ забыла! Вся жизнь моя перешла въ актеровъ и я ужасно тосковала, когда опускали занавѣсъ, и все спрашивала, зачѣмъ все закрыли, и скоро-ли опять откроютъ. Мнѣ велѣли замолчать и сказали, что я надоѣла. Занавѣсъ опять поднялся и къ концу пьесы у меня сдѣлалась опять лихорадка. Я сама не знала и не понимала, что со мною сдѣлалось, и теперь даже не могу объяснить этаго чувства.... Приѣхали мы домой, я цѣловала руки и ноги моему другу, я дрожала всѣмъ тѣломъ. Она смѣялась надо мною, думала, что я простудилась, положила меня съ собою спать, и тѣмъ успокоила меня. Я все твердила, что очень хорошо въ театрѣ. Ночью просыпалась, часто и тяжело вздыхала. Утромъ, когда всѣ поднялись, и все опять

пришло въ свой порядоѣ, я взяла мою скамеечку и сѣла, по обыкновенію, у ногъ моей благодѣтельницы. Стала ее разспрашивать о томъ, что вчера было такое за представленіе, и какъ это они говорятъ, и такіе-ли это люди, какъ и мы? Она рассказала все подробно. Я слушала ее и сердце мое сжималось; я такъ поблѣднѣла, что когда она взглянула мнѣ въ лицо, то испугалась и спросила меня, что со мною? Я сказала—ничего, я здорова; я не смѣла сказать ей ничего больше, что такъ волновало мнѣ душу мою, а въ тайнѣ и глубоко въ сердцѣ моемъ я видѣла себя на этой сценѣ.... Мнѣ еще не было знакомо чувство любви, но, четырнадцатилѣтней дѣвочки, мнѣ казалось, что я могу также сильно любить, но только что я непременно умру, коли такъ полюблю какъ Вышеславцева. Уже на тринадцатомъ году я была почти совсѣмъ развита физически. Я очень боялась чувства любви и съ того дня пропала моя веселость.... Я поѣхала къ матушкѣ, чтобы подѣлиться съ нею моими чувствами и рассказать ей, что я была вчера въ театрѣ, и что я тамъ видѣла. Матушка слушала меня со вниманіемъ и заключила такъ, что въ театрѣ ѣздить грѣхъ, и

что она не желала-бы, чтобы я туда ѣздила. Но уже было поздно.... Прошла недѣля. Даютъ „Майко“. Афишу я выучила наизусть. Ѣдемъ въ театр, занавѣсъ поднялся, является Майко любящею дѣвушкою; опять играетъ Вышеславцева; потомъ Майко сходитъ съ ума и поетъ несвязныя пѣсни; я не плакала и не смѣялась, а превратилась вся въ слухъ и зрѣніе; душа моя отдѣлилась отъ тѣла и перешла туда, на сцену; для меня пропаль міръ земной, я ничего не видала и не слышала, какъ будто все умерло для меня; когда падалъ занавѣсъ, я уже не спрашивала, зачѣмъ и для чего это? Тутъ уже я все поняла, даже поняла и то, что тамъ моя жизнь, а здѣсь ея нѣтъ у меня. Я дрожала вся. Прасковья Аксеновна взяла меня за руку, она была, какъ ледъ, холодная. „Что съ тобой?“ спросила она меня, я ничего ей не отвѣтила и просила ее идти на сцену, и говорила, что тамъ очень хорошо должно быть. Она мнѣ сказала, что тамъ ужасная гадость, и что туда она не пойдетъ; мнѣ было это очень горько. Но открылось послѣднее дѣйствіе и я тутъ очень плакала. Пьеса кончилась, мы поѣхали домой. Я занемогла душой, и два дня лежала въ постели. Какія

думы, какія желанія, какія надежды тѣснились въ головѣ моей! Жаръ и холодъ ежеминутно смѣнялись, бредъ срывался съ языка—какъ я страдала! Но я уже не жила болѣе этою жизнью, а уже вся перешла на сцену и видѣла себя играющею Майко. Мало-по-малу я пришла въ себя съ такимъ выводомъ: театръ—моя жизнь, а слова матери, какъ живой образъ, явились передо мной „театръ—грѣхъ“; я такъ и порѣшила, что хоть ты, театръ, и грѣхъ, но я буду твоя, и встала съ постели какъ ни въ чемъ небывало“.

Въ этой чудной, хотя, быть можетъ, нѣсколько само-любующейся, но психологическо-вѣрной исповѣди — вся, талантливая, страстная, нервная, артистическая натура Любови Павловны!

Кончилось конечно тѣмъ, чѣмъ должно было кончиться: не смотря на все, неодолимыя для дюжиннаго характера, препятствія, заключавшіяся главнымъ образомъ въ собственномъ протестѣ матери, Любовь Павловна поступила, весной 1844 года, на нижегородскую сцену, бывшую тогда подъ антрепризой г. Никольскаго.

Еще лѣтъ 20 тому назадъ можно было ви-

дѣтъ въ Нижнемѣ, на жуковской улицѣ, большое, почернѣвшее отъ времени, деревянное аббатство, такъ-называемые „распутинскіе дома“ *); въ этихъ-то домахъ помѣщалась почти вся театральная труппа, начиная съ „первыхъ сюжетовъ“ до самыхъ послѣднихъ театральныхъ mauvais sujets. Любви Павловнѣ была отведена здѣсь коморка, все убранство которой состояло изъ грязнаго стола, трехъ стульевъ—изъ нихъ одинъ на трехъ ножкахъ—скамьи, кровати съ матрацомъ, набитымъ не то сѣномъ, не то соломою, шкана, да угольника для образа. Но за то въ этой коморкѣ было окно, выходив-

*) Нижегородскій театръ въ 1827 году принадлежалъ наслѣдникамъ основателя своего—князя Шаховского; въ этомъ году городское и ярмарочное зданія театра, со всѣмъ гардеробомъ и театральными домами на жуковской улицѣ, гдѣ помѣщалась труппа, съ актерами и актрисами числомъ 96 человекъ съ дѣтьми, куплены были у наслѣдниковъ князя гг. Распутинымъ и Климовымъ тысячъ за сто р. ассигнаціями. Климовъ скоро отдѣлился отъ участія въ театральномъ дѣлѣ, которое велось однимъ Распутинымъ до конца 1838 года, когда театръ перешелъ въ завѣдываніе В. И. Живокини, а затѣмъ, послѣ непродолжительнаго управленія имъ гг. Кологривовымъ и Вышеславцевымъ—къ г. Никольскому, при которомъ Любовь Павловна поступила на сцену, и который управлялъ театромъ до 1847 года.

шее на Волгу, которая видна была черезъ садъ *), и этаго было слишкомъ довольно для поэтическаго темперамента молодой прелестной дѣвочки.

Войдя въ первый разъ въ свои „палаты“ она, первымъ дѣломъ, перекрестилась, и постоявъ у окошечка, приладила къ нему свой образокъ и подумала: „Это окно будетъ мое любимое!“ Два другія окна выходили на дворъ, конечно грязный, съ натянутыми по заборамъ веревками для развѣшиванья бѣлья.

Первою обогрѣла будущую артистку старушка Аксакова, одна изъ обитательницъ театральнаго дома, актриса довольно заурядная, но, какъ женщина—предобродушнѣйшее существо. Она приласкала новаго театральнаго звѣрька, напоила его чайкомъ и дала горячей водицы, которой Любовь Павловна сама вымыла окна, стулья, столъ, полъ, чуть не стѣны своей театральной студіи. Отъ душевнаго и физическаго утомленія Любовь Павловна очень устала, но все-таки пообѣ-

*) До тридцатыхъ годовъ, когда еще не было устроено набережной и Откоса, садъ распутинскихъ домовъ спускался по всей горѣ вплоть до пятницкой улицы, одной изъ несуществующихъ теперь такъ-называвшихся панскихъ улицъ.

дала съ большимъ аппетитомъ, съѣла почти все, что принесла изъ дому, да еще Аксакова дала ей щецъ горяченькихъ.

Къ вечеру старикъ Косицкій привезъ дочуркѣ своей постельку и два сундучка съ полнымъ домашнимъ хозяйствомъ и гардеробомъ: 4 тарелками, чашками для горячаго, ножикомъ, 2 вилками, солоночкой, чайникомъ, глиняной чайной чашкой, чайной и столовой ложкой, скатертью, 2 салфетками и т. п. и съ нѣсколькими платьями, изъ которыхъ были два парадныхъ—шелковое бухарское, желтенькое съ черными полосками и кисейное съ мушками.

На третій день переѣзда Любови Павловны въ театральнѣй домъ, ее позвалъ къ себѣ антрепренеръ Никольскій, и велѣлъ ей учиться пѣть и танцевать, вмѣстѣ съ другими „неумѣйками“ театральнаго міра, которыя конечно прежде всего подняли на-смѣхъ новую „актрису“; но когда учитель Маіоровъ (Михаиль) заставилъ ее тянуть какую-то гамму, по скрипкѣ, голосъ новичка оказался лучше, чѣмъ у всѣхъ остальныхъ, и насмѣшки прекратились.

Вмѣстѣ съ Любовью Павловной учились въ этой, своего рода консерваторіи, Семенова,

Маіорова и Стрѣлкова *). Иѣвнѣе далось Любоби Павловнѣ и служило ей въ теченіе всей ея артистической карьеры. Въ хореографіи она не преуспѣла, о чемъ конечно и не тузила никогда.

Вскорѣ прислали Любоби Павловнѣ разомъ двѣ роли: крестьянки изъ „Женевской сироты“ и горничной изъ „Комедіи съ дядюшкой“. Можно себѣ представить восторгъ и волненіе юной дебютантки! Она не знала, куда ей дѣваться отъ радости, показывала всякому встрѣчному-поперечному присланнаго ей роли. Кто-то, изъ озорства, послалъ ее къ тогдашнему авторитету нижегородской сцены Х. И. Стрѣлковой. Любовь Павловна явилась къ Ханѣ Ивановнѣ, сидѣвшей въ это время въ своей квартирѣ (лучшей во всемъ театральномъ домѣ), на какомъ-то возвышеніи, поцѣловала у нея ручку, и стала читать ей наизусть свою роль изъ „Женевской сироты“.... Ханея Ивановна отнеслась однако къ наивной „актрисѣ“ по-человѣчески, добродушно, и даже дала ей нѣсколько добрыхъ совѣтовъ.

*) Стрѣлкова — Александра Ивановна, сестра Хіоніи (по просту — Ханеи) Ивановны Стрѣлковой (по мужѣ Талановой); обѣ сестры въ послѣдствіе стали хорошо извѣстны на провинціальныя и столичныя сценахъ.

Послѣ нѣсколькихъ репетицій, дѣло сладилось, и даже А. А. Вышеславцева, игравшая первую роль въ пьесѣ, стала похваливать Любовь Павловну. Въ день спектакля „сердце было не на мѣстѣ“ у дебютантки: и страшно-то ей было, и весело. Вечеромъ одѣли ее въ коротенькое красненькое платьце, въ черный лифчикъ съ коротенькими рукавами, въ бѣлый кисейный фартучекъ; на голову нахлобучили черную круглую шляпу, такихъ внушительныхъ размѣровъ, что ими чуть не вся „актриса“ была поглощена. Вся роль Любови Павловны состояла въ томъ, что нужно было выбѣжать на сцену и въпыхахъ рассказать, что бесѣдка въ огнѣ, что тамъ спитъ кто-то и неминуемо долженъ сгорѣть.... „Бѣги“, скомандоваль режиссеръ за кулисами дебютанткѣ, когда дошла очередь ея выхода, а у нея и ноги приросли къ полу; кто-то вытолкнулъ ее на сцену съ такой силой, что она по-неволѣ побѣжала, да, не опомнившись, проговорила безъ остановокъ свою роль съ такимъ захватывающимъ собственнѣй ея духъ жаромъ, что подъ конецъ расплакалась и убѣжала со сцены.... Заплакать и убѣжать ей по роли пришлось очень кстати, и публика разразилась аплодисментами.

А. А. Вышеславцева—этотъ кумиръ, и вполне достойный, Любови Павловны—снова похвалила ее по окончаніи спектакля.

„Какъ я была довольна, какъ я молилась въ этотъ вечеръ и не умѣла благодарить Царя небеснаго, говорить Любовь Павловна въ своихъ запискахъ, вспоминая знаменательный въ своей жизни день своего дебюта на сценѣ. Воротясь домой, я дала себѣ слово не спать до утра. Ночь была лунная, теплая, ледъ уже прошолъ на Волгѣ. Я прогуляла по дугу; воротясь домой, поужинала и сѣла къ окну глядѣть на луну и Волгу. Какъ мнѣ было хорошо въ этотъ вечеръ. Я и теперь не могу дать отчета, что я чувствовала, а такъ—*просто* было хорошо! И глядѣла я на луну и на Волгу; а на Волгѣ слышались пѣсни бурлаковъ, то полныя грусти, то полныя радости; такъ покойна была эта ночь и все я пѣла пѣсни у открытаго окошка, и не было человѣка счастливѣе меня въ цѣломъ мірѣ“.

Нижегородскій читатель! Если ты самъ еще юнъ, ты захлебнешься, читая эти строки, потому что ты самъ проводишь чудныя бессонныя ночи, глядя на нашу чудную вѣчно-юную, вѣчно-новую, сколько ни смотри на нее,

Волгу.... Если юность твоя давно миновала, оставивъ за собою одно смутное и въ то-же время по временамъ ясное, какъ вчера, воспоминаніе, съ своими образами, звуками и запахами, припомни, какъ ты самъ бывалъ всѣмъ своимъ существомъ охватываемъ и пронизываемъ возбуждающей теплотой поэтической волжской ночи, когда просиживалъ ты ее на пролетъ у окна, за хорошей книгой, или на Откосѣ, или въ лодкѣ, когда ты чувствовалъ въ себѣ силы гиганта, когда ты еще не зналъ, что надѣясь быть Александромъ Македонскимъ, кончишь, по выраженію Лермонтова—титулярнымъ совѣтникомъ, когда ничтожнаго повода было достаточно, чтобы отогнать отъ тебя сонъ, и ты вдвойнѣ поймешь, почему молоденькая Любовь Павловна сидѣла у окна и все пѣла пѣсни, все пѣсни пѣла.... Воскликнемъ-же съ Гоголемъ „О моя юность, о моя радость!“ и отдавая дань нашему возрасту, сообразимъ, что такъ какъ въ запискахъ Любви Павловны нѣтъ точнаго хронологическаго указанія о днѣ ея дебюта, съ другой-же стороны она говоритъ, что ледъ уже на Волгѣ прошолъ, а мы знаемъ, что въ 1844 году Волга вскрылась ото льда 14 апрѣля, то, слѣдовательно, чудная ночь

послѣ дебюта должна быть отнесена къ послѣднимъ числамъ апрѣля 1844 года... Послѣ однако такого прозаическаго соображенія, облегчающаго намъ наши теперешнія геморроидально-бессонныя ночи, отведемъ душу хоть не надолго, и послушаемъ, что говорить дальше Любовь Павловна про ту-же апрѣльскую волжскую ночь.

„Стала заниматься заря: свѣжо сдѣлалось въ воздухѣ, и сквозь легкій туманъ, точно сквозь кисейное покрывало, на Волгѣ стали показываться караваны. На Волгѣ, какъ только сойдетъ ледъ, иногда еще и не всѣмъ, идутъ цѣлыми стадами суда разной величины и красоты. Волга съ Окой подъ Нижнимъ разливаются верстъ на сорокъ шириною, по отлогому берегу.... И такая-то красота, что глядишь, глядишь, и не насмотришься; только вздохнешь, да сотворишь молитву. Вотъ по широкой Волгѣ идутъ караваны; далеко, далеко видна рѣка въ разливѣ; изъ Нижняго, съ Откоса, при солнышкѣ, даже Балахну видно.... Стало уже свѣтло; вотъ показалось одно суденышко какъ точка; и потомъ сдѣлалось чайкой.... Чайка растетъ, растетъ и летитъ на своихъ бѣлыхъ крылышкахъ—парусахъ внизъ по Волгѣ-матушкѣ,

а за нею точно въ погоню гонятся и еще, и еще съ бѣлыми, какъ снѣгъ парусами въ три и даже въ четыре яруса, по три, по четыре, по пяти судовъ въ рядъ, а изъ-за горы имъ на встрѣчу встанетъ солнышко, и прямо такъ и глянетъ имъ въ лицо. Какая это картина бываетъ чудная! Туманъ на парусахъ отливаетъ радугой; радуга идетъ все выше и выше, очистится весь воздухъ и освѣтится весь караванъ и глазъ не можетъ видѣть конца ему! Сдѣлается и грустно и радостно, и такая тишина кругомъ тебя, точно самъ Господь сошолъ на землю, чтобъ водворить эту тишину и чтобы поставить каждое дѣло своей рукой великой на свою святую землю.... Не знаю ужъ когда я уснула на томъ окнѣ, и видѣла во снѣ, что играю большія роли въ „Майко“, въ „Красномъ покрывалѣ“; и такъ мнѣ стало страшно и холодно. Аксакова разбудила меня и выдрала за ухо, зачѣмъ я отворила окно. Добрая старушка, я такъ полюбила ее! Было девять часовъ, мнѣ такъ шею было больно, повернуть не могла, а она еще тутъ за ухо дереть! Надулась я и пошла чай пить“....

Это-ли не поэтическая рѣчь! Да, съ такимъ художественнымъ чувствомъ, съ такой

горячей любовью въ природѣ и съ такимъ тонкимъ пониманіемъ ея и даромъ воспроизведенія впечатлѣній, не мудрено было играть Катерину въ „Грозѣ“, не трудно было заставлять зрителя страдать и блаженствовать вмѣстѣ съ актрисой, вмѣстѣ съ авторомъ, вложившимъ мысль въ ея роль, вмѣстѣ, словомъ, съ человѣкомъ, которому „не чуждо все человѣческое“....

Вскорѣ состоялся и второй дебютъ молодой дѣвушки. Давали балетъ „Волшебная флейта“, въ которой Любовь Павловна танцевала съ помеломъ въ рукахъ. Въ „Комедіи съ дялюшкой“ она играла горничную Лизу. Спектакль прошолъ благополучно. Затѣмъ стали ставить „Роберта“. Любовь Павловну заставили пѣть въ хорѣ. Голосъ ея такъ понравился, что директоръ приказалъ ей разучивать двѣ партіи: Агаты („Волшебный стрѣлокъ“) и Надежды („Аскольдова могила“). Обѣ пьесы готовились къ ярмаркѣ. Понятно, что Любовь Павловна была на верху блаженства. Восторженность ея дошла до того, что она дала себѣ обѣтъ, какъ только разучить роли—ѣхать въ саровскую пустынь, поклониться о. Серафиму. Въ теченіе мѣсяца она приготовила роли; сдѣлали репетиціи и

велѣли ей отдохнуть. Любовь Павловна попросилась у директора въ Саровъ. Никольскій отпустилъ ее и даже далъ „цѣлковый“ на дорогу. А. А. Вышеславцева прибавила столько-же отъ себя. Сходила Любовь Павловна проститься къ роднымъ и къ Прасковѣ Аксеновнѣ. Та ей тоже на дорогу дала три рубля.

Поѣхала Любовь Павловна не одна—съ молоденькой хорошенькой актрисой Семеновой и женихомъ ея Николаевымъ, въ послѣдствіе замѣчательно-даровитымъ комическимъ актеромъ, къ сожалѣнію, рано погибшимъ свою жизнь и артистическую карьеру... Наняли телѣгу парой до Арзамаса и отправились.

По пути отъ Арзамаса до Сарова заѣхали къ одному помѣщику, у котораго былъ домашній театръ, разумѣется, съ оркестромъ.

„Приняли насъ со всѣмъ парадомъ, и обѣдъ былъ чудный, говорить Любовь Павловна. Помѣщикъ былъ больше звѣрь, чѣмъ человекъ. Показали намъ театръ; дѣвушки у него всѣ ходили въ ситцевыхъ платьяхъ и въ чернеикихъ фартукахъ. Это—говорять—все актрисы. Онѣ были всѣ такія изнуренныя, немногія изъ нихъ были похожи на живыхъ

людей; жили онѣ всѣ на-верху, т. е. во второмъ этажѣ“.

У этаго помѣщика наши путешественники пробыли недолго: уѣхали послѣ обѣда, но попали снова, на обратномъ пути.

Въ Саровѣ Любовь Павловна дала волю своему религіозному настроенію, никогда ее не покидавшему: была и у заутрени и у обѣдни, обѣгала всѣ святыни, поклонилась имъ, и пообѣдавъ за общей монастырской трапезой, пустилась съ своими товарищами въ обратный путь.

У самага почти господскаго дома театра-помѣщика лошади - разбили нашихъ богомольцевъ: ямщикъ отъ ушибовъ вскорѣ померъ, а Любовь Павловна, какъ она сама выражается, „оставила всю кожу со спины на дорогѣ“. Изъ господскаго дома выбѣжали гувернантка, горничная и лакей съ виномъ и водой. Любовь Павловну, лишившуюся чувствъ, положили на-верху, гдѣ жили господскія актрисы, на постель. Вечеромъ пришолъ къ ней самъ помѣщикъ, и такъ посмотрѣлъ на нее, что Любовь Павловна Христомъ-Богомъ просила его уйдти. Онъ прислалъ къ ней дѣвушку, Парашу.

— Вотъ, пожалуй, кожа у меня другая не выростеть, пожаловалась Любовь Павловна.

— Нѣтъ, барышня, выростеть, а вотъ у насъ такъ, знать, радостей не выростеть, отвѣчала Параша, и заплакала.

— Развѣ тебѣ, Параша, не хорошо здѣсь жить? Милая, что это ты такъ плачешь, полно!

— Ахъ, барышня! Богъ отъ насъ отступился, вотъ что!

— Ахъ, Параша, грѣхъ тебѣ такъ говорить: Богъ ни отъ кого не отступается. Коли тебѣ скучно, ты лучши помолись; это на тебя искушеніе нашло.

— Нѣтъ, барышня-матушка! Такъ тяжело, иной разъ руки-бы на себя наложила, да тоже Бога боишься. Вотъ мы мученицы просто! Вѣдь баринъ-то нашъ хуже пса какого! Злодѣй онъ, ему и на каторгѣ нѣтъ мѣста, развратникъ! Теперь насъ у него десять дѣвокъ; возьметъ отъ отца и матери, станетъ грамотѣ учить, чтобы, вишь-ты на кятрѣ играть разныя штуки, а самъ изъ дѣвокъ-то всю кровь выпьетъ, а потомъ замужъ отдастъ за какого постылаго мужика. Теперь и дѣвокъ-то, почитай, ни одной нѣтъ во всей деревнѣ, кромѣ маленькихъ.... Мужики жаловаться на него ходили, такъ онъ имъ-же

сказалъ: не велите дѣвкамъ своимъ виснуть ко мнѣ на шею! Да мужиковъ-то всѣхъ передраля, чтобы впередъ не жаловались.....

Оправившись немного, Любовь Павловна вернулась въ Нижній.

Старикъ Косицкій поступилъ къ кому-то на должность управляющаго, сыновья его тоже были по мѣстамъ. Старуха Косицкая, всего болѣе противившаяся рѣшенію дочери поступить на сцену, переѣхала жить къ ней, въ театральнѣй домъ.

„Тутъ-то жизнь моя, говоритъ Любовь Павловна, пошла иначе. Матушка больше не сердилась на меня, и увидѣла сама, что она очень ошибалась на счетъ театра, думая, что оно самое позорное мѣсто, и даже сама плакала, слушая, какъ я распѣвала мои двѣ оперы. Спина моя стала подживать, я продолжала играть маленькія рольки и иногда пѣла въ дивертисементахъ. Публика меня ласкала за мой голосъ, всякій разъ я должна была повторять, что-бы я ни пѣла. Мнѣ стали завидовать, и даже одна важная особа просила директора, чтобы онъ рекомендовалъ меня на какойнибудь другой театръ, потому что у важной особы были свои сестрицы-пѣвицы на сценѣ: ну, она стала не любить

меня. Тутъ подоснѣла ярмарка, все закипѣло словно въ аду. Театръ переѣхалъ на ярмарку, пошли каждый день спектакли, дѣла и ума-ня стало много. Артистовъ столичныхъ къ намъ наѣхало много. Изъ Питера пріѣхала Ю. Н. Линская, изъ Москвы А. А. Бантышевъ и много другихъ. Вотъ съ Бантышевымъ и стала я играть оперы, прежде „Стрѣлка“, а потомъ „Аскольдову могилу“, и была принята публикой не хуже его. Онъ мнѣ одинъ разъ и сказалъ, чтобы я пріѣзжала въ Москву; а мнѣ это показалось такъ смѣшно. Ю. Н. Линская мнѣ очень понравилась и она полюбила меня. Я была ея пажомъ: гдѣ она—тутъ и я ужъ непремѣнно. Пробралась и въ помера, гдѣ она стояла, и очень часто наслаждалась ея бесѣдою..... Здѣсь-же ярославскій антрепренеръ высмотрѣлъ меня и ангажировалъ на свой театръ. Далъ мнѣ пятьдесятъ рублей жалованья въ мѣсяць. Какъ кончилась ярмарка, я и снарядилась въ Ярославль, простилась съ дорогими моему сердцу, отцомъ, братьями, съ П. А. Долгановой и А. А. Вышеславцевой, и отправилась въ путь съ матушкой. Грустно мнѣ было оставить Нижній, мою родину, но дѣлать было нечего, сама избрала свою дорогу.... Пріѣхала я въ Ярославль бла-

гополучно. Ёхало насъ много въ одной крытой телёгѣ. Ярославль мнѣ очень понравился: городокъ чистенькій, театръ каменный, прекрасный, и Волга, моя задушевная Волга. Я скоро привыкла къ моему новому жилищу. Остановились мы въ гостинницѣ при постояломъ дворѣ, близъ театра. Квартира опрятная, хорошенькая; одна комната большая, потомъ маленькая, безъ окна, и кухня, окнами въ свѣтлый корридоръ, и мебель хорошенькая: столы, комоды, двѣ кровати, одна съ ширмами. Здѣсь, въ Ярославлѣ, началась моя полная жизнь. На пятнадцатомъ году у дѣвиць не безъ разныхъ приключеній, а я была такой еще ребенокъ, что многого не понимала самаго простого и обыкновеннаго въ жизни. Въ Ярославлѣ меня полюбили окончательно всѣ, и артисты, и публика. Тутъ я нашла Ленскихъ, мужа и жену, людей талантливыхъ и добрыхъ. Ленская меня такъ полюбила, какъ сестру родную, и я ей отвѣтила тѣмъ-же. Тутъ было еще семейство Бѣшенцовыхъ, людей очень почтенныхъ. Бѣшенцовъ былъ оперный пѣвецъ; онъ принялъ во мнѣ живое и самое теплое участіе и даже сталъ учить меня пѣть, тоже со скрипкой. Я привязалась къ Бѣшенцову душой и даже звала его па-

пашей. Онъ былъ лѣтъ пятидесяти, и говорили, что онъ изъ петербургскихъ....

Съ перваго своего дебюта въ Ярославлѣ Любовь Павловна стала любимицей ярославской публики. Любовь Павловна, зарабатывая въ первый разъ въ жизни хорошій трудовой кусокъ хлѣба для себя и для матери, убѣдилась именно въ Ярославлѣ, на родинѣ русскаго театра, что бываютъ въ человѣческой жизни положенія, когда непослушаніе родительской волѣ является правымъ дѣломъ. Мать ея, какъ мы видѣли выше, пришла къ этому сознанию еще въ Нижнемъ, поселившись вмѣстѣ съ дочерью въ театральномъ домѣ.

Полюбила Любовь Павловну ярославская публика, но при этомъ неизбежно полюбилась молоденькая хорошенькая актриса и ярославскимъ „театраламъ“. Въ числѣ послѣднихъ былъ одинъ богатый красивый купецъ. Не давалъ онъ проходу Любови Павловнѣ, сталъ онъ ее кормить фруктами и конфетами. Четырнадцатилѣтняя дѣвушка хотала и уписывала сласти, а подруги ея стали смотрѣть на это подозрительно. Мать замѣтила подарки и спросила дочь, откуда она ихъ беретъ.

— Дарятъ.

— Кто?

— Такой-то.

— Ты у меня не смѣй брать конфекты; они, мошенники, такъ угостятъ, что и не опомнишься!

Послѣ такого нравоученія, Любовь Павловна въ первый-же спектакль не взяла отъ своего ухаживателя конфектъ, а онъ послѣ того прислалъ ей цѣлый пудъ, съ наказомъ раздѣлить по-ровну между всей женской половиной театральной братіи.

Кончилась эта исторія двумя рѣзкими эпизодами, кѣторые, опять-таки, всего лучше передать словами самой Любви Павловны:

„Директоръ нашъ уѣхалъ куда-то на недѣлю. Это было незадолго до Рождества. Я была приглашена директоршей гостить къ ней на это время. Ночью, ложась спать, она мнѣ много говорила хорошаго о моемъ обожателѣ; я сказала, что онъ мнѣ не нравится, и уснула преспокойно. И вижу сонъ, будто гуляю я въ прекрасномъ саду и такъ въ немъ много прекрасныхъ цвѣтовъ и фруктовъ. Стала мучить меня жажда, я хочу сорвать какойнибудь фруктъ, и только протяну руку къ которомунибудь и на немъ сдѣлается

лицо моего обожателя; и стало мнѣ такъ страшно, такъ страшно, я бросилась бѣжать, бѣгу, бѣгу, прямо къ рѣкѣ, и на мостъ; добѣжала я до половины моста и вдругъ ангелъ остановилъ меня и исчезъ; я взглянула подъ ноги, и предо мной нѣтъ моста, а однѣ только перекладины, и то изъ ножей, а внизу вода, и если сдѣлаю еще шагъ, то упаду на ножи прямо. За мостомъ вижу ту самую комнату, въ которой я сплю, и въ ней сидятъ много гостей, и мой преслѣдователь и директорша: ѣдятъ, пьютъ и зовутъ меня къ себѣ, я не могу съ мѣста сдвинуться; мой обожатель подаетъ мнѣ стаканъ вина; только я взяла его, и весь мостъ около меня провалился, и я осталась на одной дощечкѣ. Я бросила стаканъ и сама полетѣла на берегъ, и опять ангелъ явился мнѣ и я проснулась. Такой страхъ обуялъ меня, что дрожала какъ въ лихорадкѣ; осмотрѣлась кругомъ, и заснула опять, но очень измученная моимъ сномъ.... Проснувшись я никому не говорила о моемъ видѣннн; но запомнила его. Утромъ была репетиція; спектакля въ этотъ вечеръ у насъ не было.

„Вечеромъ къ директоршѣ приѣхали гости; разумѣется, и мой злодѣй тутъ былъ. Они

стали веселиться, пили и ѣли; я сидѣла въ спальнѣ и не хотѣла выходить къ гостямъ, но директорша меня просила выйти, и я исполнила ея просьбу; это было всѣмъ очень пріятно; я посидѣла немного и опять ушла. Наконецъ они всѣ пришли ко мнѣ и просили, чтобъ я побесѣдовала съ ними, и мой обожатель подалъ мнѣ стаканъ вина и просиль, чтобъ я его выпила. Когда я взяла стаканъ, комната вся и положеніе лицъ стали такъ схожи съ моимъ сномъ, что у меня въ глазахъ потемнѣло; я попробовала вино и оно мнѣ не понравилось, сѣрой пахнетъ; я немного отпила, и улучила случай вылить это вино въ кружку съ квасомъ. Меня просили выпить еще, но я отказалась, сказавъ, что голова болитъ. Немного погодя, намъ предложили ѣхать кататься на тройкахъ. Когда мнѣ предложили это, сердце у меня замерло и я окончательно не знала, что мнѣ дѣлать. Вспомнила сонъ свой и схитрила: согласилась ѣхать, но просила, чтобъ меня проводили къ матушкѣ взять большіе теплые сапоги, и сказала, что я сейчасъ вернусь; накинула платокъ и шубку, да и тягу. Мнѣ дали человекъ проводить меня; иду я чрезъ площадь—точно меня кто хватаетъ сзади,

чуть не бѣгомъ! Человѣкъ говоритъ мнѣ:
„вотъ молодой-то народъ, погулять хочется“.

„Вошла въ комнату; матушка сидѣла—читала; я взяла у нее десять копеекъ, вынесла человѣку и говорю:

— Матушка не пускаетъ: она нездорова и хотѣла сейчасъ послать за мной; кланяйся и благодари.

„Тутъ только я свободно вздохнула. Матушка спросила, что это значить, что я ушла оттуда? Голова, говорю, болитъ, а тамъ гостей много. То-то, говоритъ, на тебѣ лица нѣтъ; лягъ, да усни, — и приласкала она меня, голубушка моя, сѣла ко мнѣ, погладила мою голову, поцѣловала меня, а мнѣ стало такъ грустно, такъ тяжело!... И покатайся-то хотѣлось очень, и стало мнѣ жаль этаго человѣка. Думаю: должно быть эта любовь очень тяжелое чувство, потому что онъ такъ похудѣлъ, такой сталъ печальный; и вспомнила я, какъ полюбила театръ, какъ похудѣла тогда и чуть-чуть было не умерла! Пожалуй и онъ умретъ... И такъ мнѣ стало жаль его; слезы, слезы такъ и потекли на подушку.

„Утромъ была репетиція, а вечеромъ спектакль; я играла. Одѣвалась я вмѣстѣ съ Ленской въ одной уборной; я была уже одѣ-

та; онъ вошолъ ко мнѣ, Ленской тутъ не было; онъ взялъ меня за руку.

— Вы, говорить, очень хорошо понимаете, что все, что я дѣлаю, это все для васъ, для однихъ васъ; поймите также и то, что нѣтъ силы на свѣтѣ, которая отняла-бы васъ у меня, гдѣ-бы вы ни были; у меня безъ васъ нѣтъ жизни, вы всю разбили ее, прощайте.

„Долго я не видала его послѣ этаго разговора, недѣли двѣ; говорили, что онъ уѣхалъ въ Москву.

„Передъ Рождествомъ кто-то неизвѣстный прислалъ мнѣ подарокъ—лисій салопъ и бѣлую шляпку; обѣ эти вещи были очень хорошенькія. Матушка не велѣла мнѣ надѣвать ихъ, и даже хотѣла отослать обратно, да не знала кому и куда. Я, разумѣется, не смѣла надѣть этихъ вещей, хотя мнѣ и очень хотѣлось. Салончикъ мой былъ очень плохенькій, заячій съ лисьими лапами.

„Прошло Рождество, прошли и святки; мой обожатель появился опять, но видѣла я его очень рѣдко, и онъ дѣйствительно измѣнился въ отношеніи ко мнѣ; сталъ сухо обращаться со мною. Я была покойна, и думала, что онъ оставилъ меня, но не тутъ-то было!

„Я уже говорила, что мы стояли въ гостинойцѣ, при постояломъ дворѣ; сосѣдній номеръ съ нами былъ занятъ, а нашъ былъ угловой. Сосѣда нашего я никогда не видала; пріѣзжалъ онъ поздно, иногда и совсѣмъ не пріѣзжалъ. Дверь въ этотъ номеръ отъ насъ была заколочена на-глухо. Матушка моя, какъ женщина стараго покроя, любила Богу молиться, и часто, уходя къ утрени въ церковь, запирала меня кругомъ. По обыкновенію, въ какой-то праздникъ пошла она въ церковь и заперла меня. Я силю, не чую надъ собой бѣды, но какъ-бы я сладко ни спала, ухо мое, всегда чуткое, услышитъ, какъ мышь пробѣжитъ по комнатѣ. Только что ушла матушка, слышу что-то шевельнулось у насъ въ комнатѣ. Я проснулась, оглядѣла кругомъ, вижу—ничего нѣтъ, сотворила молитву, и опять забылась; но слухъ мой меня не обманулъ, я почувала чье-то дыханіе подлѣ себя, открыла глаза и--Боже, что со мной было! Какъ передать тотъ ужасъ, ужасъ дѣвочки, для которой лучше было умереть, чѣмъ лишиться добраго имени: этотъ человѣкъ стоялъ передо мною, блѣдный, какъ смерть, съ лицомъ, полнымъ страданія и ожесточенія противъ непреклонной дѣвочки.

Я хотѣла закричать, онъ зажалъ мнѣ ротъ рукою.

— Хоть кричи, хоть не кричи, никто не услышитъ: весь домъ пусть!

„Я дрожала, какъ листъ отъ вѣтра. Что я думала въ этотъ ужасный часъ, я не помню; встала на колѣни и просила не губить меня. Я говорила, что „я полюблю васъ, только теперь оставьте меня“.... но все было напрасно! Онъ сжалъ меня въ рукахъ своихъ, борьба была невозможна, и въ это время опять чудо совершилось со мною: въ корридорѣ послышались чьи-то шаги, и такъ сильно ступавшіе, какъ будто шло нѣсколько чело-вѣкъ; онъ выскочилъ изъ комнаты. Я забыла все, прямо въ кухню, и вмѣстѣ съ рамой вылетѣла въ корридоръ и подъ лѣстницу. Услыхала, что матушка идетъ. Я позвала ее къ себѣ и она вытасила меня изъ моего убѣжища. На утро все узналось: дверь была отперта изъ сосѣдняго номера, гвозди всѣ вытасканы и двери были свободны и въ это время не было ни единой души во всемъ домѣ.

„Въ этотъ-же день матушка жаловалась начальнику губерніи, и злодѣя моего обязали подпискою не преслѣдовать меня больше; но и тутъ я не ушла отъ него, видѣла каждый

день! Опротивѣлъ онъ мнѣ до безобразія, и жалѣла я о немъ, а онъ еще теплѣе сталъ смотрѣть на меня. Потомъ онъ уѣхалъ изъ Ярославля на время, чтобъ скандалъ этотъ, о которомъ всѣ узнали, затихъ хоть немного. Тутъ я стала свободна и ходила, куда хотѣла, ничего не опасаясь. Дѣла мои по театру шли успѣшно.

„На масляницѣ Ленская дѣлала праздникъ, куда и я была приглашена послѣ спектакля. Кончила я спектакль, одѣлась, взяла сторожа и пошла къ Ленской; иду, ничего не думая, кромѣ какъ объ удовольствіи, которое ждетъ меня, вдругъ снѣгъ за мной захрустѣлъ подъ иной поступью; я оглянулась, за мной шолъ не сторожъ; я ускорила шаги и только завернула за уголъ, чувствую кто-то схватилъ меня, я не успѣла крикнуть, какъ была на чьихъ то рукахъ, и эти руки такъ крѣпко держали меня, что только сердце мое билось свободно. Я увидала, что я въ рукахъ опять этаго человѣка, и память мнѣ измѣнила! ... Очнулась я въ какой-то бѣдной комнатѣ, свѣтъ былъ только отъ лампы; слышу кто-то плачетъ подлѣ меня, но не слезами разбойника, и такъ горячо цѣлуетъ руки мои, а слезы такъ и капаютъ.

— Не бойся меня, я ничего худого не хочу тебѣ сдѣлать, я такъ люблю тебя!

„Послѣ такихъ словъ камень спалъ у меня съ сердца: слова эти были сказаны человѣкомъ, глубоко любившимъ меня; я не видѣла больше въ этомъ человѣкѣ врага своего, но видѣла безконечную любовь и, что странно, я сама полюбила его—да! Только тутъ онъ явился передо мною человѣкомъ, а не звѣремъ! Я поглядѣла на него, я была совсѣмъ обезсилена.

— Зачѣмъ, говорю, вы привезли меня сюда?

— Везъ-то я тебя, чтобы ты полюбила меня, а теперь вижу, что ты не можешь и не хочешь любить меня, а насильно я ничего не хочу; я теперь наглажусь на тебя досыта, да и отвезу назадъ. Богъ съ тобой, не любишь, такъ и не надо!

„Такъ мнѣ стало жаль его, я хотѣла сказать, что не люблю его, да и сказала другое. Какъ прошло еще часъ времени или пролетѣлъ, писать объ этомъ трудно. Помню только то, что я рыдала, какъ рыдаютъ дѣти, когда разобьютъ свою любимую игрушку. Поглядѣли еще другъ на друга, обнялъ онъ меня и поцѣловалъ, крѣпко, крѣпко, и отвезъ

къ Ленской. Было два часа ночи, у нея шоль пиръ горой.

„Такъ тѣмъ и покончилась моя любовь къ этому человѣку.

„На первой недѣлѣ поста онъ уѣхалъ въ Сибирь, отецъ его туда послалъ по дѣламъ. Не разцвѣло мое первое, любовью бившееся чувство—да такъ и завяло. Матушка часто говорила: „бойся мужчинъ, они змѣи-искусители“, — я и боялась ихъ, покуда молчало мое сердце, а заговорило оно—и страхъ прошоль! А потомъ стало еще страшнѣе; я и забыла прошедшее, а можетъ быть и не поняла его всю важность, и все-таки оставалась чистою для всего, что окружало меня“.

Настала весна. Спектакли шли, послѣ великаго поста, рѣдко. Оживающая природа надбавляла силъ развивающейся дѣвушкѣ. Ухаживателей было много, но сердце ея оставалось къ нимъ глухо. За недостаткомъ окрыляющей нищи, оно куда-то все-таки рвало. И вотъ Любовь Павловна начинаетъ писать стихи. Писались они однако печатными буквами—иначе она не умѣла; но поэтическая струнка ихъ отъ этаго не терялась. Вотъ одно изъ стихотвореній Любви Павловны того времени:

Какъ все вокругъ меня живетъ и веселится,
 Лишь я одна для всѣхъ чужда;
 Съ тоской души моей здѣсь врядъ-ли что сравнится
 И сокрушить она меня!
 Зачѣмъ-же я смотрю на все спокойными глазами,
 И грусть мою лунѣ передаю?
 Она бѣжить, а я залюсь слезами
 И съ жизнію опять я примирюсь....

Поправилась Любви Павловны ее поэзія
 и стала она къ ней частенько прибѣгать: ни-
 шеть, бывало, и плачетъ....

Лѣтомъ изъ Москвы пріѣхалъ въ Ярославль
 молодой актеръ Петръ Степановичъ С-въ, въ
 послѣдствіе игравшій на петербургской сце-
 цѣ. Молодые люди стали слишкомъ часто
 другъ на друга засматриваться, а потомъ и
 объяснились. Петръ Степановичъ прямо ска-
 залъ старушкѣ Косицкой, что женится на Лю-
 бови Павловнѣ, какъ только ей „годы вы-
 дутъ“, т. е. сравняется ей 16 лѣтъ. На томъ
 и порѣшили. Любовь Павловна стала не-
 вѣстой и тихо блаженствовала.

Скоро вся ярославская труппа отправилась
 въ Рыбинскъ, на ярмарку. Здѣсь съ Любовью
 Павловной опять казусъ случился, на манеръ
 ярославскаго.

„Въ Рыбинскъ пріѣхалъ, говоритъ она, мо-
 лодецъ, говорившій, что для него нѣтъ ни-

чего невозможнаго: „что хочу, то и дѣлаю“. Началь онъ меня преслѣдовать, куда ни пойду, онъ ужъ тамъ. С-въ сталъ ревновать меня; купецъ предлагалъ мнѣ большія деньги за любовь мою, чѣмъ мнѣ до того опротивѣлъ, что я его видѣть не могла.... Ярмарка кончилась; одинъ разъ купчикъ приходитъ ко мнѣ во время спектакля за кулисы; я играла „Двумужницу“; подошелъ онъ ко мнѣ, да и говорить:

— Нѣтъ, не стерижьте мнѣ этаго, не достанься ты, моя ласточка, ни мнѣ, ни злодѣю моему (т. е. С-ву), прощайте!

„Я кончила мою роль, переодѣлась, пошла домой одна, покрылась платочкомъ, чтобъ онъ не узналъ меня. Ночь была свѣтлая, теплая, чудная. Иду по набережной и гляжу въ воду; такъ мнѣ было хорошо, играла я съ успѣхомъ и душой моей благодарила Бога за его милосердіе. Народу на набережной всегда много, я и не боялась и шла покойно; только я поровнялась съ кофейной—она отъ набережной была отдѣлена широкой улицей—вдругъ раздался выстрѣлъ и что-то такъ близко свистнуло отъ моего лба, что меня назадъ отшибло, и булькнуло въ воду. Ноги у меня подкосились, я упала, но успѣла за-

кричать. Народу сбѣжалось много, тутъ и полиція нашлась; мнѣ сдѣлалось дурно. Добрые люди меня подняли и проводили домой.

„Что было съ матерью—передать трудно; она захворала, и тутъ-же рѣшила оставить меня одну, на произволь судьбы. Этаго купца взяли подъ арестъ; но онъ откупился, должно быть, и скоро уѣхалъ изъ Рыбинска“.

Въ періодъ ярмарки Любови Павловнѣ дали бенефисъ. Поставлена была пьеса В. Р. Зотова „Дочь Карла Смѣлаго“; роль Микаэлы (дурочки) — главную — играла пятнадцатилѣтняя бенефициантка. Отъ бенефиса очистилось ей 600 р. Она чуть не обезумѣла... Думала, думала, куда-бы ей дѣвать такую кучу денегъ, и надумала ѣхать въ Москву. Сказала объ этомъ матери. Та махнула рукой и прибавила:

— Богъ съ тобою! Поѣзжай, куда хочешь, а меня ужъ ты отправь въ Нижній; мнѣ ужъ и такъ надоѣло таскаться по бѣлу-свѣту.

Любовь Павловна дала матери сто рублей, наняла ей лодку до Нижняго за 20 р., а сама поѣхала съ женихомъ своимъ П. С. С-вымъ въ Москву, въ тарантасѣ, тройкой, на половинныхъ съ С-вымъ издержкахъ.

По пути къ Москвѣ Любовь Павловна съ С-вымъ заѣхала къ Троицѣ-Сергію, но о пребываніи здѣсь у нея не сохранилось никакихъ воспоминаній: она слишкомъ живо занята была своими мыслями о Москвѣ, о предстоявшей свадьбѣ своей съ С-вымъ.

Въ Москвѣ остановилась Любовь Павловна въ какой-то гостинницѣ у Мясницкихъ воротъ, а С-въ отправился къ своимъ: въ Москвѣ жилъ отецъ его, служившій въ почтовомъ отдѣленіи дилижансовъ и занимавшій, съ своимъ большимъ семействомъ, казенную квартиру. Въ гостинницѣ заняла Любовь Павловна въ самомъ верхнемъ этажѣ угольный номерокъ съ однимъ окномъ на улицу и съ другимъ — на бульваръ.

Москва напугала Любовь Павловну своей „дистанціей“ до того, что она даже упала духомъ. Припомнила она, что изъ Рыбинска ее отпускали неохотно, директоръ предлагалъ ей сто рублей жалованья и два полубенефиса; сообразила, что въ Москвѣ ее никто не знаетъ, пропадетъ она въ ней... Страшно ей стало.... Но не такова была натура Любви Павловны, чтобы испугаться однихъ неопредѣленныхъ страховъ: пересчитала она свои трудовыя денежки, отложила 60 рублей на

всякій случай, на обратную дорогу, и успокоилась.

Между тѣмъ брачныя дѣла не ладились. С-въ приходилъ къ Любови Павловнѣ, но хмурый. Скоро выяснилось, что семья его смотритъ косо на предстоящій бракъ съ какой-то невѣдомой для нея провинціальной актрисой....

„Самыя честныя отношенія продолжались между мною и этимъ человѣкомъ, говоритъ Любовь Павловна, и до сихъ поръ и во вѣки моя глубокая благодарность и признательность моему другу и названному брату Петру Степановичу, за его чистую любовь ко мнѣ; онъ хотѣлъ многое сдѣлать для меня, но родители его не такъ повернули это дѣло; да и нельзя было иначе: бѣдная, безъ всякаго образованія дѣвушка, куда она годится!“

Въ этихъ словахъ Любови Павловны, рядомъ съ покорливостью судьбѣ, слышится и горечь; мы не знаемъ, что-бы ожидало молодую дѣвушку, если-бы она вошла въ семью С-выхъ, но зная, то, что съ ней въ дѣйствительности случилось, зная, какое почетное положеніе заняла она въ послѣдствіе на московской сценѣ, нужно полагать, что она имѣла полное право сказать вмѣстѣ съ вольтеров-

скимъ оптимистомъ докторомъ Панглоссомъ: „Все къ лучшему въ семь лучшемъ изъ міровъ“.

Инспекторомъ репертуара московской сцены въ 1844 году былъ Алексѣй Николаевичъ Верстовскій. Любовь Павловна, рѣшивши поступить въ хористки, стала его розыскивать, но все это ей не удавалось: то онъ на дачѣ, то его дома нѣтъ.

И видитъ опять Любовь Павловна сонъ: Идетъ она по темной широкой улицѣ, вездѣ камень острый, ногамъ больно; идетъ она долго и стала уставать; сдѣлалось ей очень тошно; вдругъ видитъ стѣну; стѣна эта такъ высока, что едва видѣнъ край ея, и изъ-за этой стѣны разливается свѣтъ какъ радуга, а отъ земли на стѣну идетъ лѣстница крутая и много народу силится войти по этой лѣстницѣ на стѣну; кто войдетъ только до половины — свалится, кто и того меньше — тоже; остановилась она и думаетъ: „не пойдти-ли и мнѣ?“ Стало ей страшно; а все-таки подошла къ лѣстницѣ, взялась за нее одною рукою и хотѣла ужъ лѣзть. Тутъ закричали ей голоса: „Куда ты? Куда? Гдѣ тебѣ! Вишь на тебѣ платьишко какое скверное!“ Поглядѣла она на платье—дѣйствительно скверное оно; взя-

да она, да и сняла это платьишко, и полѣзла на лѣстницу въ одной сорочкѣ.... Лѣзла, лѣзла, сердце такъ бьется: такъ высоко.... Но вотъ еще двѣ ступеньки, и она на стѣнѣ.... Собираетъ послѣднія силы, дѣлаетъ два шага и она на верху, на краю стѣны! Глядитъ внизъ, и такой тамъ свѣтъ, такъ стало ей тепло, и какой-то сѣденькій старичокъ даетъ ей воды напиться и говоритъ: „ступай вотъ туда“, и указываетъ ей на широкую дорогу: „дорога славная, говоритъ, чистая, да терновнику много на ней“.....

И пошла Любовь Павловна по этой широкой дорогѣ, и удалась она ей, какъ немногимъ, хотя и не обошлось конечно безъ терновнику.

На утро вѣщаго сна, встала Любовь Павловна рано, убралась и отправилась въ театръ. Спросила у сторожа-старичка при большомъ подъѣздѣ, пріѣхалъ-ли Верстовскій.

— Пріѣхалъ, поди, матушка, я тебя корридоромъ-то провожу.

Довелъ старичокъ Любовь Павловну до лѣстницы, которая вела на сцену.

— Вотъ, говоритъ, на эту лѣсенку-то войди, а тамъ скажутъ.

Молодая дѣвушка ему чуть въ ноги не поклонилась.

Влѣзла она по лѣсенкѣ на сцену, ноги и руки трясутся, спрашиваетъ у другого сторожа, гдѣ пройти къ Верстовскому. Тотъ указалъ еще на другую лѣстницу. Пошла она. На половинѣ лѣстницы встрѣчаетъ она кого-то. Смотрятъ другъ на друга и узнаютъ: Любовь Павловна—Бантышева, онъ—молоденькую дѣвочку, съ которой пѣлъ въ Нижнемъ.

— Ты зачѣмъ и куда? спрашиваетъ Бантышевъ.

— Къ Алексѣю Николаевичу.

— Матушки мои! Вотъ какъ! Да зачѣмъ-же тебѣ его?

— Хочу въ актрисы здѣсь поступить.

— Ахъ ты, пиголица, засмѣялся Бантышевъ. Ну пойдѣмъ, я тебя покажу ему.

Приведя ее къ Верстовскому, Бантышевъ такъ отрекомендовалъ ему Любовь Павловну:

— Вотъ, въ актрисы поступить хочетъ.

Верстовскій засмѣялся, и закидалъ ее разспросами: откуда, что играла....

— А пѣть умѣешь?

— Умѣю.

— Что-же ты поешь?

— „Аскольдову могилу“.

Верстовскій такъ руками и всплеснулъ. Бантышева даже передернуло. Оба опять засмѣялись.

— Однако Верстовскій взялъ ее за руку—рука ея дрожала, какъ въ лихорадкѣ. Онъ приласкалъ ее:

— Полно, душа моя, не бойся, зоть я послушаю, какъ ты поешь, не бойся, смѣлѣе.

Верстовскій сѣлъ за фортепiano, сыгралъ ритурнель къ первой аріи Надежды изъ „Аскольдовой могилы“ и пригласилъ Любовь Павловну спѣть эту арію.

Та спѣла; голосъ ея дрожалъ. Верстовскій заставилъ ее повторить арію. Потомъ, молча, одѣлся и прибавилъ:

— Пойдемъ со мною.

Посадилъ онъ ее въ коляску и привезъ прямо въ театральную школу къ Александру Михайловичу Гедееонову. Любовь Павловна здѣсь тоже должна была спѣть арію Надежды. Гедееоновъ преслушалъ и сказалъ, что приметъ ее въ школу. Любовь Павловна расплакалась. Гедееоновъ взялъ ее за голову и поцѣловалъ.

— Ну вотъ тебѣ подарокъ на именины, сказалъ онъ, узнавъ, что Любви Павловицѣ только что минуло пятнадцать лѣтъ; ты

остаешься здѣсь, но съ условіемъ не лѣзнуть и учиться хорошо.

Любовь Павловна поцѣловала у Гедеонова руку, и тутъ такъ и осталась въ школѣ Императорскихъ московскихъ театровъ казенной воспитанницей.

Съ этаго времени, съ половины 1844 года, начинается, по собственному призванію Любови Павловны, третій и послѣдній періодъ ея жизни.

На 1844 годѣ, на моментѣ поступленія ея въ театральную школу, къ сожалѣнію, обрываются и записки ея. Они имѣли продолженіе, но, писанныя на отдѣльныхъ лоскуткахъ, по свидѣтельству зятя Любови Павловны А. Н. Матвѣева, погибли, пойдя на завертку различныхъ вещей послѣ кончины Любови Павловны, т. е. подверглись той печальной участи, которая такъ часто постигаетъ мемуары русскихъ людей.

Утрата продолженія записокъ Любови Павловны тѣмъ еще печальнѣе, что авторъ ихъ посвятилъ себя служенію сценическому искусству, одному изъ самыхъ неблагодарныхъ въ отношеніи памяти о сценическомъ талантѣ. Писатель, ученый, композиторъ оставляютъ

слѣдъ по себѣ въ произведеніяхъ печати, художникъ—на полотнѣ и въ мраморѣ, золотой—въ памятникѣ архитектуры и т. д. Актеръ, волнующій массу, владѣющій сердцами зрителей-очевидцевъ, пожинающій лавры при жизни лицомъ къ лицу, оставляетъ по себѣ одно имя и лишь смутное представленіе о силѣ своего таланта, представленіе, реально выражающееся лишь весьма недолго послѣдователями его „школы“, вносящими однако въ исполненіе много и своихъ индивидуальныхъ чертъ.... Но, видно, всякому свое: часто бываетъ, что писатель, ученый, художникъ оцѣниваются лишь по смерти; актеръ скоро забывается, за то имѣетъ счастье непосредственно, во-очію видѣть восторженное поклоненіе себѣ....

Лишенные возможности знать внутреннюю жизнь Любви Павловны послѣ 1844 года—а она такъ хорошо умѣла воспроизводить свою душевную жизнь—мы по-неволѣ должны ограничиться тѣми немногими, по-преимуществу внѣшними фактами ея жизни, которые сообщаетъ намъ зять ея А. Н. Матвѣевъ, и которые слагаются изъ двухъ-трехъ грушъ явленій: возрастающій успѣхъ на московской сценѣ, поѣздки въ Нижній, на горячо-люби-

мую родину, семейныя радости и заботы— и только.

По выходѣ изъ театральной школы, говорить А. Н. Матвѣевъ *), Любовь Павловна, въ 1851 году, вышла за-мужъ за артиста Императорскихъ московскихъ театровъ (драматической труппы) Ивана Михайловича Никулина. Отъ этаго брака въ 1852 году родилась у Любови Павловны дочь Вѣра. Выйдя за-мужъ Любовь Павловна жила въ достаточной матеріальной обстановкѣ, такъ какъ мужъ ея, будучи крестникомъ и воспитанникомъ князя Грузинскаго, пользовался отъ него хорошими средствами.

Жили Никулины открыто, въ кружкѣ московскихъ и наѣзжавшихъ въ Москву провинціальныхъ актеровъ. По временамъ Любовь Павловна ѣздила въ Нижній, въ Одессу и въ другіе города. Вездѣ ее принимали съ восторгомъ.

15 декабря 1867 года въ Москвѣ былъ ея прощальный бенефисъ, на который она явилась уже совсѣмъ больная (мужъ ея И. М. Никулинъ померъ еще въ концѣ пятидеся-

*) См. примѣчаніе къ «Запискамъ Л. П. Никулиной-Косицкой» въ апрѣльской книжкѣ «Русской Старины» за 1878 годъ, стр. 624.

тыхъ годовъ). Для бенефиса 15 декабря были поставлены „Обозъ“, „Въ Москвѣ и Нижнемъ“ и „Воробышки“. Не смотря на безцвѣтность пьесъ, болѣзненное состояніе Любови Павловны, и нѣкоторыя закулисныя интриги, бенефисъ былъ блистательный: публика громомъ рукоплесканій сопровождала выходы на сцену своей любимицы. Ей былъ въ этотъ вечеръ поднесенъ подарокъ съ надписью: „Л. П. Никулиной-Косицкой, отъ почитателей ея таланта и любителей драматическаго искусства, въ честь 20-тилѣтняго служенія русскому театру“....

Любовь Павловна не прожила и года послѣ своего лебединого торжества: 5-го сентября 1868 года она скончалась, не достигши и сорока лѣтъ, въ Москвѣ, вдали отъ своей родной Волги, и погребена на ваганьковскомъ кладбищѣ *). Тамъ-же погребена и скончавшаяся въ 1870 году дочь ея Вѣра Ивановна Матвѣева.

Личныя мои воспоминанія о Любови Пав-

*) Профессія актера, какъ извѣстно, на основаніи статистическихъ выводовъ, крайне вредно дѣйствуетъ на продолжительность жизни человѣка, и чѣмъ талантливѣе актеръ, тѣмъ вреднѣе, хотя конечно нѣтъ правилъ безъ исключеній. Знаменитый Гуфеландъ, въ своей «Макро-

ловиѣ крайне скудны. Въ первый разъ я видѣлъ ее, бывши еще мальчиномъ, на нижегородскомъ ярмарочномъ театрѣ въ концѣ сороковыхъ или въ началѣ пятидесятихъ годовъ. Имя актрисы я съ-разу запомнилъ, общій обликъ ея игры тоже, хотя конечно впечатлѣніе осталось во мнѣ очень туманное: я помнилъ дѣвушку крайне симпатичной наружности, съ проникающимъ душою мелодическимъ голосовымъ органомъ, которая казалась мнѣ очень жалка, а по временамъ—то страшна, то смѣшна (Любовь Павловна играла Микаэлу въ „Дочери Карла Смѣлаго“, въ шутовскомъ, какъ сейчасъ помню, шолковомъ нарядѣ)... Именно потому, что съ тѣхъ поръ я навсегда запомнилъ имя Косицкой, запомнилъ общій обликъ ея внѣшности и игры, голоса и даже названіе пьесы, которую съ тѣхъ поръ никогда не видалъ, именно суди по тому, что увидавши Любовь Павловну на сценѣ во второй (и послѣдній) разъ въ моей жизни, въ Нижнемъ, въ 1862 году, я съ-разу

біотикѣ» объясняетъ вредное вліяніе сценической профессіи на долголѣтіе именно тѣмъ, что актеръ, по нѣсколькимъ часамъ въ день, играетъ чужую роль на сценѣ («Макробиотика» Х. В. Гуфеланда, въ переводѣ П. Заблоцкаго. Сиб. 1853, стр. 357).

узналъ ее, какъ старую знакомую, думаю, что ея сценическое достоинство слишкомъ крупно.

Во второй разъ любовался я игрой Любви Павловны, какъ сказано, въ 1862 году, въ Нижнемъ. Въ глубокую осень этого года разнеслась по городу молва, что ѣдетъ къ намъ „наша Косицкая“. Театральная публика заволновалась. Наконецъ ожиданія сбылись: разнесены афиши, возвѣщающія, что 11 ноября появится на нижегородской сценѣ Л. П. Косицкая.

Въ восьмомъ часу вечера обширная площадь передъ театромъ загромодилась экипажами, пѣшеходы толпами подходили къ театральному подъѣзду. Билетовъ конечно не хватило; многіе ушли на первый разъ, какъ говорится, „съ чѣмъ пришли“, многіе такъ и не попали въ театръ въ теченіе трехъ вечеровъ, которыми подарила Любовь Павловна Нижній... Поставлены были для нея „Гроза“, „Не въ свои сани не садись“, „Гамлетъ“, „Материнское благословленіе“, „Простушка и воспитанная“ и „Ворона въ павлиньихъ перьяхъ“.

Легко (и весело, пожалуй, кому это „въ охоту“) вышучивать неумѣлую игру актера.

Трудно, если не невозможно, описать игру актера талантливаго, когда зритель забывается, когда онъ нервно потрясенъ всѣмъ своимъ существомъ, когда онъ живетъ нераздѣльною, полною жизнью того, что представляется ему на сценѣ.... Даромъ всецѣло овладѣвать вниманіемъ зрителя и, такъ-сказать, въ конецъ побѣждать его обладала Любовь Павловна. Не говоря уже объ Офеліи, которой помогаетъ Шекспиръ, даже скучная мелодрама („Материнское благословеніе“) въ игрѣ Любови Павловны приобрѣтала значеніе крупнаго сценическаго произведенія. Нечего и прибавлять, что Катерина („Гроза“) была вся, живьемъ, передъ зрителемъ.... Съ другой стороны задушевная веселость Параша („Ворона въ павлиньихъ перьяхъ“) дополняла представленіе объ обширности и громадномъ разнообразіи таланта Любови Павловны.... Вообще репертуаръ ея былъ крайне широкъ: Регана („Король Лиръ“), Дездемона („Отелло“), Офелія („Гамлетъ“), Юлія („Ромео и Юлія“), Луиза („Коварство и любовь“), Маша („Недоросль“), Параша („Параша-сибирячка“), Груня („Двумужница“), Екатерина („Скопичъ-Шуйскій“), Амалія („Жизнь игрока“) и множество водевилей. И вездѣ она была на

своемъ мѣстѣ, вездѣ и всегда она заставляла публику волноваться или горемъ или радостью. Наконецъ къ полному разцвѣту сценическихъ силъ Любови Павловны появился репертуаръ А. Н. Островскаго; этимъ репертуаромъ она овладѣла, какъ произведеніемъ собственнаго духа.

Нижегородская публика неистовствовала въ теченіе всѣхъ трехъ ноябрьскихъ спектаклей 1862 года. Обыкновенно чинная, она прорвалась какъ бурный потокъ, и въ послѣдній, третій спектакль не кричала, а просто вопила: „Прощай, милая, дорогая! Прощай родная наша!“....*)

Прощай „родная наша“, повторю и я за нижегородской театральной публикой 1862 года....

Жизнь сѣра и не часто балуетъ человѣка тѣмъ непосредственнымъ подъемомъ, которымъ дарятъ насъ такіе таланты, какъ Л. П. Косицкая.... Тѣмъ благодарнѣе должны мы склонять передъ ними наши головы...

*) См. «Ниж. Губ. Вѣдомости» отъ 24 ноября 1862 года, № 47, ст. Л. Сахарова.

IV.

Александръ Васильевичъ Ступинъ.

(1776—1861).

Съ небольшимъ за сто лѣтъ до нашихъ дней родился въ г. Арзамасѣ ребенокъ у родителей, имѣвшихъ основаніе остаться неизвѣстными официально, хотя очень хорошо извѣстныхъ въ городѣ. Это было 13 февраля 1776 года. Ребенка назвали Александромъ и отдали на воспитаніе арзамасскому мѣщанину Василю Ступину, который усыновилъ его и приписалъ къ мѣщанскому обществу г. Арзамаса. Вскорѣ однако, когда еще приемышу не было и 4—5 лѣтъ, мѣщанинъ Василій Ступинъ нанялся въ рекруты и съ тѣхъ поръ о немъ ничего неизвѣстно; за то сдѣлалась извѣстною въ исторіи русскаго искусства и въ исторіи Нижегородскаго Поволжья фамилія его, прославленная его приемышемъ *).

*) Матеріалами для настоящаго біографическаго очерка послужили мнѣ: статья г. П. П. (Н. И. Пискарева?),

Жена мѣщанина Ступина была женщина, понятно, безграмотная, но она любила своего приемыша, и этаго конечно было довольно. Позаботилась она, по своему, и объ образованіи своего названнаго сына: по шестому году отдала она его какой-то старой дѣвѣ на выучку. Когда пройдены были „Азы“ и слѣдовало приступить къ изученію Часослова, дѣва запросила по 3 копейки съ листа. Ступиной это показалось дорого и она отдала мальчика для дальнѣйшаго „образованія“ глухому пономарю, у котораго излюбленнымъ педагогическимъ средствомъ были розги. Ступиной, какъ женщиной съ тонкимъ сердечнымъ чутьемъ, хотя и не грамотной, такая

подъ заглавіемъ «Академикъ Ступинъ и его художественная школа, находящаяся въ Арзамасѣ» составленная очевидно со словъ самого Ступина и помѣщенная еще при жизни А. В. въ «Ниж. Губ. Вѣд.» за 1850 г. (№№ 22—25), и записанные мною въ разное время рассказы арзамасскихъ старожилонъ. Къ сожалѣнію я не имѣлъ возможности воспользоваться собственными записками Ступина, о которыхъ говорится въ объявленіи о подпискѣ на «Русскую Старину» на 1873 годъ, а также обстоятельной статьей г. Батарчукова, напечатанной въ № 17 «Казанскихъ Извѣстій» за 1814 годъ, и другими мелкими статьями, печатавшимися въ повременныхъ изданіяхъ, еще при жизни А. В.

радикальная система не понравилась и мальчик перешел опять на руки прежней „мастерицы“, которая и выучила его читать Псалтырь въ нѣсколько недѣль. Далѣе однако познанія самой учительницы не шли (писать она не умѣла) и маленькій Ступинъ снова попалъ къ тому-же пономарю, который уже сталъ съ нимъ поласковѣе, увидавъ, что изъ-за порока можетъ лишиться „кондицій“. Когда Ступину сравнялось 7 лѣтъ, воспитательница рѣшила, что кругъ ученія его завершёнъ, и какъ женщина, оставленная мужемъ и снискивавшая себѣ пропитаніе трудами (она занималась мелочной торговлей), съ цѣлью приучить и приемыша своего къ трудовой-же жизни, заставляла его списывать каноны, молитвы, читать по вечерамъ церковныя книги, прислуживать при богослуженіи въ приходской церкви, звонить на колокольнѣ, ходить съ духовенствомъ по домамъ съ образами, а дома даже вязать чулки. Публичная дѣятельность Ступина (хождение по домамъ съ образами) приносила ему даже доходъ въ видѣ нѣсколькихъ мѣдныхъ гривенъ, которыя онъ бережно откладывалъ, и когда скопилъ первый „капиталь“, купилъ на него не лакомствъ, а книгу воронежскаго

епископа Тихона „О должностяхъ христіанина“; кромѣ книгъ Ступинъ расходоваль сбереженія свои (за каждый звонъ на колокольнѣ онъ получалъ по копейкѣ) только на необходимые предметы, какъ напр. на покупку кушачка, шляпки т. п., чтобы не быть у воспитательницы своей дармоѣдомъ. Такимъ образомъ личный характеръ, да простыя, несложныя истины воспитателей добраго стараго времени, внушенныя мальчику его воспитательницей и сторонними педагогами—старой дѣвой и даже можетъ быть пономаремъ—сдѣлали свое дѣло: мальчикъ развивался понемногу и пріобрѣталъ понемногу—уже гарантіи не быть „пропащимъ человѣкомъ“. Разъ однако и съ нимъ случилось происшествіе, доказывающее, что борьба злого и добраго началъ не оставляетъ и самыхъ благонравныхъ ребятъ. Задумала компанія мальчиковъ дѣлать фейерверки, понадобилась бумага и швейныя иглы; и то и другое было у Ступиной, которая однако не позволила-бы брать иглы для шиванія узоровъ изъ бумаги, и бумагу для сожженія. Какъ быть? Научили друзья-пріятели Ступина (ему было тогда лѣтъ 8) скрасть бумагу и иглы у его названной матери. Онъ послушался,

но былъ. Иманъ, избоченъ и въ видѣ возмездія привязанъ къ столбу съ цѣлью быть избитымъ. Вить онъ не былъ, но у столба страху и позору потерпѣлся вдоволь, такъ что больше никогда ничего тайкомъ ни у кого не бралъ.

Когда мальчику сравнялось 10 лѣтъ, Ступина хотѣла его посвятить въ сидѣльцы въ лавку, но торговля была не по немъ: просидѣвъ цѣлый годъ въ лавкѣ, онъ занимался своимъ сидѣльческимъ дѣломъ плохо и только и зналъ, что читалъ подъ руку попадавшіяся книги, да чертилъ человѣческія головки, рисовалъ какую нибудь собачку съ натуры, остановившуюся посреди улицы корову, жующую жвачку и т. п.

Наконецъ 28 сентября 1787 года удалось Ступину поступить къ сосѣду-живописцу, на три года, за пять рублей въ годъ, на своихъ харчахъ.

Тогда-же, въ 1787 году, открыто было въ Арзамасѣ малое народное училище (одновременно съ открытіемъ въ Нижнемъ главнаго народнаго училища). Мальчика сильно тянуло поступить въ арзамасское училище, но Ступина этому окончательно воспротивилась:

— Еще маляромъ-то будешь, заработаешь

копейку на черный день, говорила она, а ужъ въ наукахъ-то никакого проку нѣтъ.

Ступинъ однако находилъ возможность и время посѣщать классы народнаго училища тайкомъ отъ своей воспитательницы.

На другой годъ обученія своего живописи, въ 1788 году, Ступинъ былъ взятъ своимъ хозяиномъ въ село Воронцово, арзамасскаго уѣзда, верстахъ въ 30 отъ Арзамаса, расписывать иконостасъ воронцовской церкви. Здѣсь онъ скоро сдружился съ однолѣткомъ своимъ, 12-лѣтнимъ сыномъ воронцовскаго помѣщика г. Полченинова, читалъ ему книги, удилъ въ рѣчкѣ Кевеѣ рыбу, вообще, какъ говорится, хороводился съ нимъ. Не смѣя идти противъ желаній барченка, хозяинъ-живописецъ не запрещалъ и Ступину баловаться съ нимъ. Такъ весело для Ступина прошло все лѣто.

Въ 1790 году хозяинъ-живописецъ отправился писать иконостасъ въ г. Темниковъ и снова взялъ съ собою Ступина. Дорога была, по тогдашнему времени, не близкая; воспитательница дала молоденькому живописцу цѣлую гривну мѣдную, потомъ, съ „оказіей“ прислала и другую. Но плохо все таки жилось Ступину въ Темниковѣ—не то, что въ

Воронцовъ; хозяинъ-живописецъ былъ горькимъ запивохой, такъ что ученикъ часто сиживалъ безъ хлѣба и когда бывало ужъ очень наголодается, ходилъ, подъ видомъ богомолья, на трапезу въ санакарскій монастырь *). Ожидая дней еще горшихъ, Ступинъ не проѣдалъ однако полученныя изъ дому гривны, а приложилъ къ нимъ еще пять гривенъ, заработанныхъ имъ въ Темниковѣ. На бѣду мальчика маэстро его какъ-то случайно нашолъ всѣ эти капиталы и безжалостно превратилъ ихъ въ зелено-вино. Маэстро однако не лишень былъ и нѣкоторыхъ, свойственныхъ людямъ его профессіи благородныхъ порывовъ: въ одну изъ такихъ минутъ онъ возвратилъ своему ученику всѣ его 7 гривенъ. Ступинъ же сдѣлался послѣ того еще осторожнѣе и случайно получаемый заработокъ, конечно копеечный (добрые люди „на чай“ давали) „помѣщаль“, какъ теперь осторожные люди помѣщаютъ въ разныхъ банкахъ—въ разныхъ мѣстахъ: гривну подъ застреху, другую подъ

*) Санакарскій монастырь или пустынь санакарская (иначе: сѣнакарская) богородицкая мужская—въ 3¹/₂ верстахъ отъ Темникова, при р. Мокшѣ, основана въ 1659 году («Географическо-статистическій словарь» П. Семенова, т. IV, стр. 423. Спб. 1868).

крыльцо, третью въ полѣнницу и т. д. Передъ отходомъ ко сну онъ свидѣтельствовалъ свою кассу ревнивѣе, чѣмъ всевозможныя теперешнія ревизіонныя комиссіи свидѣлствуютъ порученныя имъ банковыя кассы, и найдя всѣ свои капиталы на мѣстахъ, засыпалъ уже спокойно.

Академическіе успѣхи Ступина однако подвигались впередъ крайне туго, потому-ли что мальчикъ еще самъ недостаточно развился, потому-ли что въ студіи его слишкомъ часто, въ присутствіе маэстро, запахъ сивушнаго масла поглощалъ запахъ красокъ. Добрые люди совѣтовали молодому художнику бросить свое искусство и приняться за болѣе хлѣбное занятіе—снова сдѣлаться сидѣльцемъ въ мелочной лавочкѣ или-же поступить въ приказные. И первое, и второе однако претили Ступину. Онъ отошолъ отъ своего учителя и сталъ писать образа, подновлять старыя, дома. Заработокъ былъ скуденъ, а тутъ еще новыя расходы явились: общество обложило Ступина податью. Снова поступилъ Ступинъ въ ученики, но уже къ другому живописцу; этотъ былъ ему даже противнѣе перваго, какъ по характеру своему, такъ и по манерѣ писать, такъ что Ступинъ черезъ

силу ходилъ къ нему и всегда, по дорогѣ, горячо молился у спасскаго монастыря о томъ, чтобы избавиться скорѣе отъ второго своего учителя. Дѣйствительно онъ пробылъ у него недолго, и поучившись еще у одного дьячка, долженъ былъ поступить въ десятскіе. Арзамасскіе мѣщане отправляли въ то время свои общественныя обязанности натурой и наймомъ; послѣдняя форма общественной службы практиковалась, понятно, лишь тѣми, кто имѣлъ хоть малѣйшую возможность израсходоваться на это. Ступинъ, какъ мы уже знаемъ, не принадлежалъ къ числу общественниковъ второй категоріи, и потому долженъ былъ отправлять службу лично. За расторопность свою онъ попалъ въ услуженіе десятскимъ въ домъ самого городничаго. Городничій былъ семейный. Дѣти его подружились съ молоденькимъ десятскимъ, а тотъ сталъ рисовать съ нихъ портреты. Городничій узналъ о десятскомъ-художникѣ, позвалъ его къ себѣ, рассмотрѣлъ портреты и сказалъ:

— Лучше-бы тебѣ, братецъ, приняться за карандашъ, чѣмъ стоять съ дубиной на часахъ.

Это конечно хорошо сознавалъ и самъ Ступинъ, и только неволя заставляла его замѣнять карандашъ дубинкой.

Городничій не былъ Меценатомъ, но за то былъ на столько человѣченъ, что уволилъ Ступина отъ дежурства у себя. Ступинъ принялся за прежнее: нанялся въ работники золотить на „гультфарбу“ иконостасъ одной изъ арзамасскихъ церквей, по 4 р. въ мѣсяцъ на своемъ содержаніи *).

Стоя однажды на работѣ у иконостаса, Ступинъ услыхалъ отъ товарищей своихъ о предстоявшемъ вскорѣ рекрутскомъ наборѣ. Хотя ему было тогда всего лѣтъ 16, но онъ не безъ основанія, такъ какъ тогда мало разбирали права и возрастъ, испугался грозящей ему опасности, и бѣжалъ въ сосѣднее съ Арзамасомъ село Выѣздную Слободу (въ просторѣчій: „Вызново“), гдѣ обыкновенно арзамасскіе мѣщане укрывались отъ рекрутчины, и нанялся у выѣздовскаго дьякона писать образа за рубль въ недѣлю.

По минованіи опасности—въ рекруты Ступинъ не призывался—онъ былъ приглашенъ

*) Арзамасъ, лучшей и населеннѣйшей изъ уѣздныхъ городовъ нижегородской губерніи, издавна славится обиліемъ своихъ церквей; этимъ объясняется и разившійся въ городѣ промыселъ иконописцевъ. Въ Арзамасѣ относительное число церквей гораздо больше, чѣмъ въ Нижнемѣ, такъ какъ въ первомъ одна церковь приходится на 477 человѣкъ жителей, а во второмъ--на 1164 чел.

однимъ изъ арзамасскихъ дьяконовъ, считавшимся въ Арзамасѣ за лучшаго мастера, работать у него по 5 р. въ недѣлю. Ступинъ сдѣлался вскорѣ такимъ хорошимъ помощникомъ дьякона, что тотъ ему положилъ постоянное годовое жалованье, которое постепенно увеличивалъ съ 48 до 80 р. въ годъ. Устраивалась даже женитьба Ступина на дочери дьякона, къ которой Ступинъ чувствовалъ искреннее влеченіе; но дѣло расклеилось, потому что дѣвушка отличалась чисто-аскетическимъ направлениемъ и даже дала обѣтъ постричься въ инокини. Тогда воспитательница Ступина стала, въ свою очередь, неотступно требовать, чтобы молодой Ступинъ вступилъ въ „законный бракъ“ (ему было около 19 лѣтъ); онъ сначала отпѣкивался, потомъ сталъ и самъ не прочь отъ женитьбы, но всюду терпѣлъ неудачи въ своихъ предложеніяхъ; свахи приносили ему одинъ стереотипный отвѣтъ изъ невѣстиныхъ домовъ: Женихъ хоть и молодъ, и красивъ, и непьяница, да ремесло его пустячное.

Наконецъ Ступинъ женился на мѣщанской дѣвицѣ Екатеринѣ Михайловнѣ Селивановой, съ приданымъ въ 200 р. Недостатки скоро дали себя почувствовать. И вотъ путемъ нѣ-

которыхъ связей по рожденію своему, Ступинъ попалъ, оставивъ жену въ Арзамасѣ, въ Нижній, гдѣ поступилъ, пользуясь протекціей г-жи Бѣлавиной, жены нижегородскаго губернатора *), на службу въ губернское правленіе, подканцеляристомъ. На этомъ несочувственномъ Ступину, какъ выше замѣчено было, поприщѣ, пробылъ онъ слишкомъ годъ, который не прошолъ однако даромъ для него: въ мудростяхъ приказной жизни Ступинъ не преуспѣлъ, за то приобрѣлъ здѣсь, въ Нижнемъ, такія знанія, какихъ не удалось-бы ему получить въ Арзамасѣ. Онъ перезнакомился въ Нижнемъ съ семинаристами, учился по ихъ тетрадамъ риторикѣ, философіи, богословію, бывалъ на семинарскихъ диспутахъ, и такъ приобщился духомъ къ нижегородской учебной жизни, что не забывалъ и въ послѣдствіе, чѣмъ ей обязанъ. Губернское правленіе тѣмъ временемъ такъ опротивѣло Ступину, что онъ бросилъ его и кинулся въ свой родной Арзамасъ, чтобы тамъ снова заняться своимъ излюбленнымъ дѣломъ.

*) Иванъ Савиновичъ Бѣлавинъ, генераль-поручикъ, былъ нижегородскимъ губернаторомъ въ 1784—1796 годахъ.

Съ этаго времени судьба стала поблагосклоннѣе смотрѣть на пасынка своего. По возвращеніи въ Арзамасъ Ступину посчастливилось взять самому первый подрядъ: написать для арзамасской всесвятской (напольной) церкви 24 иконы, за 60 рублей. Работа закипѣла; посыпались другіе заказы и въ 1797 году мы видимъ Ступина уже съ собственными учениками и притомъ въ собственномъ домѣ, купленномъ за 480 рублей. Къ концу того-же года онъ уже снялъ подрядъ на 500 р., въ селѣ Кеньшѣ (пензенскаго уѣзда), въ церковь котораго обязался написать 31 образъ. Работу эту онъ окончилъ съ небольшимъ въ теченіе одного года.

Вернувшись изъ Кеньши въ Арзамасъ съ маленькимъ капиталцемъ, Ступинъ, по совѣту дяди своей жены мѣщанина Турина, знавшаго хорошо Петербургъ, рѣшился попытать счастья и торкнуться въ двери академіи художествъ. Оставивъ въ Арзамасѣ семью, состоявшую въ то время изъ жены и двоихъ дѣтей, вмѣстѣ съ 5 учениками, которые продолжали работать въ его арзамасской мастерской, Ступинъ явился въ 1800 году въ Петербургъ, нашолъ въ академіи людей, оцѣнившихъ его (смотритель клас-

совъ Финяевъ и профессоръ Егоровъ) и послѣ экзамена, въ мартѣ 1800 года, принять былъ въ академію. Этотъ актъ въ жизни и дѣятельности Ступина конечно является самымъ важнымъ, положившимъ прочное основаніе всей послѣдующей его судьбѣ, сдѣлавшимъ имя его извѣстнымъ; иначе безъ этого акта Ступинъ остался-бы болѣе или менѣе зауряднымъ, болѣе или менѣе талантливымъ арзамасскимъ иконописцемъ, котораго исторія-бы не знала, про котораго, быть можетъ, говорили-бы, не называя по имени, „какой-то живописецъ, считавшійся въ Арзамасѣ лучшимъ“, какъ теперь говорятъ про тѣхъ мастеровъ и дяконовъ, у которыхъ учился первоначально Ступинъ, имена которыхъ не дошли до насъ.

Въ академіи Ступинъ дѣлалъ быстрые успѣхи, послѣдовательно переходя отъ рисованія съ гипсовыхъ головъ къ рисованію съ античныхъ статуй и наконецъ съ натуры. За натуру онъ получилъ серебряную медаль. Повезло Ступину и со стороны вниманія къ нему академическихъ властей: его очень любилъ тогдашній ректоръ академіи Иванъ Якимовичъ Якимовъ, который не только помѣстилъ его жить къ себѣ, но даже пору-

чилъ ему веденіе своего домашняго хозяйства, и кромѣ того бралъ его съ собою, для приготовленія красокъ, во дворецъ, гдѣ Якимовъ преподавалъ живопись Императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ; послѣднія обязанности исполнялъ Ступинъ въ теченіе всего академическаго курса, т. е. два года, вплоть до отъѣзда своего изъ Петербурга и получилъ за это изъ дворцовой конторы 200 р. на проѣздъ въ Арзамасъ. Изъ эпохи посѣщенія Ступинымъ дворца ходитъ до сихъ поръ въ Арзамасѣ не лишенный анекдотическаго значенія рассказъ: однажды Якимовъ сильно подгулялъ, совсѣмъ забывъ, что ему нужно идти во дворецъ, и улегся спать. Ступинъ, видя, что дѣло плохо, что если и поставить профессора на ноги, толку выдетъ мало, рѣшился вполне его замѣнить и отправился на царскій урокъ самъ. Когда Якимовъ проспался, вспомнилъ онъ про свою оплошность и сталъ горевать передъ ученикомъ своимъ. Тотъ рассказалъ, какъ выручилъ профессора, объяснивъ его отсутствіе нездоровьемъ, а Якимовъ, узнавъ на слѣдующемъ урокѣ отъ Императрицы, что она осталась довольна Ступинымъ, не разъ и послѣ того замѣнялъ себя Ступинымъ.

На художественное развитіе Ступина въ академіи всего болѣе вліялъ, кромѣ Якимова, который читалъ теоретическій курсъ, профессоръ Егоровъ—со стороны техники, такъ что безъ содѣйствія этихъ двоихъ учителей своихъ Ступинъ никогда не достигъ-бы тѣхъ успѣховъ въ письмѣ, какими отличался. Обратилъ на него свое вниманіе и тогдашній президентъ академіи графъ Строгоновъ, при помощи котораго Ступину удалось подать Императору Александру Павловичу просьбу съ доказательствомъ, что онъ не принадлежитъ, по рожденію, къ мѣщанскому обществу. Государь, разсмотрѣвъ прошеніе Ступина, и найдя, что „по засвидѣтельствованію ректора и членовъ академіи, онъ (Ступинъ) началъ добровольно обучаться живописному искусству, въ теченіе короткаго времени оказалъ похвальные успѣхи въ этомъ художествѣ, получилъ на экзаменѣ серебряную медаль въ знакъ отличія, и сопровождая труды свои въ ученіи честнымъ поведеніемъ, подаетъ несомнѣнную надежду къ вѣщимъ успѣхамъ, Высочайше повелѣтъ соизволилъ правительствующему сенату: изъ податнаго оклада его (Ступина) и семейство его исключить и давъ ему такимъ образомъ полную

возможность обучаться свободнымъ художествамъ, по мѣрѣ оказываемыхъ успѣховъ, предоставить право на преимущества, приобретаемыя обучающимися въ академіи художествъ“.

Успѣшно кончивъ курсъ въ академіи, т. е. получивъ „аттестатъ 1-ой степени и со шпагой“, Ступинъ не увлекся примѣромъ большинства мало-мальски почувствовавшихъ въ себѣ силы провинціаловъ, не бросилъ провинцію, не сбѣжалъ въ Петербургъ, а вернулся домой, отдавать себя служенію интересамъ той самой родины, которая его, такъ ли, сякъ-ли, вспоила-вскормила. Еще бывши въ академіи Ступинъ задумалъ основать правильную школу живописи въ Арзамасѣ, такую школу, которая не походила-бы на ремесленное рисовальное заведеніе, съ хозяиномъ и рабочими, а имѣла-бы всѣ признаки художественной школы, съ учителемъ и учениками,— чѣмъ дѣйствительно такъ-называемая „ступинская школа“ въ Арзамасѣ въ послѣдствіе и была. Остановившись на этой мысли, Ступинъ, передъ отъѣздомъ изъ Петербурга, запасся и пособиями для своей будущей школы — необходимымъ подборомъ книгъ, эстамповъ, бюстовъ и даже статуй

(Гладиатора, Фавна, Венеры Медичисской). По приѣздѣ въ Арзамась онъ немедленно принялся за осуществленіе своей мысли, и такъ успѣшно повелъ дѣло, не только съ научной, но и съ практической стороны, что вскорѣ купилъ себѣ у г-жи Юрловой большой домъ, заплативъ за него 2800 р., который и занялъ школой. Общеобразовательные предметы (географію, исторію, законъ Божій, русскій языкъ) преподавали въ ступинской школѣ учителя арзамасскаго уѣзднаго училища; художественную часть преподаванія велъ всецѣло Ступинъ, и вложилъ въ дѣло всю свою душу. Это было въ 1802 году. Ступинская школа годъ отъ году развивалась и пріобрѣла, въ относительно короткій срокъ, широкую извѣстность. И замѣчательно, что преслѣдуя двѣ цѣли (чисто-художественную и промышленную—въ исполненіи заказовъ по письму иконостасовъ, напр.), школа успѣвала въ достиженіи обѣихъ. Лѣтъ 8 спустя по основаніи школы, она обратила на себя вниманіе академіи художествъ. Повевши 11-лѣтняго сына своего Рафаила въ академію, Ступинъ представилъ на судъ ея 4 картины своихъ учениковъ, писанныя съ эстамповъ, 30 рисунковъ съ оригиналовъ и

гипса и 3 портрета своего письма. При этомъ онъ изъявилъ желаніе отдать свою школу подъ покровительство академіи. Тогдашнее академическое начальство, до котораго и раньше дошли слухи о школѣ, разсмотрѣвъ представленныя Ступинымъ работы, охотно приняло предложеніе Ступина и поручило ему ежегодно представлять академіи рапорты о состояніи школы, рисунки учениковъ съ оригиналовъ, гипсовыхъ статуй и съ натуры. Въ довершеніе всего академія отличила Ступина безпримѣрной до того времени наградой: не въ очередь Ступинъ получилъ званіе академика; кромѣ того сынъ его Рафаиль былъ принятъ, безъ жребія, въ число казенныхъ воспитанниковъ академіи, лучшему изъ учениковъ ступинской школы Лебедеву выдана серебряная медаль (въ послѣдствіе этотъ ученикъ—Иванъ Алексѣевичъ Лебедевъ—былъ учителемъ рисованія въ арзамасскомъ уѣздномъ училищѣ), двое изъ крѣпостныхъ учениковъ признаны достойными медалей, а привезенный Ступинымъ въ Петербургъ арзамасскій рѣзчикъ Коринфскій принятъ своекоштнымъ въ архитектурный классъ академіи. Коринфскій (Михайлъ Петровичъ) былъ, по окончаніи курса въ академіи, архитекто-

ромъ въ Казани и преподавалъ архитектуру въ казанскомъ университетѣ болѣе 20 лѣтъ (съ 1823 по начало 50-ыхъ годовъ).

Съ тѣхъ поръ академія художествъ постоянно отличала дѣятельность арзамасской художественной школы, которая, въ періодъ ея долгаго существованія, получила отъ академіи около полусотни благодарностей и массу серебряныхъ медалей для раздачи лучшимъ ученикамъ.

Въ 1825 году Ступинъ снова появляется въ Петербургѣ, и конечно не съ пустыми руками: онъ привезъ въ академію 4 историческія картины съ эстамповъ, портретъ и 31 рисунокъ. Академія, по обыкновенію, выдала при этомъ нѣсколько медалей и кромѣ того представила о заслугахъ Ступина на Высочайшее возрѣніе. Въ этотъ пріѣздъ Ступинъ хотѣлъ купить въ Петербургѣ для своей школы нѣсколько слѣпковъ съ древнихъ статуй; но академія подарила ихъ ему (слѣпки съ статуй Мелеагра и Аполлона Бельведерскаго).

Не оставило Ступина безъ вниманія и учредившееся въ Петербургѣ общество поощренія художниковъ, которое почтило нашего академика самымъ лестнымъ для него

письменнымъ отзывомъ, и подарило его школъ цѣлое собраніе литографій, состоящее изъ образцовъ для начинающихъ, изъ рисованныхъ въ Эрмитажѣ этюдовъ съ картинъ Рафаэля и другихъ классическихъ художниковъ, и наконецъ выдало 2000 р. за выкупъ изъ крѣпостной зависимости одного ученика ступинской школы, обнаружившаго сильное дарованіе.

Поощряли ступинскую школу и частныя лица: такъ, напр., графъ Кутайсовъ подарилъ школъ слѣпокъ съ принадлежавшей ему мраморной статуи Аполлона, а англійскій художникъ Жераръ Доу, увидавъ въ академіи одну изъ работъ ступинскаго ученика Мальгина, выпросилъ ее себѣ, и взамѣнъ, прислалъ школъ 12 превосходныхъ англійскихъ гравюръ съ картинъ своей работы.

Въ 1826 году посѣтилъ Арзамасъ нижегородскій генераль-губернаторъ Бахметевъ *); понятно, что онъ осмотрѣлъ и ступинскую школу, которую не зналъ, какъ и расхвалить; увидавъ, между прочимъ, писанный съ натуры масляными красками видъ Арзамаса,

*) Генераль-отъ-инфантеріи Николай Алексѣевичъ Бахметевъ былъ нижегородскимъ генераль-губернаторомъ въ 1826—1829 годахъ.

онъ предложилъ Ступину написать другой его экземпляръ, который и представилъ, при самомъ лестномъ отзывѣ о ступинской школѣ, Императору Николаю Павловичу. Императоръ, принявъ картину, удостоилъ Ступина подаркомъ — перстнемъ съ сапфиромъ, стоившимъ 1000 рублей.

Въ 1837 году прибылъ въ Нижній Новгородъ бывший тогда наслѣдникомъ престола покойный Императоръ Александръ Николаевичъ. На устроенной въ Нижнемъ для Высочайшаго приѣзда выставкѣ были и работы ступинской школы. Ступинъ былъ тутъ-же, и удостоился лично бесѣдовать съ Его Высочествомъ, который приобрѣлъ за 500 р. бывшіе на выставкѣ 2 вида Нижняго, писанные съ натуры Николаемъ Михайловичемъ Алексѣевымъ, ученикомъ, сотрудникомъ и зятемъ Ступина.

Въ 1840 году Ступинъ представилъ академіи 5 картинъ Н. М. Алексѣева, 5 портретовъ и 23 ученическихъ рисунка съ натуры и гипса. Академія, по обыкновенію, прислала школѣ свою благодарность, а Алексѣева, за работу его — программу портрета Ступина, окруженнаго четырьмя учениками, произвела въ академики; двоимъ ученикамъ выдала се-

ребряныя медали съ правомъ на званіе свободныхъ неклассныхъ художниковъ; двоимъ ученикамъ крѣпостного званія объявлена была академіей „особенная похвала“.

Глухой осенью 1842 года, 5 ноября, Ступина постигло одно изъ величайшихъ несчастій для всякаго преданнаго своему дѣлу работника, годами сконляющаго какія-бы то ни было коллекціи, непосредственно связанная со всѣмъ умственнымъ строемъ ихъ обладателя: въ домѣ Ступина возникъ пожаръ, до тла истребившій главный корпусъ школы, состоявшій изъ 16 комнатъ. Картины сгорѣли, были изорваны, измяты, похищены, бюсты и статуи переломаны, все имущество школы истреблено почти цѣликомъ. Человѣкъ съ болѣе слабыми нервами могъ-бы совершенно потеряться отъ такой бѣды; Ступинъ съ своей крѣпкой натурой ее выдержалъ и за то вскорѣ увидаль свою школу совершенно обновленной: обязанный доносить академіи о всѣхъ важнѣйшихъ актахъ въ жизни своей школы, Ступинъ сообщилъ академіи, 27 того-же ноября, о пожарѣ 5-го числа. Академія немедленно довела о томъ до Высочайшаго свѣдѣнія, испрашивая Ступину пособіе въ размѣрѣ 3000 р. Императоръ-же

повелѣлъ: „за 40-лѣтнее образованіе юношества и приносимую симъ заведеніемъ пользу сдѣлать академику всевозможное вспоможеніе и по крайней мѣрѣ выдать ему 5000 рублей“. Эта неожиданная милость монарха и дала возможность Ступину немедленно привести школу въ то состояніе, какое требовалось для продолженія ея дѣятельности и вліянія. Академія художествъ и отъ себя помогла школѣ: вмѣсто утраченныхъ на пожарѣ античныхъ статуй и бюстовъ, академія прислала ступинской школѣ 5 превосходныхъ гипсовыхъ статуй: Лаокоона, Гладіатора, Мелеагра, Анатолю, Венеру, и 5 такихъ-же бюстовъ: Аполлона, Юпитера, Ариадны, Ніобы и Александра Македонскаго.

Въ 1846 году академіей присланы были, за ученическія работы ступинской школы, снова всевозможныя благодарности, а двоимъ изъ учениковъ—Свѣшникову и Рачкову (послѣдній былъ потомъ учителемъ рисованія въ нижегородскомъ александровскомъ дворянскомъ институтѣ)—серебряныя медали 2 достоинства и аттестаты на званіе безклассныхъ художниковъ. Кромѣ того академія извѣстила Ступина, что „разсуждая о принесенной имъ (Ступинымъ) необыкновенной

пользѣ художеству и о томъ, что (Ступинъ) достоинъ особеннаго награжденія и что на-
задъ тому 34 года былъ уже представляемъ
къ наградѣ орденомъ св. Владиміра 4 сте-
пени, но какъ не состоящій въ службѣ и
имѣющій лишь ожидать возмездія отъ Вы-
сочайшей власти, по ея благоусмотрѣнію,
опредѣлила представить Государю Импера-
тору о заслугахъ его на пользу художествъ
въ Россіи и о награжденіи его орденомъ св.
Владиміра 4-й степени“. Дѣйствительно, 21
декабря 1846 года Ступинъ получилъ орден-
скіе знаки св. Владиміра (орденъ св. Анны
3-ей степени Ступинъ, по ходатайству ака-
деміи-же, имѣлъ уже съ 3 февраля 1834 го-
да), что было крайне знаменательной награ-
дой, въ особенности въ тѣ времена, въ эпоху
царствованія Императора Николая Павлови-
ча, когда, какъ извѣстно, получить орденъ
вообще было крайне трудно.

Характеризуя современное ему (1850) со-
стояніе арзамасской художественной школы
біографъ Александра Васильевича Ступина
г. П. П., говоритъ: „Домъ школы расположенъ
теперь (1850) на трехъ улицахъ и занимаетъ
подъ собой земли съ фасадомъ и огородомъ
по прогонной улицѣ 47, по троицкой—45,

по стрѣлцкой — 10 сажень, на двухъ углахъ 9 саж. въ длину и 6 въ ширину. Въ домѣ, мезонинѣ и антресоляхъ находятся 17 весьма хорошихъ комнатъ, изъ коихъ четыре занимаются спальнями учениковъ, три библиотекою и краскотернею, а одна опредѣлена для ученья. Рядомъ съ домомъ расположены двѣ отдѣльныя большія галлерей, гдѣ помѣщаются оригинальныя историческія картины, портреты, антики, копіи ученическія, копіи, купленныя въ академіи художествъ и копированныя самимъ академикомъ съ картинъ и эстамповъ, всего болѣе нежели на 30.000 рублей. Къ числу предметовъ, заслуживающихъ особенное вниманіе въ галлерейхъ должно отнести 17 античныхъ статуй и бюстовъ: Лаокоона (отца), Гладіатора Боргезскаго, Мелеагра или (?) Германика, Гудонову Анатолю, Венеру Медицейскую, Аполлона (съ драпировкой), Юпитера (большого), Ариадну, Ніобу, Александра Великаго, Гомера, Каракаллу, Генія, Бахуса (молодого), Люцифера, Апостола Петра и 53 оригинальныя картины русскихъ и иностранныхъ художниковъ. Изъ нихъ въ особенности изящны четыре картины италіанской кисти: Цилидонія съ отцемъ въ темницѣ, Вирсавія жена Ури въ

саду, Мученіе св. Севастіана (художника Жіордана), Семирамида съ отрубленной головой ея мужа (художника Лазарини), 10 картинъ французской школы: Кухня съ разной дичью, Два голубка, Ветхозавѣтный праведникъ Лотъ съ дочерьми, Изображеніе художествъ въ видѣ женщины, Астрономія съ принадлежностями, Діана съ любовникомъ на охотѣ, Дѣти, учащіяся живописи (художника Вавло), Несеніе креста, грудное (художника Тиціана), Рождество Спасителя (художника Сублера), Поклоненіе волхвовъ Спасителю (его-же); четыре картины въ древнемъ греческомъ вкусѣ: Распятіе Господа, Битва центавровъ, Иродіада съ головой Предтечи на блюдѣ, Мученіе Апостола Варфоломея; четырнадцать картинъ русскихъ художниковъ, *Егорова*: портретъ его самого, писанный въ зеркало, академика Ступина съ натуры, портретъ Корсакова съ натуры, Предтеча Господень, Давидъ съ Самсономъ, Дѣти Іакова, принесшія ему окровавленную одежду Іосифа; *Шебуева*: Голова съ рукой Василя Великаго; *Варника*: Іоаннъ Предтеча поясной, три портрета съ натуры академика Ступина, Лабзина и жены его; *Акимова*: Крещеніе св. Ольги; *К. Брюлова*: портретъ старика съ

книгой и другой—графа В., оба съ натуры; *Алекстѣва* — семейство академика Ступина за вечернимъ чаемъ, и многихъ другихъ художниковъ, какъ-то: Бѣльскаго, Тихонова, Горбунова, Раева, Левицкаго и проч.—Для прогулки учениковъ при школѣ имѣется квадратный садъ съ бесѣдкой и особый для зелени огородъ, занимающій земли подь собой 20 сажень.—Со времени основанія школы, съ 1802 по 1850 годъ, вышло изъ нея 138 учениковъ. Изъ нихъ 22 служатъ рисовальными учителями въ уѣздныхъ училищахъ, 7 рисовальными учителями въ гимназіяхъ, кадетскихъ корпусахъ и дворянскихъ институтахъ, 4 получили отъ академіи аттестаты 1-й степени со шпагами, 4—аттестаты на безклассныхъ художниковъ, 8 награждены медалями 1-го и 2-го достоинства, 2 удостоены званія академиковъ, 2 основали школы рисованія и живописи въ городахъ Саранскѣ (Макаровъ) и Козловѣ (Надежинъ, изъ крѣпостныхъ). Теперь (1850) въ школѣ находится 14 учениковъ, руководимыхъ 75-ти лѣтнимъ старцемъ академикомъ, который все еще ревностно стремится къ тому пути, который открыла ему любовь къ художеству. Онъ предположилъ себѣ трудиться до исто-

щенія послѣднихъ силъ своихъ для славы и чести своей школы и покровительствующей ему академіи художествъ“ *).

„По 1850 годъ, продолжаетъ г. П. П., написано учениками школы въ церквяхъ въ симбирской и оренбургской губерніяхъ иконостасовъ 47, образовъ 887; въ саратовской, пензенской и тамбовской губерніяхъ иконостасовъ 44, образовъ 737; въ нижегородской и казанской иконостасовъ 24, образовъ 432, въ Арзамасѣ 21 иконостасъ, образовъ 392, всего написано учениками школы: иконостасовъ 136, образовъ 2448, а церковей расписано всего 10 **). Значительныя работы были произведены въ соборы: оренбургскій, уральскій, пензенскій, кизлярскій, *нижегородскій*

*) «Ниж. Губ. Вѣдомости» 1850, № 25, стр. 98 и 99.

***) Такимъ образомъ на родную нижегородскую губернію, и то вмѣстѣ съ казанской, падаетъ изъ числа всѣхъ произведенныхъ для церквей учениками ступинской школы работъ всего только около 33⁰/о... Помня евангельское изрѣченіе («Ни который пророкъ приятель есть во отечествіи своемъ») нужно сознаться, что этихъ 33⁰/о, хотя-бы даже съ казанскимъ подкрѣпленіемъ, еще слишкомъ много—по обыкновенію, на основаніи котораго не было-бы удивительно, если-бы изъ работъ ступинской школы на нижегородскую губернію падало и всего 3⁰/о, а на Кизляръ съ Томскомъ 97⁰/о.

ярмарочный *), цивильскій, томскій и арзамасскій, въ пустыни саровскую и вышенскую, въ монастыри нижнеломовскій и казанскій женскій. Сверхъ того сдѣлано въ розницу въ церкви и частные дома 508 образовъ; картинъ свѣтскихъ, историческихъ, портретовъ съ натуры, копій съ оригиналовъ и проч., болѣе 600. Самъ А. В. Ступинъ, съ основанія школы, произвелъ не болѣе 25 разныхъ картинъ, но сочинялъ и красками поправлялъ всѣ ученическія картины самъ, и это было причиною, что онъ имѣлъ такъ мало времени рисовать самъ. Все время жизни его принадлежало пользѣ учениковъ его. Всѣхъ работъ исполнено въ школѣ академика на сумму около 230.000 рублей.— Ученики малолѣтныя принимаются въ школу А. В. Ступина на 6 лѣтъ и за содержаніе пищею и ученіе въ рисованіи и живописи платять въ годъ 200 р. асс.; взрослые платять 300 р. и принимаются на четыре года,

*) Нижегородскій ярмарочный (старый) соборъ, построенный по проэку Монферрана, строителя исаакіевского собора, въ настоящее время обветшалъ на столько, что въ 1886 году потребовалъ капитальнаго ремонта. Слѣдуетъ пожелать, чтобы не исчезли труды Ступина въ соборѣ.

а обучавшіеся живописи и оказавшіе хорошіе успѣхи въ живописи принимаются на три и на два года съ платою въ годъ по 350 р. асс. *)).

Не лишенъ нѣкотораго интереса и даже исторически-бытовой пикантности цѣлый цикл нѣсколько легендарнаго пошиба разсказовъ, и до сихъ поръ циркулирующихъ по Арзамасу, о продѣлкахъ учениковъ ступинской школы. Приведу здѣсь два-три разсказа, какъ характеристику былого добраго времени.

Ступинъ очень любилъ пѣніе, въ особенноти церковное и старался передать любовь къ нему и ученикамъ своимъ. Онъ достигъ того, что почти въ каждомъ курсѣ, т. е. почти постоянно имѣлъ при своей художественной школѣ нѣчто въ родѣ маленькой капеллы. Эта-то капелла и пѣла большею частію на клиросѣ церкви св. Духа. Жилъ въ Арзамасѣ помѣщикъ Ч—овъ, который почему-то (по всей вѣроятности отъ нечего дѣлать) разсердился на ступинскихъ пѣвчихъ и завелъ свой хоръ, весь состоявшій изъ крѣпостныхъ дѣвушекъ, и заставлялъ его пѣть въ сосѣдней съ святодуховской — троицкой цер-

*) «Ниж. Губ. Вѣдомости» 1850, № 25, стр. 99 и 100.

кви. Новинка (женскій церковный хоръ), а также и стройность напѣва его, понравилась публикѣ и она стала оставлять ступинскій хоръ, стремясь въ троицкую церковь. Это конечно раздосадовало ступинцевъ, и они, не долго думая, рѣшили поступить далеко не по-рыцарски, т. е. по-просту, подкараулили ч—скихъ дѣвушекъ послѣ всенощной и порядкомъ поколотили ихъ. За это Ч—овъ, увидавши однажды изъ окна своего дома проходившую мимо партію ступинцевъ, выслалъ противъ нихъ свою дворню; ступинцы потерпѣли полное пораженіе; затѣмъ послѣдовало нападеніе послѣднихъ уже на самого Ч—ва, ѣхавшаго вечеромъ въ саняхъ съ кучеромъ, при чемъ поле побѣды осталось за ступинцами.... Определеннаго финала разсказъ не имѣеть.

Однажды ступинскіе ученики, конечно взрослые, ушли на ночной кутежъ и чтобы обмануть бдительность Ступина, понадѣлавъ изъ всякой всячины чучель, положили ихъ на свои кровати на мѣста. Дома изъ всей компаніи оставалось только двое учениковъ, одинъ мертвецки-пьяный, усиѣвшій нагрузиться еще до ухода своихъ товарищей, другой — вовсе не пьющій. Пьяный проснулся, залѣзъ съ-пья-

на на чердакъ, набралъ тамъ что только подъ руку попало—горшки, обломки кирпича, палки, и давай шевырять ихъ по окнамъ и крышамъ сосѣднихъ домовъ. На шумъ случайно явился самъ городничій, жившій въ ближайшемъ сосѣдствѣ и возвращавшійся домой изъ гостей, но явился нѣсколько поздно, когда пьяный „виновникъ торжества“ уже улегся снова въ постель, а на дворъ вышелъ проснувшійся трезвый ученикъ, желавшій освѣжиться. Городничій съ-горяча напалъ на него и не вникая его невѣдѣнію, оттузилъ его на обѣ корки. Подчинившійся сначала такому разбирательству юноша, наконецъ самъ озлился и оказавшись сильнѣе городничаго, затащилъ его на дворъ и пошла уже потѣха надъ городничимъ. Проснулся и Ступинъ, вышелъ на дворъ и едва освободилъ городничаго отъ „началиваго“ его ученика; но узнавъ, что тотъ былъ первый избить городничимъ, и совершенно неповинно, началъ укорять городничаго, который, улучивъ минуту, постарался поскорѣе уйти со двора негостеприимной для него школы. Ступинъ заглянулъ въ ученическія спальни, убѣдился, что все на мѣстахъ, сказалъ: „ишь невинныя души, какъ крѣпко и спокойно спятъ“, и

хотѣлъ-было и самъ отправиться досыпать свою ночь, какъ вдругъ увидаль возвращавшуюся домой пьяную компанію. Тутъ уже не стерпѣлъ и самъ маэстро, и собственно-ручно оттузилъ всѣхъ и каждого по-очередно.

Большинство разказовъ, какъ и приведенные два—вертятся на попойкахъ, дракахъ и т. п. дебоширствахъ съ непремѣннымъ, какъ фатумъ древнихъ, участіемъ (и всегда позорнымъ) городничаго, квартальнаго или въ крайнемъ случаѣ—будочника. Характеренъ одинъ разказъ, въ которомъ повѣствуется, что когда однажды нѣкая сердобольная помѣщица выкупила за 70 рублей засаженныхъ въ полицейскую кутузку, за избіеніе квартальнаго, ступинцевъ, это такъ понравилось городничему, что онъ отдалъ приказъ сажать въ это „мѣсто злачно“ ступинцевъ какъ можно чаще; но когда великодушіе помѣщицы изсякло, а „шалости“ ступинцевъ не переставали прогрессировать, городничій послалъ жалобу по начальству; неблагодарное-же начальство самому городничему прислало „нахлобучку“ за то, что не умѣеть справиться съ молокососами....

Существуетъ однако и другая категорія разказовъ, имѣющая темой страданія уче-

никовъ ступинской школы отъ крѣпостного права. Типическимъ представителемъ подобныхъ разсказовъ можетъ служить слѣдующій.

Жилъ у Ступина одинъ ученикъ, изъ крѣпостныхъ, бывшій его любимцемъ: талантливый, прилежный, нещующій; до такой степени любилъ его Ступинъ, что мечталъ даже дочь свою за-мужъ за него выдать. Не тутъ-то было: не трогалъ ученика помѣщикъ цѣлыхъ 8 лѣтъ, а на девятый потребовалъ къ себѣ и давай издѣваться надъ нимъ — заставлялъ учиться поварскому искусству на кухнѣ, приказывалъ сапоги съ себя снимать, пятки себѣ чесать, словомъ довелъ художника до того, что тотъ сбѣжалъ и явился къ Ступину. Провѣдалъ про то баринъ и посылаетъ за своимъ „добрѣмъ“ къ Ступину бурмистра. Бурмистръ водворяетъ бѣглеца на новое тиранство. Не стерпѣвъ его, ученикъ снова бѣжалъ, снова былъ приведенъ къ помѣщику, и кончилъ самоубійствомъ.

Доживъ до глубокой старости, Александръ Васильевичъ Ступинъ скончался 30 іюля 1861 года, на 86 году отъ рожденія. Школа его померла вмѣстѣ съ нимъ, и въ настоящее время жива только въ немногихъ уцѣлѣвшихъ еще ученикахъ его. Не создалъ Ступинъ своей школы, въ смыслѣ какого-либо „новаго слова“

въ искусствѣ.... Не проложилъ Ступинъ не только новыхъ путей, но и тропинокъ въ этомъ искусствѣ, остановившись на своихъ Ніобахъ, Цилидоніяхъ и Вирсавіяхъ, не ввелъ онъ въ произведенія свои живу душу богатаго родного быта.... Не прославилъ Ступинъ свой родной уголъ на весь міръ.... Правда все это, но правда и то, что многимъ-ли выпадаетъ на долю говорить новыя слова, пролагать новые пути, схватывать въ жизни и открывать міру живу душу, всемірно прославлять свою родину? Немного такихъ титановъ, да если-бы и много ихъ было, какъ кто-то замѣтилъ,—слишкомъ-бы они приѣлись.... Сдѣлалъ Ступинъ столько, сколько былъ въ силахъ сдѣлать, не зарылъ онъ талантовъ своихъ, возбудилъ идеи высшаго порядка въ массѣ своихъ учениковъ, заставилъ наконецъ соединять съ именемъ Арзамаса, до тѣхъ поръ извѣстнаго лишь своею юфтью, лукомъ, гусиными боями, мордвою Эрзи, да „Арзамасомъ“ пушкинской эпохи—имя ступинской художественной школы.... и слава ему, слава вѣчная Александру Васильевичу Ступину въ родномъ ему краѣ и въ лѣтописяхъ искусства родной ему страны.

Остается сказать, что если Ступинъ въ ранней молодости убѣгалъ отъ рекрутчины и

не за особенную честь для себя считалъ службу десятскимъ у городничаго, то въ зрѣлыхъ годахъ онъ никогда не уклонялся отъ исполненія и такихъ общественныхъ обязанностей, какія сопряжены были даже съ рискомъ здоровья и жизни: въ 1830 году ояъ самоотверженно служилъ участковымъ приставомъ холернаго комитета, а затѣмъ занималъ и другія общественныя должности—былъ въ теченіе многихъ десятилѣтій, начиная съ 1827 года, церковнымъ старостой при святодуховской церкви, былъ долгое время депутатомъ отъ арзамасскихъ дворянъ и разночинцевъ въ комитетѣ для уравниенія городскихъ повинностей и т. д.... Ибо больше-бы Ступиныхъ, и жизнь наша была-бы краснѣе.

V.

Евламій Кирилловичъ Огородниковъ.

(1816—1884).

Въ 1852—1853 годахъ дѣйствовала въ нижегородской губерніи особая экспедиція съ официальной, показной задачей—собиранія различныхъ статистическихъ данныхъ и съ неофициальной, замаскированной первою—изслѣдованія быта старообрядцевъ: членомъ этой экспедиціи былъ Е. К. Огородниковъ.

Въ апрѣлѣ 1853 года Е. К. Огородниковъ подаетъ бывшему въ то время нижегородскимъ военнымъ губернаторомъ князю М. А. Урусову прозектъ устройства въ нижегородской губерніи статистической части **).

*) Прозектъ этотъ случайно былъ мною найденъ въ 1865 году въ цѣлой кучѣ всевозможныхъ бумагъ «нетребуемыхъ исполненія» въ архивѣ ниж. статистическаго комитета и напечатанъ въ 1875 году («Сборникъ въ память перваго русскаго стат. сѣзда 1870 года». Нижній Новгородъ. 1875. Вып. 2, стр. 645—647).—Большинство подробностей о жизни и дѣятельности Е. К. Огородни-

Въ обширномъ изданіи министерства внутреннихъ дѣлъ, выходящемъ подъ общимъ заглавіемъ „Городскія поселенія въ Россійской Имперіи“, историческій очеркъ нижегородской губерніи принадлежитъ перу Е. К. Огородникова.

Въ другомъ, не менѣе капитальномъ изданіи, предпринятомъ центральнымъ статистическимъ комитетомъ того-же министерства—въ „Спискѣ населенныхъ мѣстъ“—XXV выпускъ изданія („Нижегородская губернія“) обработанъ тѣмъ-же Е. К. Огородниковымъ.

Кто-же былъ Евлампій Кирилловичъ, въ жизни и литературной дѣятельности котораго нижегородскій край игралъ, очевидно, не послѣднюю роль? Объ этомъ долженъ знать тотъ край, которому небезслѣдно послужилъ покойный Евлампій Кирилловичъ.

Евлампій Кирилловичъ Огородниковъ родился 3 октября 1816 года въ Тюмени, но не былъ однако природнымъ сибирякомъ: родъ его принадлежитъ области Камско-Волжской, а именно древнему Хлынову, ны-

кова доставлено мнѣ уважаемымъ сыномъ покойнаго—Михаиломъ Евлампіевичемъ Огородниковымъ, секретаремъ центрального статистическаго комитета министерства внутреннихъ дѣлъ.

нѣшней Вяткѣ, такъ близко связанной своими экономическими отношеніями съ Нижнимъ Новгородомъ. Родъ Огородниковыхъ имѣетъ представителей въ Вяткѣ и въ настоящее время, и ведетъ свое происхожденіе отъ выходцевъ изъ Новгорода Великаго. Одинъ изъ родоначальниковъ Евлампія Кирилловича Иванъ Огородниковъ былъ въ началѣ XVIII вѣка бургомистромъ въ Вяткѣ.

Вскорѣ послѣ рожденія Евлампія Кирилловича родители его переѣхали изъ Тюмени въ Тобольскъ, гдѣ и протекли первые годы его дѣтства и гдѣ онъ началъ свое первоначальное образованіе съ посѣщенія приходскаго училища.

Въ Тобольскѣ Огородниковы тоже не долго жили: отецъ Е. К. Кирилль Васильевичъ, уступая настоятельнымъ просьбамъ своей престарѣлой матери, жившей въ Вяткѣ, и желавшей провести остатокъ дней своихъ съ сыномъ и его семьей, вернулся въ 1825 году на свою родину. Здѣсь маленькій Огородниковъ отданъ былъ въ уѣздное училище, а затѣмъ, въ 1829 году—въ гимназію, въ которой онъ и кончилъ курсъ въ 1833 году. Но гимназическимъ образованіемъ своего сына Кирилль Васильевичъ Огородниковъ не

удовольствовался: принадлежа къ купеческому сословию (въ Сибири онъ служилъ, также по купеческой части, у извѣстныхъ въ то время сибирскихъ богачей Мясниковыхъ), онъ видно понималъ важность и значеніе образованія, и послалъ сына въ университетъ. Такое рѣшеніе рисуется намъ отца-Огородникова въ хорошемъ свѣтѣ, такъ какъ въ его средѣ, да еще въ тѣ времена, стремленіе къ высшему образованію было не въ особенномъ почетѣ; оно было тогда не въ особенномъ ходу и въ болѣе развитыхъ слояхъ общества.

Въ 1833 году Евлампій Кирилловичъ 17-лѣтнимъ юношей является въ Казань и поступаетъ сперва на медицинскій факультетъ. Нервная натура его однако не выдержала практики оперативной хирургіи, онъ созналъ, что призваніе медика—не его призваніе и разошелся съ медициной. Борьба однако продолжалась долго; крѣпкій характеръ не съ-разу уступалъ нервности, рѣшенія принимались не подъ первыми впечатлѣніями: на медицинскомъ факультетѣ пробылъ Евлампій Кирилловичъ слишкомъ 3 года и только перейдя въ 4-ый курсъ оставилъ его. Университетъ однако былъ слишкомъ милъ Евлампію Кирилловичу, чтобы, разойдясь съ меди-

циной, разойдись и съ университетской наукой: медикомъ - четверокурсникомъ переходить онъ на филологическій факультетъ, на которомъ и кончаетъ курсъ кандидатомъ, съ серебряною медалью, по разряду китайской словесности, въ 1841 году.

Время, проведенное Евлампіемъ Кирилловичемъ въ Казани, въ университетѣ, имѣло на его развитіе и всю послѣдующую его дѣятельность—какъ и на большинство людей духомъ, а не внѣшностью приобщившихся университету—громадное вліяніе. Евлампій Кирилловичъ кромѣ того еще счастливъ былъ тѣмъ, что въ казанскомъ университетѣ завязались у него теплыя сношенія съ тогдашними казанскими студентами—Мельниковымъ и Артемьевымъ, въ послѣдствіе извѣстными всему читающему русскому люду Павломъ Ивановичемъ Мельниковымъ (Печерскимъ) и сдѣлавшимъ себѣ хорошее имя въ наукѣ Александромъ Ивановичемъ Артемьевымъ. Съ этими сверстниками своими по университету Евлампій Кирилловичъ прошолъ до конца свое *cuticularum vitae* почти бокъ-о-бокъ, въ особенности съ А. И. Артемьевымъ, съ которымъ ему пришлось вмѣстѣ служить и работать надъ однимъ и тѣмъ-же дѣломъ (въ цен-

тральномъ статистическомъ комитетѣ) болѣе 20 лѣтъ къ-ряду.

По окончаніи курса въ университетѣ Евлампій Кирилловичъ имѣлъ первоначальное намѣреніе посвятить себя педагогической дѣятельности, и чтобы, вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣть случай и возможность практически изучить восточные языки, отправился въ Восточную Сибирь, въ Иркутскъ. Въ ожиданіи мѣста учителя въ иркутской гимназіи, Евлампій Кирилловичъ, принялъ на себя обязанность бібліотекаря въ мѣстной публичной бібліотекѣ. Вскорѣ удалось ему предпринять большую поѣздку по Якутской области, съ цѣлью изученія якутскаго и тунгусскаго нарѣчій. Плодомъ этой поѣздки была статья „Замѣчанія о Якутской области“, напечатанная въ послѣдствіе (въ 1847 году) въ „Современникѣ“ (въ т. IV) и „Якутскій словарь“, представленный Евлампіемъ Кирилловичемъ въ академію наукъ, этотъ трудъ вполне одобрившую.

Такимъ образомъ, путешествуя по Сибири еще ребенкомъ, съ отцомъ, страстно любившимъ сибирскую природу, Евлампій Кирилловичъ сдѣлался и изслѣдователемъ Сибири....

Въ оставшихся въ семействѣ покойнаго по-

смертныхъ запискахъ, къ сожалѣнію отрывочныхъ, и потому весьма неполныхъ, зародившееся въ немъ съ дѣтства преемственное чувство любви къ сибирской природѣ, изученной имъ вплоть до Охотскаго моря, характеризуется имъ слѣдующими словами:

„Диковинныя горы, говорится въ запискахъ Евлампія Кирилловича, тянуціяся нескончаемыми хребтами, дивныя и многоводныя рѣки со всѣми чудесами своенравія и дикой роскоши, обширныя до чудовищности степи, непроходимыя и нехоженыя, вѣчно-зеленѣющіе лѣса, разнообразіе климатовъ и произведеній, пестрота и пустынность ландшафта— все зоветъ и манитъ къ себѣ, все вызываетъ пытливость и дѣятельность, все дышетъ отвагой и просторомъ: самый людъ какъ будто отчеканенный по особой мѣркѣ, смотритъ и теперъ еще тѣмъ предприимчивымъ казакомъ, который напоминаетъ Дежнева, Хабарова и иныхъ героевъ Сибири *)... Жизнь городская—это спѣшный отдыхъ, это минутная встрѣча на условномъ становищѣ съ домаш-

*) О Дежневѣ и Хабаровѣ (по послѣднему называется нынѣшняя Хабаровка въ При-амурской области) см. «Наши землепроходцы» (Разказы о заселеніи Сибири) Д. Садовникова. М. 1874.

ними пенатами, это неволя, отъ которой тянетъ сибиряка въ неразгадочную даль. Кудабы мысль ни поворотилась—все начато и не окончено, все достигается усиленнымъ трудомъ и никого не пугаетъ этотъ трудъ, хотя на пути приходится не разъ задуматься надъ чьей нибудь неудачей, иногда стоявшей всего достоянія и даже жизни.... Среди этого люда прошли мои дѣтскіе годы и связь воспоминаній о моемъ дѣтствѣ закрѣпилась взглядомъ на Сибирь уже въ лѣта зрѣлыя“.

Пребываніе Евлампія Кирилловича въ Сибири продолжалось однако не долго: не дожидъшисъ должности учителя въ иркутской гимназіи, онъ уѣхалъ въ Петербургъ въ 1842 году.

Здѣсь онъ поступилъ на службу въ министерство финансовъ, въ 1843 году, а лѣтъ черезъ пять, въ 1848 году, перешолъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ. На новомъ мѣстѣ своего служенія онъ первоначально занимался въ существовавшемъ тогда комитетѣ объ устройствѣ земскихъ повинностей въ государствѣ, а затѣмъ состоялъ чиновникомъ особыхъ порученій при хозяйственномъ департаментѣ министерства.

Къ этому-то періоду жизни относится ко-

мандировка Евлампія Кирилловича, вмѣстѣ съ университетскимъ товарищемъ его, Павломъ Ивановичемъ Мельниковымъ, въ 1852 году, въ нижегородскую губернію, для производства мѣстныхъ изслѣдованій по городскому хозяйству, при чемъ онъ одновременно былъ назначенъ членомъ снаряженной сюда статистической экспедиціи. Оффиціальной задачей этой экспедиціи было, какъ сказано, собраніе на мѣстѣ свѣдѣній о составѣ и движеніи народонаселенія, неоффиціальной—изслѣдованіе быта старообрядцевъ. Результаты статистической экспедиціи въ нижегородскую губернію (также какъ и въ ярославскую) были потомъ разработаны и напечатаны особымъ изданіемъ, вышедшимъ въ 1861 году подъ заглавіемъ: „О составѣ и движеніи населенія по губерніямъ нижегородской и ярославской“; это изданіе въ настоящее время принадлежитъ къ числу библиографическихъ рѣдкостей.

Съ этой поры преобладающими работами Евлампія Кирилловича являются изслѣдованія его въ области статистической и исторической географіи.

Еще бывши въ Нижнемъ Новгородѣ, и сознавая важную роль въ дѣлѣ практической государственной статистики хорошей органи-

защиты мѣстныхъ статистическихъ учреждений, Евлампій Кирилловичъ очевидно принималъ дѣятельное участіе въ совѣщаніяхъ по этому предмету, происходившихъ между тогдашнимъ нижегородскимъ (военнымъ) губернаторомъ княземъ М. А. Урусовымъ и П. И. Мельниковымъ. Въ архивѣ нижегородскаго губернскаго статистическаго комитета, какъ выше сказано, сохранился проэктъ устройства въ нижегородской губерніи канцеляріи статистическаго комитета, составленный Евлампіемъ Кирилловичемъ, какъ видно изъ письма его отъ 25 апрѣля 1853 года на имя князя, на основаніи мысли П. И. Мельникова *).

Вотъ содержаніе этого проэкта:

1. Для успѣшнѣйшаго исполненія статистическихъ работъ въ губерніи необходимо особое и постоянное за ними наблюденіе, которое должно быть ввѣрено чиновникамъ, извѣстнымъ въ этомъ отношеніи начальнику губерніи, по своимъ познаніямъ и опытности.

*) Главныя основанія устройства въ нижегородской губерніи статистической части, разработанныя П. И. Мельниковымъ, приведены мною въ статьѣ «Обзоръ дѣятельности нижегородскаго стат. комитета», напечатанной во 2 выш. «Сборника въ память перваго русскаго статистическаго съѣзда» (Н. Н., 1875, стр.). 642

2. Чиновники эти составляют канцелярію губернскаго статистическаго комитета.

3. Канцелярія имѣеть двоякаго рода занятія: ежегодное обновленіе статистическихъ свѣдѣній, имѣющихся у нея въ виду, собирая оныя по особымъ программамъ, посредствомъ земской полиціи, а въ случаѣ надобности, посредствомъ особаго обзора всѣхъ тѣхъ мѣстностей, кои по свѣдѣніямъ земской полиціи въ какомъ либо отношеніи окажутся неполными или недостаточно вѣрными.

4. Свѣдѣнія статистическія, собираемыя этимъ двоякимъ путемъ, ежегодно дополняются тѣми данными, кои по предмету статистики вообще имѣются въ виду въ разныхъ губернскихъ учрежденіяхъ, какъ, напр., ревизскія сказки въ казенной палатѣ, свѣдѣнія въ духовной консисторіи и проч. Выписки эти производятся, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ дѣлопроизводителя канцеляріи, его помощниками, безъ затрудненія перепиской тѣхъ вѣдомствъ, до коихъ вопросъ будетъ относиться.

5. Канцелярія къ 1 января каждаго года заготовляетъ подробный отчетъ о занятіяхъ своихъ въ истекшемъ году, планъ занятій своихъ на предстоящій годъ, особая про-

граммы для руководства земской полиціи и представляет ихъ въ статистическій комитетъ для разсмотрѣнія и утвержденія.

6. Члены сего комитета, не позже 1 числа февраля каждаго года, обсуждаютъ и окончательно утверждаютъ представленныя канцеляріей статистическія работы и соображенія для вновь предстоящихъ занятій.

7. Статистическія работы, одобренныя комитетомъ, канцелярія представляетъ въ окончательномъ исправленномъ видѣ начальнику губерніи, при особой запискѣ о предположеніяхъ комитета, относительно занятій на предстоящій затѣмъ годъ.

8. Канцелярію комитета составляютъ: а) дѣлопроизводитель, котораго должность полагается въ VIII классѣ, б) два помощника его, коихъ должность полагается въ IX классѣ и не болѣе 4 писцовъ, нанимаемыхъ по мѣрѣ надобности.

9. На содержаніе канцеляріи отпускается сумма въ распоряженіе начальника губерніи изъ тѣхъ-же источниковъ, кои были, на основаніи § 9 инструкціи, данной министровомъ внутреннихъ дѣлъ статистическимъ экспедиціямъ 1852 года, открыты для экстраординарныхъ расходовъ по сему предмету.

10. Всего назначается на содержаніе канцеляріи 3000 р. с.; изъ нихъ: въ постоянный окладъ дѣлопроизводителю 1000 р., двоимъ его помощникамъ по 342 р. 86 к. каждому, всего 1685 р. 72 к.; кромѣ того, по особому распоряженію начальника губерніи, отпускается ежегодно, на разъѣзды чиновниковъ по губерніи: дѣлопроизводителю не болѣе 300 р., помощникамъ его обоимъ не болѣе 300 р., на жалованье 4 вольно-наемнымъ писцамъ ежегодно не болѣе 48 р. каждому, всѣмъ 192 р., всего 2477 р. 72 к.; остальные затѣмъ 522 р. 28 к. имѣются въ виду начальника губерніи на канцелярскіе расходы по статистическимъ работамъ; остатки же, могущіе быть ежегодно, вычитаются изъ капитала, назначеннаго на содержаніе канцеляріи комитета“.

Проектъ этотъ, во многихъ отношеніяхъ болѣе совершенный, чѣмъ нынѣшнее устройство статистической части въ губерніяхъ, далѣе бумажнаго движенія не пошелъ и имъ завершились всѣ организаторскія попытки 50 годовъ по постановкѣ статистическаго института въ Нижнемъ Новгородѣ, а составители проекта П. И. Мельниковъ и Е. К. Огородниковъ, окончивъ свои статистико-бытовые

(по старообрядчеству) работы, вернулись въ Петербургъ.

Въ 1855 году Евлампій Кирилловичъ поступилъ въ статистическій комитетъ министерства внутреннихъ дѣлъ, на должность младшаго производителя работъ и остался въ этомъ учрежденіи, по преобразованіи его, въ 1858 году, въ центральный статистическій комитетъ, сперва въ должности младшаго, а послѣ, съ 1859 года, въ должности старшаго редактора, которую и занималъ по день выхода въ отставку (1 апрѣля 1883 года), къ чему онъ былъ принужденъ быстро начавшей развиваться смертельной болѣзью своей.

Въ 1855 - 1862 годахъ Евлампій Кирилловичъ, состоя на службѣ въ статистическомъ комитетѣ, былъ кромѣ того, по приглашенію бывшаго тогда петербургскаго оберъ-полицеймейстера Галахова, редакторомъ „Вѣдомостей С.-Петербургской Городской Полиции“ и управляющимъ полицейской типографіей, значительно улучшивъ это оффиціальное изданіе введеніемъ въ него новыхъ отдѣловъ и подъявъ, кромѣ того, и матеріальный доходъ его.

Въ то-же время Евлампій Кирилловичъ

участвовалъ въ „Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ“, гдѣ помѣстилъ нѣсколько статей, между которыми особенно слѣдуетъ отмѣтить „Указатель къ русскимъ періодическимъ изданіямъ съ 1703 по 1769 годъ“ (№ 8 за 1859 годъ); для издававшагося въ 50 и 60 годахъ „Энциклопедическаго Словаря“ Евлампій Кирилловичъ также далъ нѣсколько статей.

Обширныя познанія и прибрѣтенная Евлампіемъ Кирилловичемъ опытность въ дѣлѣ административной статистики, которому онъ посвятилъ большую часть своей служебной дѣятельности, а также близкое знакомство съ бытовыми условіями различныхъ мѣстностей Россіи побуждали правительство возлагать на Евлампія Кирилловича многія важныя изъ производившихся, за послѣднія 25 лѣтъ, въ центральномъ статистическомъ комитетѣ, работы. Такъ, напр., онъ принималъ дѣятельное участіе въ разработкѣ проектовъ преобразованія губернскихъ и центральнаго статистическихъ комитетовъ, результатомъ которыхъ явились нынѣ-дѣйствующія положенія объ этихъ комитетахъ, высочайше утвержденныя 26 декабря 1860 года и 30 апрѣля 1863 года, и въ первой однодневной

переписи Петербурга, произведенной 10 декабря 1869 года. Евлампію-же Кирилловичу по преимуществу принадлежат отдѣлы отечественной статистики, касающіеся городскихъ поселеній, вошедшіе въ изданія центральнаго статистическаго комитета и редакція „Общаго обзора статистическихъ записей по вѣдомствамъ и главнымъ управленіямъ имперіи“ — весьма сложная и обстоятельная работа, предпринятая и исполненная, по постановленію статистическаго совѣта, въ цѣляхъ обобщенія и улучшенія у насъ приемовъ собиранія и разработки различными вѣдомствами первоначальныхъ статистическихъ свѣдѣній.

По порученію хозяйственнаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ, Евлампіемъ Кирилловичемъ обработана значительная часть изданнаго департаментомъ сборника „Экономическое состояніе городскихъ поселеній Европейской Россіи“ — губерніи архангельская, вологодская, вятская, костромская, олонекская, орловская, псковская, петербургская и тамбовская.

Въ трудахъ покойнаго Н. А. Милютина (по устройству крестьянъ въ Царствѣ Поль-

скомъ) Евлампій Кирилловичъ также принималъ непосредственное участіе.

Въ качествѣ члена Евлампій Кирилловичъ былъ назначаемъ въ организаціонныя комиссіи по устройству международнаго статистическаго конгресса въ Петербургѣ, въ 1872 году, и по участію Россіи въ гигиенической выставкѣ и конгрессѣ въ Брюсселѣ, въ 1876 году; былъ также членомъ общества охраненія народнаго здоровья и первымъ предсѣдателемъ статистической секціи этаго общества. Членомъ статистическаго совѣта при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ назначенъ былъ Евлампій Кирилловичъ въ 1876 году, при чемъ сохранилъ за собою все лежавшія на немъ обязанности по должности старшаго редактора центрального статистическаго комитета.

Статистико-географическія работы свои Евлампій Кирилловичъ соединялъ и съ тѣсно-связанными съ ними занятіями по историко-географическимъ изслѣдованіямъ. Такъ еще въ началѣ шестидесятыхъ годовъ онъ принималъ участіе въ обширномъ изданіи министерства внутреннихъ дѣлъ „Городскія поселенія въ російской имперіи“, въ которомъ ему принадлежатъ историческіе очерки горо-

довъ по 28 губерніямъ и областямъ: архангельской, владимірской, вологодской, волынской, вятской, енисейской, иркутской, казанской, кіевской, костромской, *нижегородской*, новгородской, олонецкой, пензенской, пермской, полтавской, псковской, рязанской, тверской, тобольской, томской, тульской, ярославской, амурской, забайкальской, приморской, семипалатинской и якутской.

Наибольшая доля труда, по работамъ Евлампія Кирилловича въ центральномъ статистическомъ комитетѣ, была положена имъ на составленіе и обработку „Списка населенныхъ мѣстъ“—изданія, представляющаго крайне цѣнный матеріалъ не только по статистикѣ, но и по этнографіи и исторической географіи. Подъ редакціей Евлампія Кирилловича было обработано это изданіе по губерніямъ архангельской, вологодской, вятской, московской, *нижегородской*, олонецкой и тульской, при чемъ списку каждой губерніи, по общему плану изданія, предпосланъ болѣе или менѣе обстоятельный, принадлежащій перу Евлампія Кирилловича, очеркъ, заключающій картину экономической и бытовой жизни губерніи и краткую ея исторію.

Наибольшее однако развитіе и примѣненіе

склонность Евлампія Кирилловича къ историко-географическимъ работамъ получила въ научномъ трудѣ его, возникшемъ такъ-сказать въ нѣдрахъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, членомъ котораго (по отдѣленію этнографіи) онъ состоялъ съ 1848 года.

Почти со времени основанія Географическаго Общества была поднята въ немъ мысль о необходимости разработки, на ряду съ другими историко-географическими матеріалами, весьма важнаго, общеизвѣстнаго, но почти вовсе не изслѣдованнаго памятника географическихъ трудовъ нашихъ предковъ, такъ-называемой „Книги Большому Чертежу“ *).

*) Книга эта, подъ заглавіемъ «Книга, глаголемая Большою Чертежъ», издана въ послѣдній разъ, по порученію Общества ист. и древн. россійскихъ, въ Москвѣ, въ 1846 году Г. И. Спаескимъ, который говоритъ въ своемъ предисловіи, что «Большой Чертежъ» (географическая карта до-петровской Руси), могъ быть если не составленъ, то по крайней мѣрѣ дополненъ, въ царствованіе Бориса Федоровича Годунова, около 1600 года,—дополненъ потому, что въ вступленіи въ книгѣ, писанной въ 1627 году при царѣ Михаилѣ Федоровичѣ, сказано, что сдѣланъ былъ тотъ чертежъ *давно при прежнихъ государехъ* (предисл., стр. V и VI). Первое описаніе чертежа было издано въ Петербургѣ въ 1773 году Н. И. Новиковымъ подъ заглавіемъ «Древняя Россійская Идрографія, содер-

Первоначальное намѣреніе общества клонилось къ тому, чтобы возстановить утраченную древнюю карту Россіи по дошедшему до насъ, въ различныхъ спискахъ, тексту „Книги Большому Чертежу“ *), но затѣмъ возникло вполнѣ естественное желаніе опредѣлить, по возможности, источники, послужившіе для составленія Большого Чертежа и

жащая описаніе Московскаго Государства рѣкъ, притоковъ, озеръ, владѣзей, и какіе по нихъ города и урочища, и на какомъ оныя разстояніи». Второе сводное изданіе «Книги Большому Чертежу» и «Идрографія» сдѣлано было Д. И. Языковымъ, въ 1838 году (тамъ-же, стр. IX и X).—Кстати приведу здѣсь, по изданію Г. И. Спасскаго, описаніе по «Книгѣ Большому Чертежу», Нижегородскаго Приволжья: «А ниже *Унжи* рѣки 80 верстъ градъ *Балахна*, на рѣкѣ на *Волгѣ*. А ниже *Балахны* 20 верстъ, подъ *Нижнимъ Новымъ градомъ* пала въ *Волгу* рѣка *Ока* у *Дятловыхъ горъ*. А ниже *Нова града Нижняго* на *Волгѣ* на нагорной странѣ 130 верстъ *Василь* градъ; а подъ градомъ подъ *Василемъ* съ вышнія страны пала въ *Волгу* рѣка *Сура*; а рѣка *Сура* вытекла отъ рѣки *Воли* отъ берега за 70 верстъ, поровень съ рѣкою *Сызою*; а *Сыза* рѣка пала въ *Волгу* ниже града *Самары* 90 верстъ; а протоку *Сызи* рѣки 80 верстъ. А рѣка *Сура* потекла на низъ вровень съ *Волгою* 170 верстъ, да поворотила къ западу, текла 20 верстъ, а отъ запада поворотила въ ночь къ *Волгѣ*» (тамъ-же, стр. 139).

*) При своемъ изданіи «Книги Большому Чертежу» Г. И. Спасскій пользовался 8 списками.

черезъ это опредѣлить время первоначальнаго составленія карты и постепенно дѣлавшихся въ ней исправленій и пополненій. Такъ какъ въ то время изъ среды Географическаго Общества никто не взялся за исполненіе такого труда, то вопросъ объ изслѣдованіи „Книги Большому Чертежу“ былъ предложенъ, по постановленію совѣта общества 23 февраля 1852 года, на конкурсъ *), условія котораго заключались въ томъ, чтобы возобновить по „Книгѣ Большому Чертежу“ древнюю географическую карту Россіи и сопредѣльныхъ съ нею странъ, для которыхъ книга эта, въ свое время, служила текстомъ. Для рѣшенія этой задачи требовалось, во-1) все географическія данныя, содержащіяся въ „Книгѣ Большому Чертежу“, приурочить и нанести на карту, согласно съ указаніями самой „Книги“; во-2) такъ какъ „Большой Чертежъ“ былъ составленъ по тогдашнимъ путямъ сообщенія внутри государства и съ сопредѣльными къ нему странами, то пути эти, какъ водяные, такъ и сухопутные, означить на картѣ со всею тщательностью и съ возможною точностью, на основаніи показанныхъ въ

*) См. «Двадцатипятилѣтіе Имп. Русскаго Геогр. Общества», стр. 136—138.

„Книгѣ“ урочищъ и разстояній; въ-3) къ составленной такимъ образомъ картѣ приложить объяснительный текстъ, въ которомъ дать подробный отчетъ, какъ объ общихъ началахъ, такъ и о причинахъ, почему нанесенныя на нее данныя приурочены такъ, а не иначе; въ-4) присовокупить систематическую роспись всѣхъ показанныхъ на картѣ мѣстностей, въ порядкѣ, который обыкновенно употребляется въ географическихъ обозрѣнiяхъ, или самый объяснительный текстъ расположить такъ, чтобы вышелъ родъ географiи Россiи и сопредѣльныхъ съ нею странъ, современный „Большому Чертежу“, и въ-5) выражалось желанiе, чтобы по возможности изслѣдовано было происхожденiе и судьба самаго подлинника „Большого Чертежа“ и указано было на источники, какiе могли служить для его составленiя. Кромѣ того признавалось полезнымъ коснуться вопроса: не былъ-ли чертежъ извѣстенъ иностраннымъ картографамъ XVII вѣка и не пользовались ли они имъ при составленiи своихъ картъ сѣверо-восточной Европы и Азии. Въ особенноти-же поручалось обратить тщательное вниманiе, по крайней мѣрѣ, на то, въ какой степени данныя „Большого Чертежа“ согласу-

ются или не согласуются съ картою, приписываемою царевичу Федору Борисовичу.

Такой вызовъ Географическаго Общества къ разработкѣ „Книги Большому Чертежу“ не встрѣтилъ однако въ свое время удовлетворительнаго отвѣта, не смотря на то, что срокъ конкурса былъ два раза отдалаемъ. Но въ 1868 году, уже по закрытіи конкурса Евлампіемъ Кирилловичемъ была представлена Географическому Обществу часть обширнаго критико-историческаго изслѣдованія о „Книгѣ Большому Чертежу“, предпринятаго и исполнявшагося имъ вполне сообразно съ тѣми требованіями по этому предмету, какія были поставлены обществомъ при объявленіи имъ конкурса.

Придавая „Книгѣ Большому Чертежу“ значеніе русской географической хроники, сложившейся разновременно, говорится въ одномъ изъ протоколовъ отдѣленія этнографіи Географическаго Общества *), Евлампій Кирилловичъ, посредствомъ разложенія текста „Книги“, на основаніи лѣтописныхъ указаній

*) См. отчетъ о засѣданіи отдѣленія этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества 19 апрѣля 1868 года, § 3, въ «Извѣстіяхъ Общества» за 1868 годъ, часть I, стр. 155.

и данныхъ, встрѣчаемыхъ въ старинныхъ актахъ, имѣлъ въ виду доказать возможность открытія признаковъ текста первоначальнаго, и такимъ образомъ приблизиться къ разрѣшенію вопроса о времени появленія чертежа, и путемъ историческаго анализа, по возможности, опредѣлить тѣ періоды, когда чертежъ былъ возобновляемъ со временъ Грознаго включительно до времени Федора Алексѣевича.

Такова была основная точка зрѣнія Евлампія Кирилловича и таковъ планъ предпринятыхъ имъ изслѣдованій о „Книгѣ Большому Чертежу“. Какъ образецъ своихъ изысканій, онъ представилъ Географическому Обществу статью, посвященную описанію обширной береговой стороны, издревле принадлежавшей Россіи, отъ рѣки Тенуя *) и границъ Норвегіи до Кемскаго Погоста и извѣстной подъ названіемъ Мурманскаго и Терскаго береговъ. Въ этой статьѣ своей Евлампій Кирилловичъ не только опредѣлилъ, по возможности, всѣ рѣки и урочища, показанныя въ „Книгѣ Большому Чертежу“ на этомъ пространствѣ, но и представилъ обзоръ всѣхъ

*) Тенуй, Тено, Теноюки или Тана (см. «Мурманскій и Терскій берега», Е. Огородникова, Слб., 1869, стр. 41).

географическихъ данныхъ о краѣ, начиная съ XII вѣка, какія онъ нашолъ въ трактатахъ, заключенныхъ еще новгородцами со шведскимъ правительствомъ и какія встрѣтилъ въ различныхъ грамотахъ нашихъ государей и въ другихъ письменныхъ памятникахъ, а также въ показаніяхъ путешественниковъ, начиная съ Ченслера и кончая описаніями береговъ Сѣвернаго океана, предпринятыми по распоряженію нашего морского министерства.

Справедливо придавая важное значеніе монастырямъ, какъ начаткамъ русской колонизаціи, Евлампій Кирилловичъ помѣстилъ въ своемъ изслѣдованіи много любопытныхъ свѣдѣній о распространеніи христіанства между финскими племенами, и такимъ образомъ представилъ довольно полный географическій очеркъ Лопской земли, изъ котораго открывается, что она, даже въ XVI вѣкѣ, простиралась на югъ далеко за предѣлы нынѣшняго кольскаго уѣзда архангельской губерніи—въ губерніи олонецкую и частью петербургскую, и занимала всю восточную половину Финляндіи, а по берегу Бѣлаго моря доходила до рѣки Нюхчи.

При чтеніи текста „Книги Большому Чер-

тежу“ Евлампій Кирилловичъ пользовался названнымъ выше изданіемъ Г. И. Спасскаго, 1846 года, повѣряя его спискомъ, принадлежащимъ Географическому Обществу, относящимся ко времени царствованія Алексѣя Михайловича. При этомъ сличеніи открылись новые варианты, приведшіе Евлампія Кирилловича къ неожиданнымъ соображеніямъ и давшіе ему возможность усмотрѣть и прослѣдить постепенность измѣненій, какимъ подвергался текстъ „Книги Большому Чертежу“. Общій выводъ Евлампія Кирилловича былъ тотъ, что относительно Лапландскаго полуострова текстъ книги могъ сложиться въ четыре различные періода: первый съ 1496 по 1532 годъ, второй—по 1590, третій—въ теченіе XVII вѣка, примѣрно до 1675 года, и четвертый—около конца того-же вѣка.

Остановливаясь на томъ обстоятельстве, что свѣдѣнія о пространствѣ между рѣкой Тенуемъ и Навдемой, внесенныя въ описаніе чертежа съ особенною неопредѣленностью въ показаніяхъ, даже относительно Навдемы (уже съ 1596 года считавшейся пограничною чертою) и съ такою сбивчивостью, какою далѣе въ описаніи Лопской земли не встрѣчается, Евлампій Кирилловичъ при-

шолъ къ заключенію, что эта часть описанія Чертежа составляетъ отрывокъ самаго древняго первоначальнаго текста. Время составленія этаго первичнаго текста, по мнѣнію Евлампія Кирилловича, конечно опредѣлить съ точностью невозможно, но вѣроятно относится къ концу XV и къ началу XVI вѣковъ.

За этою древнѣйшею группою свѣдѣній въ разобранномъ отдѣлѣ „Книги Большому Чертежу“ Евлампій Кирилловичъ подмѣтилъ и другую группу показаній, въ которой свѣдѣнія представляются въ послѣдовательномъ хронологическомъ порядкѣ, дающемъ понятіе о постепенномъ распространеніи русской власти и христіанства въ Лопской землѣ. Всѣ эти свѣдѣнія, по мнѣнію Евлампія Кирилловича, могли попасть въ чертежъ не ранѣе 1532 года и не позже 1590 года; слѣдовательно періодъ второй редакціи „Книги Большому Чертежу“ обнимаетъ собою, какъ уже выше замѣчено, почти весь XVI вѣкъ.

Третье исправленіе чертежа, касавшееся преимущественно влюченія подробностей о Мурманскомъ и Терскомъ берегахъ, должно было произойти въ XVII вѣкѣ, такъ какъ многія изъ мѣстностей этаго края сдѣлались

извѣстными не ранѣе 1590 года. По всей вѣроятности главнѣйшимъ источникомъ занесенныхъ въ чертежъ подробностей служили лопскія новгородской четверти писцовыя книги, письма и дозоры Алая Михалкова *), составленныя въ 1608, 1609 и 1611 годахъ, упоминаемая въ нѣкоторыхъ монастырскихъ грамотахъ 1666 года.

Наконецъ четвертая редакція чертежа относится уже къ 1680 году, когда, по повелѣнію царя Федора Алексѣевича, предпринято было общее исправленіе Большого Чертежа; относительно-же собственно Мурманскаго берега важнымъ пособіемъ для исправленія могла быть грамота царя Алексѣя Михайловича, данная печенгскому монастырю **) въ 1675 году, и заключающая въ се-

*) О писцовыхъ книгахъ, письмахъ и дозорахъ Алая Михалкова см. у Огородникова («Мурм. и Терскій берега») стр. 7 и 86.

**) Е. К. Огородниковъ почему-то пишетъ *печенскій* монастырь, *печенская* губа, а не *печнискій*, *печениская* (см. «Мурм. и Терскій берега», стр. 25, 27, 29, 53, 54, 56 и друг.), тогда какъ самъ-же пишетъ *Печена*, *Печенга* (рѣка, впадающая въ Ледовитое море); «Географическо-стат. Словарь» пишетъ Печенга, Печенгскій Погостъ («Геогр.-стат. Словарь рос. имперіи», Спб., 1868, томъ IV, стр. 103). Кстати-же здѣсь оговорюсь, что Е. К.

бѣ такія подробности, какихъ не встрѣчается въ другихъ документахъ.

По поводу изслѣдованія Евлампія Кирилловича въ „Отчетѣ о 25-лѣтней дѣятельности Императорскаго Русскаго Географическаго Общества“ говорится:

„Статья Е. К. Огородникова, снабженная картою, будучи только частію его изслѣдованій о большемъ чертежѣ, представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ полный и отчетливый сводъ разсѣянныхъ въ лѣтописяхъ и древнихъ актахъ географическихъ показаній о Мурманскомъ и Терскомъ берегахъ. Трудъ этотъ, продолжаемый по такому-же плану и съ такою-же тщательностью, нѣтъ никакого сомнѣнія, разъяснить во многомъ исторію составленія большого чертежа, и въ тоже время, еще въ большей степени, исторію заселенія русской земли и вообще распространенія территоріи русскаго государства, т. е. явится всестороннимъ историко-географическимъ изслѣдованіемъ о Россіи“.

Трудъ Евлампія Кирилловича былъ увѣнчанъ Географическимъ Обществомъ малою

пишетъ вездѣ «Книга Большого Чертежа», а-же, придерживаясь подлинника, по изданію Г. И. Спасскаго, считаю болѣе правильнымъ писать «Книга Большому Чертежу».

золотою медалью и напечатанъ во II томѣ „Записокъ“ общества по отдѣленію этнографіи *).

Послѣ того Евлампій Кирилловичъ дѣятельно продолжалъ работы свои по „Книгѣ Большому Чертежу“ и къ 1874 году подготовилъ, по той-же программѣ, еще болѣе обширное изслѣдованіе, обнимающее прибрежье Ледовитаго и Бѣлаго морей съ ихъ притоками, и заключающее въ себѣ общій очеркъ мѣстности и народовъ, обитавшихъ въ ея предѣлахъ, обзоръ историческихъ свѣдѣній о каждомъ племени и самое изслѣдованіе и провѣрку данныхъ „Книги Большому Чертежу“.

Трудъ этотъ напечатанъ въ VII томѣ „Записокъ по отдѣленію этнографіи“ въ 1877 году; но еще ранѣе отдѣленіе, получивъ въ свое распоряженіе рукопись Евлампія Кирилловича, и высоко цѣня его трудъ, какъ прямо соотвѣтствовавшій давно заявленному желанію общества, постановило довести до свѣдѣнія совѣта общества о работахъ Евлампія Кирилловича и ходатайствовать объ оказаніи

*) Мои предъидущія ссылки на стр. труда Е. К. сдѣланы по отдѣльному изданію «Мурм. и Терскаго береговъ» 1869 года.

ему, какъ нравственнаго, такъ и матеріальнаго содѣйствія. Ходатайство отдѣленія было удовлетворено и доставило Евлампію Кирилловичу возможность продолжать свои изысканія по „Книгѣ Большому Чертежу“. Кромѣ того академія наукъ въ 1878 году присудила Евлампію Кирилловичу, за его труды по исторической географіи, на основаніи рецензій профессора Н. П. Барсова, половинную уваровскую премію.

Продолжая такимъ образомъ разработку „Книги Большому Чертежу“, этаго важнаго памятника нашей старины, Евлампій Кирилловичъ представилъ Географическому Обществу, въ 1877 году, обзорѣніе „Книги“ по району волжскаго бассейна въ предѣлахъ рѣкъ Камы и Вятки. Здѣсь, какъ и при обзорѣніи дальняго Сѣвера, онъ изложилъ географическое значеніе указаній чертежа, приурочивая ихъ къ современной картѣ и сопровождая ихъ возможно точными объясненіями, и затѣмъ далъ указанія о тѣхъ исторически-извѣстныхъ мѣстностяхъ, которыя или вообще имѣли значеніе въ колонизаціи края, или не вошли въ описаніе чертежа по разнымъ причинамъ. Равнымъ образомъ Евлампій Кирилловичъ изложилъ свои общіе

выводы о времени составленія чертежа по Камѣ и Вяткѣ, относя его преимуществу къ XVI, и только частью къ XVII вѣкамъ. Этотъ отдѣлъ изслѣдованій Евлампія Кирилловича напечатанъ въ IX томѣ „Записокъ по отдѣленію этнографіи“ за 1882 годъ.

Дальнѣйшія изслѣдованія свои Евлампій Кирилловичъ, по словамъ сына его М. Е. Огородникова, предполагалъ произвести по району верхней Волги, въ предѣлахъ губерній тверской, ярославской, костромской и владимірской, и уже подготовилъ массу необходимаго для своей работы матеріала, но тяжкая болѣзнь, сведшая его въ могилу (онъ скончался въ Петербургѣ, 13 марта 1884 года на 68-омъ году жизни) не дала ему, къ сожалѣнію, возможности осуществить свое намѣреніе и цѣль многихъ лѣтъ своей жизни, и довести до конца свой обширный трудъ....

Не лишне упомянуть также, что Евлампій Кирилловичъ дѣятельно участвовалъ въ одномъ весьма почтенномъ, но недолго существовавшемъ, по недостатку средствъ, періодическомъ изданіи, — въ „Народномъ Законовѣдѣ“, выходившемъ въ началѣ семидесятыхъ годовъ. Цѣль этаго изданія заключалась въ ознакомленіи народа, въ простой,

доступной его пониманію, формѣ разсказовъ на извѣстную фабулу, приноровленную къ общественному и домашнему быту крестьянина, съ основными началами русскаго законодательства, съ которыми чаще всего ему приходится сталкиваться; большинство изъ этихъ разсказовъ „Народнаго •Законовѣда“ принадлежало перу Евлампія Кирилловича, а нѣкоторые изъ нихъ отличались положительнымъ беллетристическимъ достоинствомъ.

Лично я мало знавалъ Евлампія Кирилловича и имѣлъ всего два случая съ нимъ сталкиваться: на статистическомъ съѣздѣ въ Петербургѣ, въ 1870 году и на международномъ статистическомъ конгрессѣ, тамъ-же въ 1872 году. Впечатлѣніе онъ производилъ хорошее: былъ простъ, внимателенъ, добродушенъ, подарилъ мнѣ экземпляръ „Мурманскаго и Терскаго береговъ“, но разница-ли лѣтъ между нами въ то время, болѣзненность-ли его — близко я къ нему не подошелъ. Видъ Евлампія Кирилловича былъ слишкомъ серьезенъ, не смотря на его добродушіе, а большинство изъ насъ, участниковъ „статистическихъ парадовъ“ 1870 и 1872 годовъ было такъ весело настроено, какъ на дѣловыхъ засѣданіяхъ, такъ и на массовыхъ про-

гулкахъ въ Кронштадтѣ, на Елагинъ островъ, въ Петергофѣ, и т. д., въ которыхъ Евлампій Кирилловичъ не принималъ вовсе участія, что сблизиться съ нимъ не удалось ни мнѣ, ни моимъ товарищамъ по статистикѣ. Прямою противоположностью, въ этомъ отношеніи, былъ почтенный П. И. Небольсинъ (на статистическомъ сѣздѣ 1870 года), который, не смотря на свои сѣдины, придавалъ жару даже совсѣмъ юной молодежи, учившейся по нему и работать и быть молодою....

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что проживи Евлампій Кирилловичъ еще немного подольше, трудъ его былъ-бы полнѣе, законченнѣе. Нѣтъ однако, съ другой стороны, и причинъ опасаться, чтобы подготовленный имъ матеріалъ погибъ безвозвратно: онъ, во-первыхъ, цѣль и хранится въ семьѣ покойнаго, а во-вторыхъ, къ семьѣ этой принадлежитъ сынъ Евлампія Кирилловича М. Е. Огородниковъ, посвятившій себя тому-же дѣлу, какому себя отдавалъ его покойный отецъ и даже официально служащій въ томъ самомъ учрежденіи, въ которомъ такъ долго служилъ Евлампій Кирилловичъ—въ центральномъ статистическомъ комитетѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. М. Е. Огородниковъ мнѣ поло-

жительно говорилъ, что надѣется довершить то, къ чему такъ торно проложены всѣ пути Евлампіемъ Кирилловичемъ.

П Р И Л О Ж Е Н І Я.

I.

КЪ БІОГРАФІИ Ф. П. ПЕРЕПЛЕТЧИКОВА.

Недавно мною приобрѣтено нѣсколько рас-
трепанныхъ книжекъ, безъ начала и конца,
изъ содержанія которыхъ однако несомнѣнно
видно, что это—отчеты извѣстнаго, игравшаго
такую крупную роль въ русской исторіи первой
четверти нынѣшняго столѣтія, Россійскаго
Библейскаго Общества, основаннаго въ концѣ
1812 года. Изъ этихъ отчетовъ, между про-
чимъ, видно, что существовало и *нижегород-*
ское отдѣленіе общества, открытое 7 апрѣля
1818 года; состояло оно изъ слѣдующихъ лицъ:
вице-през-денты—преосвященный Моиссей,
епископъ нижегородскій и арзамасскій и
гражданскій губернаторъ д. с. с. Степанъ
Антиповичъ Быховецъ; *директоры*—ректоръ
семинаріи, архимандритъ печерскаго монасты-
ря Иринархъ, вице-губернаторъ д. с. с. Але-
ксандръ Семеновичъ Крюковъ, генераль-маіоръ

Петръ Богдановичъ Григорьевъ, председа-
 тель уголовной палаты д. с. с. Карль Макси-
 мовичъ Ребиндеръ, протоіерей кафедральна-
 го собора Матвѣй Филиповъ, протоіерей
 архангельскаго собора Іаковъ Ивановъ и
градскій глава Федоръ Петровичъ Переплет-
чиковъ; казначеемъ отдѣленія былъ ассессоръ
 казенной палаты н. с. Иванъ Николаевичъ
 Николаевъ, *помощникомъ* его протоіерей по-
 кровской церкви Ермилъ Ивановъ; *секрета-*
рями—губернскій стряпчій казенныхъ дѣлъ
 т. с. Кирилль Ивановичъ Мальчиковскій и
 секретарь духовной консисторіи т. с. Лука
 Николаевичъ Щепетовъ.

Въ 1822 году въ личномъ составѣ ниже-
 городскаго отдѣленія Ф. П. Переплетчикова
 уже не было.

Кстати здѣсь замѣтить, что въ составѣ
 учрежденія этаго произошли въ 1822 году
 довольно значительныя измѣненія; выбыли
 изъ директоровъ: печерскій архимандритъ
 Иринархъ и, какъ сказано, Ф. П. Переплет-
 чиковъ, но за то пополнилось число ихъ, кро-
 мѣ оставшихся (П. Б. Григорьева, К. М. Ре-
 биндера, о. Филипова и о. Иванова; А. С.
 Крюковъ, изъ директоровъ, занялъ должность
 вице-президента, вмѣсто гражданскаго гу-

бернатора С. А. Быховца, уступившаго ему и должность губернатора, такъ какъ Быховецъ былъ ниж. гражд. губернаторомъ съ 1813 по 1819 годъ, Крюковъ—съ 1819 по 1827) еще слѣдующими новыми директорами: архимандритомъ благовѣщенскаго монастыря Макариемъ, артиллеріи подпоручикомъ Александромъ Васильевичемъ Ульянинымъ, нижегородскимъ комендантомъ арміи подполковникомъ Леонтіемъ Федоровичемъ Толемъ, губернскимъ почтмейстеромъ Андреемъ Петровичемъ Рудневымъ, надворнымъ совѣтникомъ Иваномъ Васильевичемъ Яшеровымъ, правящимъ должность директора нижегородской гимназіи Петромъ Васильевичемъ Алферьевымъ, губернскимъ прокуроромъ Дмитриемъ Ивановичемъ Николаевымъ *) и коллежскимъ совѣтникомъ Алексѣемъ Васильевичемъ Веселовскимъ; *помощникомъ казначея*, вмѣсто протоіерея покровской церкви Ерми-

*) Д. И. Николаевъ, нужно думать, владелъ и порядочной библіотекой, такъ какъ изъ одного принадлежащаго мнѣ очень важнаго документа по исторіи нижегородской гимназіи съ 1806 по 1872 г., видно, что въ 1815 году въ даръ гимназіи губернскимъ прокуроромъ Николаевымъ принесено 20 частей новиковской «Древней Россійской Вивлиоэки», цѣною во 100 рублей.

ла Иванова, мы видимъ уже, въ 1822 году, протоіерея Зеленецкаго, первымъ секретаремъ, вмѣсто К. И. Мальчиковскаго—коллежскаго секретаря князя Петра Матвѣевича Кугушева (вторымъ секретаремъ, по прежнему, оставался Л. Н. Щепетовъ); кромѣ того образована была новая должность *книгохранителя*, которую занималъ, въ томъ-же 1822 году, благовѣщенскій священникъ Павелъ Ивановъ.

Изъ тѣхъ-же отчетовъ (собственно изъ отчета за 1821 годъ) видно, что кромѣ нижегородскаго отдѣленія Библейскаго Общества въ 1821 году открыты были такъ-называемыя *сотоварищества*—въ г. Василѣ и даже въ самомъ Нижнемъ Новгородѣ—при нижегородской гимназiи.

Къ сожалѣнію, изъ названныхъ отчетовъ можно извлечь о дѣятельности нижегородскихъ органовъ общества лишь самыя скудныя свѣдѣнія, и то только за 1821 годъ. По нижегородскому отдѣленію, во время ярмарки, въ этомъ году, продано Библии и Новаго Завета на 1355 р.; болѣе всего требовалось Евангелія съ Дѣяніями, и 10-ью Посланіями апостольскими на русскомъ языкѣ; кромѣ того требовалась Библия и на славянскомъ

языкъ. „Попеченіемъ г. гражданскаго губернатора, говорится въ отчетѣ, и нѣкоторыхъ членовъ тамошняго комитета, нѣкоторые изъ пріѣхавшихъ на ярмонку купцовъ приняли на себя безъ всякой платы доставленіе ящиковъ съ книгами Священнаго Писанія въ отдѣленія Библейскія Сибирскаго края“.

Въ кассу Библейскаго Общества въ теченіе 1821 года доставлено было нижегородскимъ отдѣленіемъ ассигнаціями 944 р. 25 к., серебромъ 800 р. 20 к. и золотомъ 178 полуимперіаловъ.

II.

НИЖЕГОРОДСКІЙ СИНОДИКЪ ЗА 1886 ГОДЪ.

1.

Михаилъ Борисовичъ Прутченко.

(1833—1886).

Въ Псковѣ 13 января скончался мѣстный губернаторъ. Въ Нижнемъ Новгородѣ съ 15 по 19 января былъ совершенъ рядъ общественныхъ панихидъ по покойномъ. Чѣмъ-же объясняются заупокойныя моленія нижегородскаго общества? Что за связи у послѣдняго съ псковскимъ губернаторомъ?... Губернаторомъ этимъ былъ Михаилъ Борисовичъ Прутченко. Упомянутія объ этомъ имени достаточно для того, чтобы понятна стала та живая скорбь, которая почувствована была въ Нижнемъ при вѣсти о кончинѣ хорошаго человѣка, хорошо знакомаго всякому коренному нижегородцу, такъ какъ лучшая пора жизни и дѣятельности Михаила Борисовича

(съ 1861 по 1872 годъ) принадлежала нижегородскому краю.

Михаиль Борисовичъ Прутченко родился 26 марта 1833 года. Принадлежа къ богатому нижегородскому роду, онъ, по обычаю того времени, отданъ былъ родителями, для образованія, въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ, и кончивъ тамъ курсъ въ 1851 году, восемнадцатилѣтнимъ юношей, поступилъ въ лейбъ-гвардіи драгунскій полкъ; но военная служба не была призваніемъ молодого человѣка, который и неся ее, старался занять свой умъ не чисто военными интересами: такъ онъ прикомандировался, для изученія гальванической техники, къ гальваническому заведенію, затѣмъ — къ вѣдомству военно-учебныхъ заведеній. Въ 1860 году Михаилъ Борисовичъ вышелъ въ отставку.

Насталъ историческій вѣчно-памятный 1861 годъ. Самую критическую эпоху освобожденія вынесли, какъ извѣстно, на своихъ плечахъ—мировые посредники первого призыва. Въ числѣ этихъ посредниковъ, по княгининскому уѣзду, мы видимъ Михаила Борисовича, дѣятельность котораго въ этомъ высокомъ званіи была образцовою, по ея без-

пристрастію къ обѣимъ сторонамъ — помѣщичьей и крестьянской *). Безпристрастіе, спокойное отношеніе къ дѣлу осталось основной чертой его дѣятельности и въ послѣдующее время. По оставленіи должности мирового посредника, Михаилъ Борисовичъ былъ избранъ княгининскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства (въ ноябрѣ 1863 года), и не оставляя этой должности, въ январѣ 1864 года, принялъ на себя званіе почетнаго попечителя александровскаго дворянскаго института. Это званіе онъ носилъ съ честью не только какъ званіе, но какъ серьезное высокое дѣло, которому посвятилъ много усидчиваго труда и времени, такъ какъ середина 60-хъ годовъ была эпохой въ жизни института, примкнувшаго къ общей системѣ нашихъ средне-образовательныхъ учебныхъ заведеній. При выработкѣ новаго устава института Михаилъ Борисовичъ чутко прислушивался къ мнѣніямъ учебнаго персонала; въ домѣ его (нынѣ принадлежащемъ отдѣ-

*) Въ настоящее время я обладаю однимъ весьма важнымъ для нижегородской исторіи документомъ — письмомъ М. В. Прутченко къ А. Н. Муравьеву, ярко рисующимъ безпристрастіе и стойкость М. В. Письмо это будетъ напечатано мною въ подробной біографіи покойнаго.

ленію государственнаго банка) еженедѣльно и чаще — смотря по надобности — собирався весь составъ преподавателей института, приглашались къ совѣщаніямъ и лица, постороннія институту, но главная масса труда по преобразованію института все таки досталась на долю его попечителя. Къ этому-же времени относится допущеніе къ образованію въ институтъ и лицъ не дворянскаго происхожденія.

Въ апрѣлѣ 1869 года нижегородская губернія примкнула къ семьѣ губерній, въ которыхъ введена была въ дѣйствіе вторая по важности послѣ крестьянской, законодательная и бытовая реформа прошлаго великаго царствованія — судебная, и Михаилъ Борисовичъ, избранный почетнымъ мировымъ судьей нижегородскаго судебного округа, общимъ собраніемъ мировыхъ судей, былъ избранъ предсѣдателемъ мирового съѣзда. Именно Михаилу Борисовичу, какъ первому своему предсѣдателю, съѣздъ мировыхъ судей былъ обязанъ тѣмъ обаяніемъ безпристрастія и справедливости, которымъ это молодое учрежденіе съ-разу завоевало себѣ симпатіи общества.

Въ декабрѣ того-же 1869 года Михаилъ

Борисовичъ былъ избранъ губернскимъ предводителемъ дворянства, и несъ свои новыя обязанности также безупречно, какъ и всѣ, за которыя только брался. По дѣламъ дворянства онъ посвящалъ свои силы преимущественно опять-таки институту и какъ председатель совѣта александровскаго дворянскаго банка — банковому дѣлу, а затѣмъ, стоя, по должности, во главѣ губернскаго земскаго собранія, сѣумѣлъ своимъ отношеніемъ къ земскимъ интересамъ удовлетворить всѣмъ лучшимъ стремленіямъ нижегородскаго губернскаго земства, въ его лучшія времена. И понятно, потому что въ сущности земству нижегородскому, въ обширномъ смыслѣ слова, и посвящена была вся жизнь Михаила Борисовича со дня его чисто-гражданской дѣятельности какъ мирового посредника (1861), уѣзднаго и губернскаго земскаго гласнаго (1865), а затѣмъ гласнаго нижегородской городской думы (1871) вплоть до отъѣзда его изъ Нижняго Новгорода, когда онъ призванъ былъ Высочайшею волею къ управленію псковской губерніей, т. е. до 1872 года.

Я близко не знакомъ съ дѣятельностью усопшаго, какъ псковскаго губернатора, но „слухомъ—земля полнится“, и потому долженъ

заявить, что доходившіе до насъ слухи объ этомъ, псковскомъ періодѣ дѣятельности Михаила Борисовича рисовали намъ его образъ все въ томъ-же неизмѣнномъ видѣ, — въ видѣ человѣка по преимуществу.

Много нижегородскихъ людей умираетъ ежегодно, но такихъ людей, какъ Михайль Борисовичъ, умираетъ немного.... потому что ихъ немного. Стереотипны фразы, раздающіяся при всякомъ поражающемъ насъ смертномъ случаѣ, но трудно удержаться, чтобы не повторить ихъ, такъ какъ они полны глубокаго смысла. Повторимъ-же и мы эти слова: Миръ праху твоему, честный человѣкъ, вѣчная тебѣ память!...

15 января 1886.

Алексѣй Алексѣевичъ Одинцовъ.

(1804—1886).

Извѣстная, полная добродушной терпимости, латинская пословица «de mortuis aut bene aut nihil», конечно, примѣнима къ большинству людей; менѣе извѣстный афоризмъ— „могильная надпись лучшее изъ найденныхъ до сихъ поръ средствъ получить доброе имя, хотя немного и поздно“—тоже не только остроумень, но и полонъ глубокаго практическаго смысла... Но есть люди, и такихъ, понятно, не много, для которыхъ не писаны ни латинская пословица, ни приведенный афоризмъ. Къ такимъ людямъ относится только-что почившій (17 апрѣля, въ Петербургѣ) Алексѣй Алексѣевичъ Одинцовъ, добрые отзывы о которомъ не стоятъ ни въ какой зависимости отъ жизни или смерти, а маломальски недобрые имѣютъ такое слабое основаніе, что не заслуживаютъ даже упомина-

нія... Доброе имя приобрѣтено покойнымъ слишкомъ задолго до его кончины, и никакая могильная надпись, никакой некрологъ какъ-бы они хвалебны ни были, ничего не прибавятъ къ этому доброму имени....

Нижегородская полоса жизни почившаго на столько выдается впередъ, что дастъ матеріаль для цѣлой монографіи, которая войдетъ въ составъ начатаго мною ряда біографическихъ очерковъ „Людей Нижегородскаго Поволжья“; настоящей-же бѣглой замѣткой хочу лишь удовлетворить своей непосредственной потребности высказаться по поводу свѣжей утраты, надѣясь, что частью удовлетворю этимъ и потребность многихъ и многихъ услышать хоть что нибудь о „новопреставленномъ бояринѣ Алексѣ“.... Понятно поэтому, что сейчасъ не претендую на полную, на характеристику, на критическую оцѣнку. Могу дать только набросокъ, порывъ, глубокій вздохъ....

Почти ровно 25 лѣтъ тому назадъ—4 октября 1861 года—назначенъ былъ нижегородскимъ губернаторомъ, носившимъ тогда титулъ нижегородскаго *военнаго* губернатора, генераль-маіоръ Алексѣй Алексѣевичъ Одиновъ. Смѣна губернаторовъ въ провинціи со-

ставляетъ эпоху: къ старымъ, каковы-бы они ни были, всѣ уже привыкли, ихъ знаютъ, новые еще каковы-то будутъ, еще нужно узнавать ихъ, примѣвяться къ нимъ—такъ разсуждаютъ люди болѣе или менѣе спокойные и безпристрастные; люди партій волнуются еще сильнѣе: приверженцы уходящаго губернатора нурятъ головы, элементы недовольные высоко поднимаютъ ихъ, какъ будто имъ именно принадлежитъ слава смѣны губернатора. Такъ бываетъ всегда; можно себѣ представить, каково было настроеніе нижегородскаго общества въ глубокую осень знаменательнаго 1861 года!... Уходилъ отъ дѣлъ маститый Александръ Николаевичъ Муравьевъ, старый, хотя и „раскалявшійся“, но многое и не забывшій декабристъ, вынесшій на своихъ плечахъ всю дипломатическую подготовку въ Нижнемъ осуществившейся въ 1861 году великой реформы; ѣхалъ къ намъ неизвѣстный генералъ безъ имени, безъ прошлаго.... Потомъ лишь мы узнали, что этотъ неизвѣстный генералъ умѣло и честно поработалъ въ петербургскомъ комитетѣ по улучшенію быта крестьянъ.... Приверженная Муравьеву (и часто до безотчетнаго обожанія) „партія освобожденія“ приникла; „оппозиціонная помѣщичья партія“ ликовала.

Наконецъ 6 ноября разнесся по городу слухъ, что новый губернаторъ пріѣхалъ. Слухъ этотъ превратился въ фактъ, когда на другой день разлетѣлись по городу извѣщенія о томъ, что 8 ноября въ 10 часовъ утра назначено новымъ губернаторомъ въ кремлевскомъ дворцѣ „представленіе“, какъ у насъ выражаются *).

Первое впечатлѣніе часто бываетъ обманчиво. На этотъ разъ первое хорошее впечатлѣніе осталось и послѣднимъ. Всѣ съ-разу увидали въ новомъ губернаторѣ добродушіе, безграничную простоту обращенія, свѣжій, ничѣмъ не развѣденный умъ, и никогда потомъ не встрѣчали въ немъ отсутствія этихъ высокихъ для смертнаго качествъ....

Я однако замѣчаю, что начавъ такъ, я не скоро кончу, и потому постараюсь скомкать свой „порывъ“.

Положивъ въ основаніе своего губернаторскаго управленія свои коренныя качества — прямоту, добродушіе, здравый смыслъ и твердость принциповъ (именно: принциповъ, а не настроеній, вѣяній, симпатій и антипатій),

*) Подробности см. въ № 45 «Ниж Губ. Вѣдомостей» отъ 11 ноября 1861 года.

А. А. Одинцовъ достигъ того, что управленіе его было образцовымъ. Трудное дѣло введенія въ губерніи реформы освобожденія было имъ разрѣшено блистательно: во-время сдерживая слишкомъ борзые порывы, не давая развернуться инстинктамъ тогдашнихъ „основъ“, онъ достигъ того, что едва-ли во многихъ губерніяхъ прошло дѣло такъ спокойно. О чемъ-нибудь подобномъ знаменитой „безднинской исторіи“ въ казанской губерніи здѣсь, при А. А. Одинцовѣ, и думать невозможно было *).... Добродушень былъ покойный, не помнилъ онъ зла, потому что и самъ намѣреннаго зла никому не дѣлалъ, но не могъ онъ простить одному высокопоставленному лицу его словъ („начнутся теперь тамъ разстрѣлы, экзекуціи“), сказанныхъ тогдашнему министру внутреннихъ дѣлъ графу Ланскому, по поводу назначенія его нижегородскимъ губернаторомъ.

— Умный былъ человекъ А. Н., прибавлялъ, рассказывая объ этомъ, Алексѣй Алексѣевичъ, я его мизинца не стою, а эдакой глупости я-бы никогда не придумалъ.

*) Подробности см. въ статьѣ А. А. Богодурова «Обзоръ хода крестьянскаго дѣла въ ниж. губерніи» («Виж. Сборникъ», 1867, т. I, ч. 1, стр. 1 - 84).

Вторая по времени изъ крупныхъ реформъ прошлаго царствованія—земская—также сердечно была принята Алексѣемъ Алексѣевичемъ и также честно и твердо отнесся онъ къ ней, какъ и къ реформѣ 1861 года. Нижегородское земство встрѣтило въ своемъ губернаторѣ ревностнаго заступника и ходатая, всегда говорившаго на словахъ, и доказывавшаго слова свои на дѣлѣ, что земское самоуправленіе должно самостоятельно пользоваться всѣми своими правами и не должно подчиняться непрошенному вмѣшательству въ свои дѣйствія. Но когда однажды земство, въ лицѣ губернскаго земскаго собранія, немножко занеслось, посягнувъ на права губернатора, тотъ добродушный и мягкій, гдѣ слѣдуетъ, но твердый, гдѣ тоже слѣдуетъ, человекъ, такъ показалъ свои зубы, что губернское земское собраніе, спохватившись, благоразумно отретировалось отъ угрозъ своихъ: „Въ сенатъ, въ сенатъ!“... Съ этаго „инцидента“ отношенія А. А. Одинцова, какъ губернатора, къ земству стали еще лучше, стали яснѣе, трезвѣе: губернаторъ увидалъ, что нижегородское земство вовсе не склонно „играть въ оппозицію“ во что-бы то ни стало, земство убѣдилось, что добродушіе и

мягкость не равносильны съ слабостью, и потому, зная, что губернаторъ, стоящій всегда, по принципу, за идею земскаго хозяйствованія, съ тѣхъ поръ болѣе не „будировало“ *).

Покойный М. И. П—овъ, судья доброй памяти уѣзднаго суда, сопоставляя систему управленія губерніей А. Н. Муравьева и А. А. Одинцова, такъ отозвался о его предмѣстникѣ, котораго ненавидѣлъ.

— При проклятомъ Мурашѣ никто покоенъ не былъ; того и гляди, бывало, ляжешь спать —судьей, а проснешься—свиньей.

Несомнѣнно, что мягкостью А. А. Одинцова и склонностью его прощать людямъ ихъ слабости, нѣкоторые злоупотребляли. Но безпристрастіе заставляетъ сказать, что взяточничество и безнарядье при немъ были менѣе распространены, чѣмъ при его предмѣстникѣ, нещадно казнившемъ то и другое. Правда, что до 1861 года губернія была до-реформенна и слѣдовательно податливѣе на всякіе чиновничьи казусы, но нельзя отрицать и слабого дѣйствія карательныхъ мѣръ въ этомъ отношеніи. На эту тему могу при-

*) Подробности см. въ статьѣ «Земское дѣло въ ниж. губерніи» («Ниж. Сборникъ», 1867, т. 1, ч. 1, стр 112—114.

вести подлинныя слова Алексѣя Алексѣевича изъ одного письма его ко мнѣ:

„Проблемма— что лучше для губернатора: быть черство-строгимъ или слишкомъ гуманнымъ—еще окончательно не разрѣшена. Хорошія или дурныя послѣдствія, производимыя на окружающую среду, принятіемъ того или другого положенія выясняются только временемъ. Ограниченное вмѣшательство мое въ общественныя дѣла происходило отъ желанія моего, при введеніи реформъ, дать естественный ходъ развитію сословій и новыхъ учрежденій. Развитіе гражданственности по указаніямъ администраціи рѣдко достигается и по большей части остается непрочнымъ. Доказательствъ этому Россіи не нужно искать въ другихъ странахъ“.

Совершенно серьезно сказалъ мнѣ какъ-то Алексѣй Алексѣевичъ, бывши еще въ Нижнемъ губернаторомъ:

— Знаете-ли, къ какому заключенію пришелъ я на основаніи своей губернаторской практики? Зла губернаторъ можетъ надѣлать сколько душѣ его угодно.... Хорошаго ничего почти не въ состояніи сдѣлать: обо всемъ ему еще разрѣшенія спрашивать нужно....

Судебная реформа, введенная въ нижего-

родской губерніи въ 1869 году, конечно не требовавшая. по самому своему замыслу, никакого патроната, по великому своему достоинству вполне была оценена А. А. Одинцовымъ.... Не забрасывая настоящей замѣтки личными воспоминаніями—ихъ такъ много, что хватитъ на цѣлый томъ—приведу здѣсь однако, въ доказательство „надлежащаго“ взгляда Алексѣя Алексѣевича на судебное дѣло (да кстати и на печать) слѣдующій эпизодъ.

Въ 1870 году, въ качествѣ корреспондента „Судебнаго Вѣстника“ (редакціи покойнаго А. П. Чебышева-Дмитріева), я имѣлъ маленькое столкновеніе съ однимъ изъ товарищей предсѣдателя нижегородскаго окружного суда Е. Ф. Г—номъ. Пославъ специальную корреспонденцію объ этомъ столкновеніи въ „Суд. Вѣстникъ“, я послалъ (сознаюсь, не по собственной инициативѣ, а подбитый однимъ очень юркимъ изъ тогдашнихъ адвокатовъ П. И. К—евымъ), изложеніе этаго случая, въ формальномъ письмѣ, тогдашнему министру юстиціи графу К. И. Палену. Узнавъ объ этомъ отъ кого-то и спросивъ моего подтвержденія, А. А. Одинцовъ мнѣ замѣтилъ:
— Одобряю ваши дѣйствія относительно

неприкосновенности всѣхъ функцій суда (А. А. не брезговалъ иностранными словами, тамъ, гдѣ они имѣютъ неотъемлемое мѣсто); они дѣйствительно нарушены были тѣмъ, кто блюсти ихъ долженъ—членомъ магистратуры.... А вотъ ужъ къ министру юстиціи, я-бы на вашемъ мѣстѣ, въ качествѣ представителя свободной прессы, не полѣзъ-бы: ограничился-бы одной корреспонденціей....

Я конечно долженъ былъ согласиться съ такимъ воззрѣніемъ „генерала“, опередившимъ „представителя свободной прессы“, и въ свое оправданіе могъ только привести свою слабость, допустившую совращеніе меня К—евымъ.

Живя въ Нижнемъ не первый годъ, знакомый здѣсь, полагаю, со всѣмъ, что заслуживаетъ изученія, и долженъ сказать, что будущій историкъ Нижегородскаго Поволжья въ періодъ 1861—1873 годовъ всюду будетъ встрѣчать имя Одинцова, и встрѣчая, любовно передъ нимъ останавливаться. Принадлежа къ людямъ съ широкимъ „европейскимъ“ въ истинномъ смыслѣ слова, взглядомъ на вещи, А. А. Одинцовъ строго руководствовался теоріей невмѣшательства, гдѣ слѣдуетъ, и покровительства, подталкиванія,

гдѣ это требовалось. Развитіе нашей общест-
венности ему много обязано. Всякое дѣло
общественнаго характера не только находило
въ немъ сочувствіе (конечно не на словахъ),
но еще направляемо имъ было къ разрѣше-
нію не при помощи бюрократическихъ кан-
целярскихъ силъ, а силъ самого общества.
Такъ поступилъ Алексѣй Алексѣевичъ, напр.
по отношенію къ городской библіотекѣ, ко-
торая, быть можетъ, рассыпалась-бы, предо-
ставленная однимъ общественнымъ воздѣй-
ствіямъ на нее, или отданная на произволь
самоличной бюрократіи; такъ поступалъ Але-
ксѣй Алексѣевичъ и въ болѣе сложныхъ об-
стоятельствахъ, напр. относительно управле-
нія нижегородскою ярмаркою.

Не могу обойтись безъ нѣкоторыхъ анек-
дотическаго характера (хотя строго-фактиче-
скихъ) чертъ, рисующихъ образъ покойнаго
А. А. Одинцова.

Зная себѣ цѣну, но не преувеличивая ни-
когда своихъ заслугъ и значенія, Алексѣй
Алексѣевичъ любилъ подсмѣиваться.... но не
надъ другими, а надъ самимъ собой.

На прощальномъ обѣдѣ, принятомъ имъ
отъ нижегородскаго общества, онъ, намекая

на распространенный говоръ о чрезмѣрномъ своемъ „невмѣшательствѣ“, сказалъ:

— Я доказалъ съ очевидностью, что управление губерніей у насъ можетъ цѣлый десятокъ слишкомъ лѣтъ обойтись... безъ губернатора.

Спустя нѣсколько минутъ, на томъ-же обѣдѣ онъ острилъ ужъ нѣсколько иначе:

— Да-съ, все таки нужно сознаться, что трудно вами управлять, господа: вотъ не стало меня у васъ—изъ-за моря выписываютъ вамъ воеводу.... (Преемникомъ А. А. Одицова назначенъ былъ графъ П. И. Кутайсовъ, бывший до того военнымъ агентомъ при великобританскомъ дворѣ).

Однажды П. П. Лебле, съ обычнымъ своимъ остроуміемъ доказывалъ передъ Алексѣемъ Алексѣевичемъ положеніе, что на свѣтѣ, въ сущности, нѣтъ людей глупыхъ, а глупыми люди лишь кажутся отъ того, что они не на своемъ мѣстѣ.

— Вотъ, напр., какому нибудь Ивану Ивановичу быть-бы будочникомъ....

— А онъ, глядишь, губернаторомъ! подхватилъ губернаторъ и всѣ присутствовавшіе покатались со смѣху.

Любилъ Алексѣй Алексѣевичъ вышутить и свою наружность.

Покойный А. В. Саможниковъ, большой и талантливый любитель сценическаго искусства, съ очень некрасивой наружностью и маленькаго роста, долженъ былъ однажды играть на нижегородской сценѣ роль какого-то генерала; онъ обратился къ доступному во всѣхъ отношеніяхъ губернатору съ просьбою ссудить ему, на театральнѣй вечеръ, мундиръ свой.

— Ну чтожь, батюшка, съ большимъ удовольствіемъ... Только вѣдь, сознайтесь, что фізіономіи-то наши—вовсе ужъ не генеральскія...

Иногда впрочемъ острилъ Алексѣй Алексѣевичъ, и притомъ довольно зло, надъ другими.

Прощаясь, послѣ одного пышнаго вечера, съ хозяиномъ дома М. Н. Ш—вымъ, онъ прибавилъ:

— Хороши, хороши ваши ужины и обѣды, почтеннѣйшій Михаилъ Николаевичъ, только долги, долги!..

Соль остроты заключалась въ томъ, что Ш-въ закармливалъ своихъ гостей до упаду, обѣды и ужины его тянулись нескончаемо

доло, и вмѣстѣ съ тѣмъ Лукулль нашъ былъ кругомъ въ *домахъ*.

Въ недавнюю поѣздку свою въ Петербургъ, (въ мартѣ 1886) я, конечно, видѣлся нѣсколько разъ съ покойнымъ Алексѣемъ Алексѣвичемъ. Онъ былъ, по прежнему, совершенно бодръ и свѣжъ умомъ, по прежнему добродушенъ, всегда съ отбѣнкомъ юмора при разсказахъ о себѣ (такъ онъ мнѣ живо представилъ сцену, какъ онъ играетъ въ англійскомъ клубѣ партію съ такими-же, какъ онъ, стариками, глухими и съ хроническимъ катарромъ легкихъ), и съ тѣми-же крѣпкими и неизмѣнными принципами человѣка, если не по возрасту, то по убѣжденіямъ, шестидесятихъ годовъ, и съ соотвѣтственными этимъ принципамъ взглядами на современное положеніе дѣлъ.... А къ современности нашей онъ относился какъ любящій отецъ къ неопытному, но неисправимому юношѣ, съ грустью, съ болью, въ слѣдствіе безсилія разубѣдить, помочь.... По прежнему былъ нашъ 84-лѣтній старецъ бодръ духомъ, но уже въ тѣлѣ своемъ носилъ онъ всѣ задатки роковой развязки, которую онъ самъ, къ счастью, серьезно и не подозрѣвалъ, приписывая отдышку, доходившую иногда до обморочныхъ припад-

ковъ — старческому легочному катарру. А между тѣмъ опасность грозила со стороны сердца, всегда честно бившагося, но наконецъ, въ теченіе 84 лѣтъ работы, уставшаго и запросившагося на покой. Неизлѣчимая болѣзнь сердца была констатирована у А. А. Одинцова докторомъ Кошлаковымъ еще осенью 1885 года, наканунѣ отъѣзда его дочери баронессы Е. А. Розень, съ мужемъ, въ Нью-Йоркъ, что заставило ее остаться при отцѣ, такъ какъ моментальная развязка могла послѣдовать совершенно неожиданно....

Въ послѣдній разъ видѣлся я съ Алексѣемъ Алексѣевичемъ 20 марта.... Зашла рѣчь о теперешнемъ преобладающемъ значеніи дворянства.

— Я, батюшка, на все, пожалуй, буду согласенъ, лишь-бы дѣло вело къ лучшему, и лишь-бы практика оправдывала теорію... Ну—дворянство, хорошо. А что вы подѣлаете, напр., у меня — въ „семеновской губерніи“, гдѣ всего-то одинъ дворянинъ.... Ха-ха!....

Алексѣй Алексѣевичъ такъ привыкъ говорить: „у меня, въ нижегородской губерніи, у меня, въ семеновскомъ уѣздѣ“, что употреблялъ эти выраженія, можно сказать, вплоть до самой кончины, такъ какъ, повто-

ряю, и съ нимъ видѣлся въ мартѣ нынѣшняго года.

Тогда-же рассказалъ мнѣ Алексѣй Алексѣевичъ, между прочимъ, про свои „губернаторскія“ отношенія къ студенту Курбановскому. Этотъ эпизодъ впрочемъ на столько сложенъ, что рассказъ о немъ здѣсь не умѣстень.

Вообще покойный всегда очень оживлялся при воспоминаніяхъ своихъ о Нижнемъ. Я ему какъ-то объ этомъ замѣтилъ.

— Да какъ-же-бы иначе-то! Вѣдь безъ нижегородской-то полосы, что-бы за жизнь моя была?—Офицеръ, потомъ—генераль, членъ англійскаго клуба, ну, не глупый человѣкъ, не злой—знаю—и только!... А губернаторство въ Нижнемъ—это историческая эпоха, это лучшая пора моей жизни; псвятно, что всякая мелочь, напоминающая меѣ объ этомъ времени, дорога мнѣ, и мила, и близка.

Если завидна доля того, кто возбуждаетъ къ себѣ общія симпатіи, то на Алексѣя Алексѣевича Одинцова въполнѣ доказывается, что въ себѣ самомъ лежитъ тайна првлеченія этихъ симпатій: онъ былъ во-истину добръ, прямъ, уменъ, и этими внутренними, а не внѣшними качествами своими навсегда при-

влекать людей къ себѣ, заставляя ихъ
быть себѣ преданными искренно и неиз-
мѣнно....

20 апрѣля 1886.

~~—~~

Николай Ивановичъ Русиновъ.

(1820—1886).

Начинають „подбираться“ у насъ дѣятели эпохи шестидесятыхъ годовъ, и все дѣятели видные.... Прошло съ небольшимъ три мѣсяца нынѣшняго года, юбилейнаго года, заключившаго первое 25-лѣтіе со дня великаго 1861 года, а уже нѣтъ среди насъ такихъ крупныхъ „столповъ“, каковы М. Б. Прутченко, А. А. Оudinцовъ и Н. И. Русиновъ.

Освободительная эпоха, какъ и всякая крупная историческая эпоха, выдвинула у насъ многихъ. Въ періоды упадка и застоя люди энергіи сторонятся отъ дѣла, да наконецъ и люди-то мельчаютъ, не имѣя передъ собою идеаловъ, этихъ путеводныхъ звѣздъ человѣческой дѣятельности. Въ пору подъема духа, общей бодрости, крѣпости и надеждъ, всякій, чувствующій въ себѣ божью искру, покидаетъ свою подневольно-насиженную нору,

и отдаетъ себя, по мѣрѣ силъ и способностей, общему увлеченію. Бываетъ и тутъ не безъ „уродовъ въ семьѣ“: часто выползаютъ на свѣтъ божій элементы грязные, съ нюхомъ поживиться на счетъ общей радости.... Среди „Людей Нижегородскаго Поволжья“ читатель увидитъ не мало и такихъ.... Не къ нимъ конечно принадлежалъ [недавно скончавшійся] вдали отъ своего родного пепелища, въ г. Пензѣ, Николай Ивановичъ Русиновъ.

До преобразовательной эпохи нижегородская хроника не знаетъ Николая Ивановича, хотя онъ въ это время былъ уже вполне сложившимся человѣкомъ: въ пору учрежденія нижегородскаго комитета по улучшенію быта крестьянъ (1857) ему было подь-сорокъ. До этой эпохи Николай Ивановичъ былъ простымъ помѣщикомъ, какъ говорится „обще-армейскаго типа“: родился (9 февраля 1820 года) въ родовомъ селѣ своемъ Шутиловѣ (Зуюяновскаго уѣзда нижегородской губерніи), тамъ выучился ходить, бѣгать, говорить по-русски—у дворни, по-французски—у M-me Letombel, по 8-милѣтнему году привезенъ въ „губернію“, гдѣ начали обучать его всякимъ наукамъ, у гимназическихъ учи-

телей, вмѣстѣ съ губернаторскими дѣтьми *), по окончаніи такого курса отвезенъ былъ въ столичный городъ Санктпетербургъ, гдѣ помѣщенъ къ полковнику Мессершмидту для подготовленія въ артиллерійское училище; поступилъ въ училище; передъ окончаніемъ курса, попался начальству, отправляясь севкудантомъ на дуэль своихъ товарищей, былъ наконецъ выпущенъ въ 1839 году изъ училища подпрапорщикомъ въ „Генералиссимуса князя Суворова полкъ“, прослужилъ тамъ узаконенный вольностями дворянскими не слишкомъ продолжительный и не слишкомъ краткій терминъ и вышелъ въ отставку, „по домашнимъ обстоятельствамъ“ въ 1841 году; женился, обстоятельно позаботился о продолженіи своего рода, и началъ заниматься въ селѣ Шутиловъ сельскимъ хозяйствомъ, при чемъ, также совершенно по „обще-армейски“ выходило, что именно при хозяйскомъ-то глазѣ расходы по имѣнію все росли, а до-

*) Губернаторомъ тогда былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Илларионъ Михайловичъ Бибииковъ (1829—1831); жилъ онъ въ губернаторскомъ домѣ, на Большой Покровкѣ, въ которомъ до послѣдняго времени (1885) помѣщалась контрольная палата, а теперь помѣщается типографія ниж. губ. правленія.

ходы все уменьшались *).... Такъ-бы Н. И. Русиновъ и померъ въ безъизвѣстности, почтенный лишь своими домочадцами, да 2—3 добрыми сосѣдями-помѣщиками и нескончаемо рассказывая передъ кончиною про свое секундانتство въ училищѣ, да развѣ еще—поинтересвѣе—про походъ въ кievскую губернію въ качествѣ ротнаго командира лужановской дружины нижегородскаго ополченія 1855 года.... Но „порвалась цѣпь великая“—и имя Николая Ивановича стало громкимъ именемъ въ нижегородской исторіи.... Известно, что всякое путешествіе расширяетъ горизонтъ нашего умственнаго ока. Ополченіе 1855 года сослужило нижегородской исторіи великую, хотя вовсе не боевую, въ военномъ отношеніи, службу (въ „дѣлѣ“ какъ извѣстно, оно не было и дальше Бѣлой Церкви и амуровъ въ кievской губерніи съ паненками не доходило): люди изъ похода вернулись точно другіе, перерожденные—съ мужикомъ, подъ общимъ ополченскимъ крестомъ, сблизились; ну, да и въ воздухѣ чѣмъ-то новымъ запахло.... Сверстникъ Николая

*) Нѣкоторыя подробности (особенно хронологическія) собраны были мною еще при жизни Николая Ивановича отъ него самого.

Ивановича, другой, тоже очень крупный нижегородский дѣятель, въ настоящее время удалившійся отъ дѣлъ — В. А. Хотяинцевъ, на походѣ ополченія, сказала горячую рѣчь Т. Н. Грановскому *).... Вернувшись въ Нижний, собравшись въ первое, послѣ войны, дворянское собраніе, именно ополченцы,

— *) Вотъ что писалъ Тимофей Николаевичъ женѣ своей изъ Москвы, въ 1855 году: «Былъ свидѣтелемъ выборовъ въ ополченіе. Трудно себѣ представить что нибудь болѣе отвратительное и печальное. Я не признавалъ большого патриотизма и благородства въ русскомъ дворянствѣ, но то, что я слышалъ, далеко превзошло мои предположенія. Богатые или достаточные дворяне безъ зазрѣнія совѣсти откупались отъ выборовъ: кандидаты въ должности начальниковъ дружинъ еще до избранія проповѣдывали о необходимости предоставить начальникамъ ополченія обмундировку ратниковъ и не скрывали своихъ видовъ на поправленіе обстоятельствъ, и при этомъ такая тупость, такое отсутствіе понятій о чести и правдѣ. Крестьяне-же идутъ въ ратники безропотно. Въ другихъ губерніяхъ средней и южной Россіи дѣло шло не лучше. Только въ Нижнемъ, да отчасти въ Орлѣ, дворянство показалось съ лучшей стороны. Я самъ видѣлъ (по дорогѣ сюда) нижегородское ополченіе и толковалъ съ офицерами. Между ними очень много бывшихъ нашихъ студентовъ. Вотъ что сказала мнѣ одинъ изъ нихъ, Х — въ (т. е. Василій Александровичъ Хотяинцевъ): «ни одинъ изъ проживающихъ въ нижегородской губерніи воспитанниковъ московскаго университета не уклонился отъ выборовъ. Мы всѣ пошли. За то другіе надъ нами

т. е. дворяне, бывшіе въ ополченіи, когда прочитали имъ рескриптъ генераль-губернатору Назимову 20 ноября 1857 года, крикнули, что желаютъ не только улучшить, но и покончить навсегда съ крѣпостнымъ правомъ. Эти-же ополченцы-дворяне, не давъ опомниться другимъ, тотчасъ-же составили постановленіе, заставили всѣхъ подписать его, и избрали А. Х. Штевена, для поднесенія своего акта отреченія Государю. Все это было дѣломъ чуть не минуты, и только когда наши ополченцы явились къ губернатору А. Н. Муравьеву, когда „старый революціонеръ“, какъ его втихомолку тогда называли, зарыдалъ громко, когда далъ онъ Штевену курьерскую подорожную и всѣми мѣрами спѣшилъ его отправить въ Петербургъ—тогда только многіе и многіе почесали свои затылки, но было уже поздно... А московское дворянство глумилось надъ нижегородскимъ и въ насмѣшку прозвало

смѣялись».... Я гордился въ эту минуту званіемъ московскаго профессора.... Вообще эта печальная, отрадная встрѣча съ нижегородскимъ ополченіемъ произвела на меня глубокое и свѣтлое впечатлѣніе. За то какъ мало хорошаго во всемъ остальномъ!» («Т. Н. Грановскій», А. Станкевича. М. 1869. Стр. 292—293).

нижегородскихъ дворянъ Миниными и Пожарскими. Насмѣшками такими люди въ родѣ Н. И. Русинова гордились, а многіе ими обижались. Эти послѣдніе такъ дружно сплотились, что если-бы не знаменитая всей Россіи рѣчь почившаго Освободителя, сказанная дворянству, въ моментъ пребыванія Императора въ Нижнемъ (18—22 августа 1858 года) — занятія губернскаго комитета по улучшенію быта крестьянъ вертѣлись-бы только около мечтаній „улучшенія“ этаго быта *).... Память Н. И. Русинова чиста отъ подобныхъ упрековъ, такъ какъ онъ, вмѣстѣ съ Н. П. Болтынымъ, Е. И. Лагодой, М. Н. Суцевымъ, А. В. Демидовымъ, А. Н. Карамзинымъ, А. И. Эшманомъ, И. А. Анненковымъ и Г. Н. Нестеровымъ, принадлежалъ къ меньшинству комитета, состоявшаго всего изъ 25 лицъ **).

*) Рѣчь Государя см. въ № 39 «Ниж. Губ. Вѣдомостей» отъ 20 сентября 1858 года; въ «Матеріалахъ для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія», т. I, глава VIII; также у Скребицкаго («Крестьянское дѣло въ царствованіе императора Александра II»), и у И. Иванюкова («Паденіе крѣпостного права въ Россіи». Спб. 1882, стр. 57).

**) Кстати приведу здѣсь, по Скребицкому, списокъ состава нижегородскаго губернскаго комитета по улучшенію быта крестьянъ: *предсѣдатель* Николай Петровичъ

По законодательномъ завершеніи подготовительныхъ работъ, т. е. по полученіи въ Нижнемъ манифеста 19 февраля (12 марта

Болтинъ, члены по уѣздамъ: нижегородскому: Алексѣй Павловичъ Козловъ, Аполлонъ Николаевичъ Саламыковъ, кандидатъ Алексѣй Рафаиловичъ Остафьевъ; ардатовскому: Александръ Николаевичъ Карамзинъ, Александръ Ивановичъ Эшманъ, канд. Александръ Сергѣевичъ Ланской; арзамасскому: Евграфъ Ивановичъ Лагода, Геннадій Николаевичъ Виноградовъ, канд. Василій Николаевичъ Левашовъ, Александръ Николаевичъ Ульянинъ; балахнинскому: Михаилъ Ивановичъ Гриневицъ, Яковъ Ивановичъ Голубевъ; васьинскому: Михаилъ Николаевичъ Сущевъ, Аркадій Васильевичъ Демидовъ, канд. князь Андрей Петровичъ Чегодаевъ; горбатовскому: Сергѣй Васильевичъ Шереметевъ, Петръ Дмитриевичъ Стремоуховъ, канд. Петръ Николаевичъ Воцлярлярскій; княгининскому: князь Сергѣй Павловичъ Гагаринъ, Александръ Антоновичъ Инсарскій, канд. Ипполитъ Афанасьевичъ Зыбинъ; лукояновскому: Василій Ивановичъ Яшеровъ, Николай Ивановичъ Русиновъ, канд. Дмитрій Сергѣевичъ Сожалѣновъ; макарьевскому: Владиміръ Андреевичъ Рудневъ, графъ Николай Сергѣевичъ Толстой, канд. Валерій Николаевичъ Левашевъ; семеновскому: Василій Евдокимовичъ Купреяновъ, Валеріанъ Владиміровичъ Аристовъ, канд. Александръ Александровичъ Обрѣзковъ и сергачскому: Петръ Алексѣевичъ Кондратьевъ, Алексѣй Егоровичъ Брюковъ, канд. Михаилъ Павловичъ Краснопольскій. Члены отъ правительства: Иванъ Александровичъ Анненковъ (на мѣсто Алексѣя Христіановича Штевена) и Геннадій

1861 года; открытіе губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія происходило 14 марта), Николай Ивановичъ былъ избранъ мировымъ посредникомъ по лукояновскому

Николаевичъ Нестеровъ) («Крестьянское дѣло въ царствованіе императора Александра II», А. Скребницкаго. Боннъ на Рейнѣ, 1862, томъ I, стр. 895). (Такимъ образомъ большинство, противившееся реформѣ, членовъ комитета состояло изъ 16-ти челоѣкъ (оцускаю кандидатовъ), имена которыхъ тоже должна помнить исторія: Козловъ, Саламыковъ, Шереметевъ, Стремоуховъ, Виноградовъ, Яшеровъ, Кондратьевъ, Крюковъ, князь Гагаринъ, Инсарскій, Рудневъ, графъ Толстой, Гриневичъ, Голубевъ, Купреяновъ и Аристовъ.) По-уѣздно, за упраздненіе крѣпостного права стояли, вмѣстѣ съ предсѣдателемъ комитета губернскимъ предводителемъ дворянства *Н. П. Болтинымъ*, не считая членовъ отъ правительства, представители уѣздовъ: *ардатовскаго* (оба: Карамзинъ и Эшмаиъ), *арзамаскаго* (одинъ Лагода), *васильскаго* (оба: Сущевъ и Демидовъ), *лукояновскаго* (одинъ Русиновъ; противниковъ-же реформы, защитниковъ крѣпостного права въ томъ или другомъ видѣ, тѣхъ, къ кому относились слова покойнаго Императора въ 1858 году, выслали въ комитетъ слѣдующіе уѣзды: *нижегородскій* (въ лицѣ Козлова и Саламыкова), *балахнинскій* (въ лицѣ Гриневича и Голубева), *горбатовскій* (въ лицѣ Шереметева и Стремоухова); *клишиинскій* (въ лицѣ кн. Гагарина и Инсарскаго), *лукояновскій* (въ лицѣ одного Яшерева), *макарьевскій* (въ лицѣ Руднева и гр. Толстого), *семеновскій* (въ лицѣ Купреянова и Аристова) и *сериачскій* (въ лицѣ Кондратьева и Крюкова).)

уѣзду. Съ восторгомъ вспоминалъ онъ еще недавно, въ бесѣдѣ своей со мной, лѣтомъ 1885 года, это „золотое“, какъ онъ называлъ, для него время:

— При звонѣ церковныхъ колоколовъ пришлось мнѣ переѣзжать изъ села въ село, объявляя заранѣе собранному изъ окрестныхъ деревень народу царскій манифестъ.... Приятно было быть добрымъ вѣстникомъ!... И за то какъ-же насъ, первыхъ мировыхъ посредниковъ, народъ любилъ и уважалъ; съ какимъ полнымъ, дѣтскимъ довѣріемъ относился къ намъ, называя насъ царскими посланниками!...

Не дослужилъ однако трехлѣтняго срока Николай Ивановичъ, такъ какъ уставныя грамоты имъ, въ его участкѣ, были введены, а затѣмъ начиналась для него, по его выраженію, канцелярская работа, которую онъ не терпѣлъ. Но не долго пришлось ему отдыхать: въ 1865 году, когда введены были въ губерніи земскія учрежденія, онъ былъ избранъ въ предсѣдателя лукояновской уѣздной земской управы. Въ этой должности Николай Ивановичъ пробылъ всѣ три года, но отъ дальнѣйшей службы на-отрѣзъ отказался, такъ какъ счелъ отношеніе къ себѣ лукоя-

новскаго земскаго собранія „министерскимъ вопросомъ“. Серьезныя причины разногласія перваго предсѣдателя лукояновской управы съ мѣстнымъ земскимъ собраніемъ подробно изложены самимъ Николаемъ Ивановичемъ въ статьѣ его „Лукояновскій уѣздъ нижегородской губерніи“ *); здѣсь достаточно привести главнѣйшія: лукояновскій уѣздъ состоитъ изъ двухъ неравныхъ, рѣзко другъ отъ друга отличающихся, частей: одна (къ заштатному городу Починкамъ) обладаетъ лучшимъ грунтомъ земли и относительно большимъ количествомъ луговъ, другая (къ г. Лукоянову) состоитъ преимущественно изъ сѣрой глины и отчасти песчаной почвы. Объ этомъ Н. И. Русиновъ, вмѣстѣ съ покойнымъ В. И. Яшеровымъ, подавалъ, въ свое время, заявленіе въ мѣстный губернскій комитетъ по улучшенію быта крестьянъ, но заявленіе это почему-то оставлено было безъ вниманія и по положенію 19 февраля весь лукояновскій уѣздъ, цѣликомъ, отнесенъ былъ къ черноземной полосѣ, въ слѣдствіе чего всѣ

*) «Ниж. Сборникъ» 1875, т. V, стр. 235—256; въ этомъ-же изданіи (1869, томъ II, стр. 1—102) помѣщена обширная статья того-же автора, разсматривающая уѣздъ съ различныхъ точекъ зрѣнія.

крестьяне уѣзда получили одинаковый надѣлъ, обязывавшій ихъ къ одинаковымъ платежамъ. Въ виду такой явной несправедливости, Н. И. Русиновъ, бывши предсѣдателемъ управы, собравъ массу данныхъ (эти данныя и послужили ему матеріаломъ для статей его въ „Ниж. Сборникъ“) и поставилъ въ земскомъ собраніи вопросъ ребромъ, настаивая на необходимости и неотложности новой, болѣе уравнительной раздѣлки угодій. На грѣхъ большинство гласныхъ лукояновскаго земскаго собранія состояло изъ черноземниковъ и предложеніе Николая Ивановича о переоцѣнкѣ земель, поставленное на баллотировку, провалилось. Послѣ того собраніе все-таки стало упрашивать Николая Ивановича не покидать предсѣдательства въ управѣ (истекалъ срокъ трехлѣтнихъ полномочій), но онъ, какъ сказано, безповоротнo отъ этого отказался, даже въ довольно рѣзкой формѣ:

— Не найдя въ самихъ себѣ духа справедливости, сказалъ Николай Ивановичъ, гг. гласные лукояновскаго земскаго собранія во главѣ своего уѣзднаго хозяйства меня болѣе не увидятъ.

Съ 1865 по 1885 годъ Николай Ивановичъ былъ несмѣлвымъ гласнымъ губер-

скаго земскаго собранія и, сколько мнѣ помнится, ни разу не „блисталь“ своимъ отсутствіемъ, такъ что даже какъ-то странно будетъ не видѣть болѣе величавой, прямой фигуры Николая Ивановича въ собраніи съ 1886 года, не слышать его голоса, который никогда не высказывался здѣсь не согласно съ достоинствомъ собранія, не имѣть его вообще въ средѣ нижегородскаго губернскаго земства и особенно въ плеядѣ тѣхъ, теперь уже немногочисленныхъ гласныхъ, которые были такъ молоды и горячи въ первые годы жизни губернскаго земства, когда они такъ страстно дебатировали днемъ—въ залѣ дворянскаго собранія, обычномъ мѣстѣ своихъ засѣданій, а по ночамъ, за стаканомъ чаю, въ клубахъ табачнаго дыма, въ дикомъ домѣ на Петропавловской улицѣ....

Николай Ивановичъ былъ типомъ мѣстнаго дѣятеля, искренно преданнаго своему родному углу: избранный предсѣдателемъ уѣзднаго училищнаго совѣта еще въ бытность свою въ управѣ, онъ не покидалъ школьнаго дѣла вплоть до 1874 года, т. е. до изданія новаго положенія о начальныхъ школахъ, когда во главѣ училищныхъ совѣтовъ поставлены были предводители дворянства.

Забываясь объ открытіи школъ въ уѣздѣ и о лучшей ихъ постановкѣ, на земскій счетъ, Николай Ивановичъ не жалѣлъ на это святое дѣло и собственныхъ средствъ: онъ построилъ въ Лукояновѣ, около уѣзднаго училища, флигель, куда помѣстилъ приготовительный классъ для мальчиковъ; по его инициативѣ открыто въ Лукояновѣ-же женское училище, въ которомъ долгое время находилась преподавательницей (конечно безвозмездно) дочь его Зинаида Николаевна; Николаемъ-же Ивановичемъ основана въ Лукояновѣ общественная библіотека.

На поприщѣ сельскаго хозяйства Николай Ивановичъ тоже старался выбиться изъ рутины (многіе, какъ извѣстно, гордятся тѣмъ, что слѣдуютъ однимъ дѣдовскимъ обычаямъ); онъ много читалъ по сельскому хозяйству, получалъ постоянно выдающіеся сельско-хозяйственные журналы, заводилъ соотвѣтственные знакомства, и еще въ 1863 году основалъ въ уѣздѣ лукояновскій сельско-хозяйственный съѣздъ, который въ 1883 году преобразовался въ лукояновское общество земледѣлія и сельской промышленности; съѣздъ и общество были постоянно подъ предсѣдательствомъ Николая Ивановича. Особенно дѣя-

теленъ былъ луюковскій сѣздъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, когда новые „аграрные заковы“ поставили сельское хозяйство въ необходимость примѣняться къ новымъ условіямъ. Много потратилъ труда сѣздъ, и во главѣ его — Николай Ивановичъ, на выработку болѣе удобнаго типа хозяйства, и пришолъ къ убѣжденію, что слѣдуетъ переходить къ системѣ вольнаго труда посредствомъ устройства хуторовъ; хозяевамъ-же съ небольшими средствами сѣздъ рекомендовалъ временно прибѣгать къ разнымъ видамъ изпольнаго хозяйства съ удержаніемъ однако скотоводства для поддержанія производительности земли. Съ того времени уѣздъ покрылся цѣлою сѣтью хуторовъ, которые теперь, какъ говорятъ, процвѣтаніемъ своимъ, заслуживаютъ полнаго вниманія.

Бывши во главѣ луюковскаго сельскохозяйственнаго сѣзда, Николай Ивановичъ устраивалъ, при помощи правительства и земства, мѣстные выставки два раза и два же конкурса земледѣльческихъ орудій.

Рядомъ съ этимъ Николай Ивановичъ, почти со дня введенія въ губерніи земскихъ учреждений, былъ уполномоченнымъ губернскаго земства по управленію Обуховскимъ

земскимъ хуторомъ въ лукояновскомъ уѣздѣ и дѣятельно участвовалъ въ предположеніяхъ учредить на этомъ земскомъ хуторѣ сельско-хозяйственную школу.

Случайно совпала у меня рѣчь о трехъ свѣжихъ могилахъ; въ слѣдствіе такой случайности и не дѣлаю никакихъ сравненій между почившими нижегородскими дѣятелями шестидесятыхъ годовъ. Силы ихъ были различны, общественное ихъ положеніе тоже, параллель между ними можно провести развѣ съ усиленной натяжкой; гораздо легче было-бы сопоставить различіе между ними; но работали они на одномъ полѣ, въ одинаковую великую годину, работали каждый соразмѣрно даннымъ имъ природою силамъ и разумѣнію, и почили они почти въ одно и тоже время—вотъ то общее, которое ихъ сблизило.... Помянемъ-же ихъ доброю и вѣчною памятью....

20 апрѣля 1886.

